

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Научный журнал

№ 1

Санкт-Петербург
2016

История повседневности

Научный журнал

№ 1 2016

Основан в 2016 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е. С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент;
В. А. Веремеенко, доктор исторических наук, профессор (отв. ред.);
Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, доцент;
А. Дудек, доктор наук, профессор (Республика Польша);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор
(Республика Казахстан);
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор;
К. Мацузато, доктор юридических наук, профессор (Япония);
С. М. Назария, кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент
(Республика Молдова);
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор;
Д. Рансел, профессор (США);
И. А. Тропов, доктор исторических наук, доцент;
Л. Цзюань, профессор (Китайская Народная Республика)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
им. А. С. Пушкина, 2016
© Авторы, 2016

Содержание

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

А.В. Белова, П.В. Волошун

Императрица Александра Федоровна
в контексте семейной жизни: супруга и мать 7

В.В. Каминский

Генерал Красной армии М.Г. Снегов жену-дворянку,
как и Родину, не предал..... 32

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Н.Д. Козлов, В.Н. Бенда

Организационно-штатная структура инженерного корпуса
Российской империи во второй половине XVIII в. 41

А.В. Тюрин

Ленинградское отделение Союза писателей в годы хрущевских
реформ и его борьба за «моральный облик» своих членов..... 54

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

И.В. Синова

Маргиналы в петербургском социуме
во второй половине XIX – начале XX в. 63

О.В. Северцева

Женщины и система штрафования на фабриках и заводах
Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. 77

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В.А. Веретенко

Сексуальное воспитание юношей в дворянско-интеллигентских
семьях России во второй половине XIX – начале XX в. 85

В.В. Карпова

Работа трудовых огородных ученических дружин в 1916 г. 105

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Г.Ю. Афанасьев

Экологическая проблема загрязнения больших городов
в истории повседневности Российской империи
второй половины XIX – начала XX в..... 116

М.В. Кротова

Как в Ленинграде в 1932 г. искали смокинг и вечернее платье..... 126

ИСТОРИЯ ПРАВА

И.Б. Михайлова

Полевой поединок – норма права в средневековой Руси 136

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Е.Н. Крылова

Формирование общественного мнения
о власти в России в начале XX в.
на примере газеты «Санкт-Петербургские ведомости» 153

ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

А.Н. Егоров

Рецензия на сборник «Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы
парламентаризма: история и современность»: междунар. науч. конф.,
С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 дек. 2013 г.: сб. науч. ст. /
под ред. А.Б. Николаева: в 2 ч. СПб.: ЭлекСис, 2014 162

Сведения об авторах 170

Contents

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

A.V. Belova, P.V. Voloshun

Empress Alexandra Feodorovna in the context of family life:
the wife and mother 7

V.V. Kaminckiy

The Red Army General M.G. Snegov did not betray
his wife-noblewoman, as well as his Motherland... 32

EVERYDAY LIFE OF STATE AND PUBLIC INSTITUTIONS

N.D. Kozlov, V.N. Benda

Organizational and staff structure of engineering corps
of the Russian Empire in the second half of the XVIII century 41

A.V. Tyurin

Leningrad branch of the Writers' Union during the Khrushchev's
reforms and his struggle and "moral image" of its members..... 54

EVERYDAY LIFE OF CERTAIN SOCIAL GROUPS

I.V. Sinova

St. Petersburg society's outcasts in the
second half of XIX – early XX cc..... 63

O.V. Severtseva

Women and system of fining at factories and plants of St. Petersburg
in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries 77

HISTORY OF EDUCATION

V.A. Veremenko

Sex education of young men in aristocratic and intellectual families
of Russia in the second half of XIX – early XX centuries 85

V.V. Karpova

The work of labor garden student teams in 1916..... 105

REGIONAL ASPECTS OF HISTORY OF DAILY LIFE

Gr.Yr. Afanasiev

Urban pollution as the ecological problem of the daily history
of the Russian Empire of the second part
of 19-th – beginning of 20-th century 116

M.V. Krotova

How to Find Evening Dress in Leningrad in 1932..... 126

HISTORY OF LAW

I.B. Mikhailova

Trial by ordeal is the standard of right in medieval Rus 136

THE POWER AND SOCIETY

E.N. Krylova

Forming of public opinion about authority in Russia
at the beginning of XX century by the example
of newspaper “The Saint-Petersburg Vedomosti” 153

RESPONSES, REVIEWS

A.N. Yegorov

Review of the collection «Tauric readings in 2013. Current problems
of parliamentarism: history and modernity. International scientific
conference, St. Petersburg, Tauride Palace, 11–12 December 2013.
Collection of scientific articles / Ed. By B.A. Nikolaev: In 2 parts».
SPb.: Book publisher «Elexis», 2014 162

About authors..... 170

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 316.728

А.В. Белова, П.В. Волошун

Императрица Александра Федоровна в контексте семейной жизни: супруга и мать

В статье рассматриваются аспекты повседневной жизни императрицы Александры Федоровны Романовой в контексте семейных социальных ролей жены и матери. На основе исследования источников личного происхождения – мемуаров, писем, дневников – анализируются различные мнения родственников, фрейлин, министров, представителей интеллигенции о повседневных аспектах частной и публичной жизни Александры Федоровны. Субъективные взгляды современников сопоставлены с письмами самой императрицы как выражением пережитого ею опыта женской повседневности. Авторы уделяют особое внимание причинам появления фаворитов (Ф. Низье, Г. Распутин, А. Вырубова), увлечения мистикой, оказания влияния на мужа, императора Николая II, отношению к материнству. Методологические подходы истории повседневности и гендерной истории позволили по-новому осмыслить личность последней российской императрицы, проникнуть в мотивы ее неоднозначного и непонятного другим повседневного поведения. Авторы пришли к выводу о неприятии патриархальным общественным сознанием ее слишком активной жизненной позиции как жены и как матери, в наибольшей степени проявившейся в повседневной жизни замужней женщины.

The article is devoted unstudied problem of everyday life of the Tsarina Alexandra Feodorovna Romanovin the context of family social roles of wife and mother. Based on the study of sources of personal origin – memoirs, letters, diaries – analyzes the various opinions of relatives, maid of honour, ministers, intellectuals about everyday aspects of private and public life of Alexandra Feodorovna. Subjective opinions of contemporaries and letters of the Tsarina were compared as a manifestation of women's experience in everyday life. Authors gave particular attention to the reasons to the appearance of favorites (Ph. Nizier, Rasputin, A. Vyubova), the mystical interest, the impact on husband, the Tsar Nicholas II, the relation to motherhood. The history of everyday life and of the gender history methodological approaches allowed to rethink the person of the last Tsarina of Russia, and to penetrate the motives of her everyday behavior is ambiguous and incomprehensible. Authors to arrive at conclusion that patriarchal public consciousness didn't accept her too active position in life as a wife and as a mother manifested in the daily life of a married woman to the greatest extent.

Ключевые слова: история повседневности, женская повседневность, женская история, дворянки, материнство, Романовы, императорская семья, императрица Александра Федоровна.

Key words: history of everyday life, women's everyday, women's history, noblewomen, motherhood, the Romanovs, the Imperial family, the Empress Alexandra Feodorovna, the Tsarina Alexandra Feodorovna.

Изучение повседневной жизни императрицы Александры Федоровны Романовой невозможно вне контекста ее семейной жизни, отношений с мужем и детьми, восприятия ею самой и ближайшим окружением этих отношений. Для понимания причин приближенности к ней Г. Распутина и других личностей, пользовавшихся ее расположением, обвинений в мистицизме следует обратиться к ее характеру, интересам, супружеству, материнству и тем самым определить действительную потребность в фаворитах (месье Ф.А. Низье, Г. Распутин) и фаворитках (А. Вырубова), их значимость для императрицы и те роли, которые они исполняли в ее повседневной жизни, что позволит либо подтвердить бытовавшие среди современников слухи о распутстве и оккультизме Александры Федоровны, либо опровергнуть их.

В.И. Чеботарева, урожденная Дубягская, старшая сестра в дворцовом лазарете императрицы, жена генерал-майора П.Г. Чеботарева, писала в своем дневнике: «Волосы дыбом встают: в чем только ее не обвиняют, каждый слой общества со своей точки зрения, но общий, дружный порыв – нелюбовь и недоверие» [1, с. 205]. При этом сама она изменила отношение к Александре Федоровне под давлением революционных событий и нового уклада повседневности, называя ее в первой части дневника «благородной, чудной женщиной» [2, с. 175], а во второй – «ужасным виновником всех бед родной земли» [1, с. 235]. По выражению В.И. Чеботаревой, «она погубила и всю семью, несчастная, больная душой, больная мистицизмом и гордыней» [1, с. 235]. Справедливости ради стоит отметить, что отношение к императрице на страницах дневника менялось в контексте переосмысления автором и себя, своей жизни, мировоззрения в условиях переживаемых ею ужасов и лишений повседневной жизни в 1917–1918 гг.

При том, что, по меткому выражению З.Н. Гиппиус, «задавленная правда растет криво, вкось – сплетнями» [3, с. 60], нельзя игнорировать мнений об императрице представителей научной и творческой интеллигенции, собственно «просвещенной части русского общества» [4, с. 114], к которой, по словам А.Ф. Кони (1917), она относилась «презрительно и высокомерно» [4, с. 113–114]. Главный же их укор в адрес Александры Федоровны состоял в необоснованном «воздействии на личные назначения (Николая II. – А.Б., П.В.), дошедшие до следования указаниям Распутина» [4, с. 113]. Вспоминая в 1923 г. «печальную зиму» 1915–1916 гг., З.Н. Гиппиус писала «не для осуждения» [3, с. 58], имея в виду «троих: царицу, верную слугу ее, Анну Вырубову ("Аню", как обычно звала ее царица, да и мы, бессильные, невольные участники совершавшегося), а третьего – сибирского мужичонку Распутина» [3, с. 58], вершивших судьбы страны и многих людей узким кругом уполномочивших себя в частном алькове: «В Петербурге жизнь шла странная, – стыдная. Все чувствовали, что наваливается что-то на плечи и тяжелеет. Думу созывали редко, с вечными отсрочками. Когда созовут, наконец – думское

колесо вертится в пустоте. Дела делаются там, за стенами маленького аниного домика. И немножко на Троицкой, где Гришка принимает министров, облеченный в белую хламиду» [3, с. 77]. Важно подчеркнуть, что и другие женщины – авторы мемуаров (Ю. Ден, Е.А. Нарышкина) испытывали неприязнь к А.А. Вырубовой, которая была наиболее приближена к Александре Федоровне, и относились к ней не без оснований либо настороженно, либо откровенно нетерпимо: «Дама эта оказалась Анной Вырубовой, чье имя впоследствии неизменно связывали с именем Распутина и чья дружба с Императрицей послужила причиной для множества ни на чем не основанных слухов и скандальных историй» [5, с. 40].

Известно, что многие авторы воспоминаний (С.Ю. Витте, А.В. Бельгард), не будучи участниками повседневной жизни императрицы, часто оказывались теми, чьи амбиции и ожидания сталкивались с семейными ценностями императрицы, а их собственное влияние на императора было минимальным. Сведениям от данных лиц следует в большей степени доверять лишь тем, которые касались непосредственно рабочих вопросов, связанных с политикой и военными действиями, но в меньшей степени – отзываю о частной жизни императорской семьи, анализе их внутренних мотивов, о которых министры и дипломаты имели такое же представление, как и обыватели. Именно этот круг современников отличается особенной критичностью и категоричностью по отношению к императрице Александре Федоровне. Следует отметить, что в него вошли преимущественно мужчины, занимавшие посты в правительстве, кроме А.В. Богданович, супруги генерала от инфантерии Е.В. Богдановича, хозяйки салона, который посещали государственные чины из окружения ее супруга. По мнению представителей интеллигенции, в частности А.Ф. Кони, Александра Федоровна была «психопатической женой» [4, с. 105] Николая II, «пребывавшего под ее немецким башмаком» [4, с. 105], которая как царица, говоря словами З.Н. Гиппиус, «никому не нравилась» [3, с. 59].

Методология истории повседневности – «пережитая история», собственная версия осознания каждым человеком общего исторического прошлого, субъективное восприятие происходивших политических и частных событий. Для решения данной научной проблемы необходимо изучить источники личного происхождения, содержащие сведения об императрице, а именно: дневники, письма, мемуары, с учетом личностей их авторов, их отношения и степени приближенности к императрице, вовлеченности в ее повседневную жизнь и тем самым информированности о внешних событиях и внутренних переживаниях. Информационные возможности источников личного происхождения для исследования истории повседневности, в частности повседневной жизни женщин знатного происхождения XVIII – начала XX в. от провинциальных дворянок до революционерок и великих княгинь, раскрываются в многочисленных работах А.В. Беловой [6, с. 49–55; 7, с. 116–118; 8, с. 179–199; 9, с. 29–

30, 68–70; 10, с. 45–48; 11, с. 64–69; 12, с. 42–50] и П.В. Волошун [13, с. 87–92; 14; 15, с. 3, 9, 10, 17]. Не менее важно расслышать и голос самой Александры Федоровны, «интимнейших писем женщины, жены к мужу» [3, с. 59]. По словам З.Н. Гиппиус, ее современницы и подданной, мнение которой о ней вовсе не отличалось лояльностью, без обнародования этих писем «никогда не знали бы правды, отныне твердой и неоспоримой, об этой женщине, как верной и любящей женщине, как верной и любящей жене, как самоотверженной матери» [3, с. 59].

Изучение переписки царственных супругов, изданной Центрархивом, показывает, что количество писем Александры Федоровны (они все пронумерованы согласно их собственному желанию [16, с. 136–137, 201]) в два раза превышает количество писем и телеграмм Николая II. В этом просматривается и гендерный аспект эпистолярного жанра как женской прерогативы, и привычки самих императора и императрицы: «Государь же писал очень медленно. Помню случай (как раз в Крыму): он ушел писать письмо матери в два часа и, вернувшись в пять часов к чаю, сказал, что еще не окончил письма» [17, с. 42–43], в то время как «императрица писала чрезвычайно быстро, лежа на кушетке; она в полчаса могла ответить на несколько писем» [17, с. 42]. Письма имели большое значение в жизни Александры Федоровны, что также стало предметом пересудов [1, с. 206]. Известно, что некоторые письма императрицы к Г. Распутину были украдены у него [5, с. 102], опубликованы и стали новым поводом для обвинений [5, с. 102; 18, с. 414]. По словам З.Н. Гиппиус, во время «грандиозно-безобразных» кутежей «Распутин выхватывает из кармана кучу смятых бумажек – письма царицы» [3, с. 74]. Правда, для нее как для современницы несомненно, что «грубые и грязные сплетни о его отношениях к царице – порождение самого Распутина» [3, с. 74].

При сопоставлении характеристик Александры Федоровны и Николая II, становится очевидно, насколько их гендерные роли им не соответствовали. По воспоминаниям окружения, Николай неизменно предстает безвольным, «безусловно подчиненным жене» [4, с. 105], а Александра – помыкающей им: «Если бы государь имел волю, то такая жена, как Александра Федоровна, была бы соответственная. Она – жена императора, и только. Но несчастье в том, что государь безвольный. Кто может иметь на него прочное и непрерывное влияние? Конечно, только жена. К тому же она красива, с волею, отличная мать семейства. Может быть, она была бы неприятна для царя с волей, но не для нашего царя. В конце концов она забрала в руки государя. Несомненно, что она его любит, желает ему добра – ведь в его счастье ее счастье. Может быть, она была бы хорошею советчицею какого-либо супруга – немецкого князька, но является пагубнейшею советчицею самодержавного владыки Российской империи» [19, с. 596]. Вопреки распространенным ожиданиям твердости воли и жесткой решительности от Николая как

императора, мужчины, главы семьи, он производил на современников впечатление человека ведомого, в том числе женой, и внушаемого.

С.Ю. Витте высказывал такое, близкое к скабрёзному, мнение: «Нужно заметить, что наш государь Николай II имеет женский характер. Кем-то было сделано замечание, что только по игре природы незадолго до рождения он был снабжен атрибутами, отличающими мужчину от женщины» [19, с. 577]. В то время как про императрицу говорили обратное: «Возвращаясь от юной государыни после докладов, мой отец делился с нами своими впечатлениями... Необычайная застенчивость императрицы его поражала, «но, – говорил он, – ум у нее мужской» [17, с. 14], что, в свою очередь, формировало отношение к Александре Федоровне не как к «женщине». Так, например, во время церемонии представления царице «одна m-me Дешанелль поцеловала ей руку, остальные все ей делали shake-hands (рукопожатие. – англ.), мужчины тоже трясли ей руку» [20, с. 272]. Что касается самой Александры Федоровны, она могла удивить супруга, одевшись в офицерский мундир и произведя осмотр уланского полка [21, с. 345]. Современницы свидетельствуют, что императрица считала себя большим мужчиной, чем некоторые представители этого пола, в частности держатели министерских портфелей: «"Все эти мужчины – трусы! – воскликнула она. – Думаю, что я единственный мужчина среди них. Под юбками у меня надеты брюки!"» [21, с. 379]. О себе императрица не раз говорила: «... je sens que j'ai la culotte sous ma jupe» [2, с. 192] («...я чувствую, что у меня штаны под юбкой». – пер. с фр. наш. – А.Б., П.В.). Напротив, З.Н. Гиппиус считала царицу «немужественной, робкой, даже трусливой», однако «уверившейся, что за ней стоит "высшая сила"» [3, с. 64], материализующаяся в снах и пророчествах Распутина, который поэтому и был «ей необходим» [3, с. 64]. Зарубежные исследователи считают, что подобное увлечение мистикой, характерное для женщин привилегированного класса во второй половине XIX – начале XX в., связано непосредственно с «женским вопросом» и использовалось как средство агитации за права женщин [22, с. 1].

Ближайшие родственники и окружение императорской четы утверждали, что император Николай Александрович был сдержан и нерешителен, слабоволен, доверчив, обладал множеством комплексов [23, с. 89; 21, с. 345; 5, с. 84; 17, с. 45; 24, с. 207, 210; 19, с. 577]. Однако А.В. Бельгард предлагал иное объяснение: «Он всегда искренно хотел передать каждому только все те добрые чувства, которые он таил в своем сердце» [18, с. 399]. По его мнению, «Государь был воплощенная доброта, переходившая, может быть, за пределы допустимого в правителе государства» [18, с. 399–400]. На то же указывала и фрейлина императрицы Ю. Ден: «– Его обвиняют в слабоволии, – проговорила Она с горечью. – Он самый сильный, а не самый слабый. Уверяю Вас, Лили, какого громадного напряжения воли стоит Ему подавлять в себе вспыш-

ки гнева, присущие всем Романовым. Он преодолел непреодолимое – научился владеть Собой, – и за это Его называют слабовольным» [5, с. 84, 85]. Подобные суждения позволяют различать внешние впечатления и внутреннее видение человека, основанное на повседневном общении.

Фрейлина Е.А. Нарышкина запомнила высказывания великого герцога Гессенского Эрнста о своей сестре: «Моя сестра? Она великолепна. Только вы все не понимаете, как нужно с ней себя вести. Царь – ангел, но он не знает, как нужно с нею обходиться. Она нуждается в более сильной воле, которая могла бы над ней господствовать и, так сказать, подчинять ее себе» [21, с. 372]. Великая княгиня Мария Павловна (младшая) в своих воспоминаниях заметила об императрице, которая приходилась ей кузиной и тетей одновременно: «Я не собираюсь злословить или смаковать эти мелкие, но фатальные недостатки несчастной женщины» [25, с. 171]. Однако те характеристики, которые все-таки сделала великая княгиня в своих мемуарах, носят чаще осуждающий, нежели сочувствующий тон [25, с. 169–172]. Про императора великая княгиня писала о его «полном равнодушии к власти» [25, с. 195].

О собственном участии императрицы в деятельности мужа можно судить по ее письмам 1915 г.: «Ты меня, наверное, считаешь назойливой, но женщина порою яснее видит и чувствует, чем мой слишком кроткий друг» [16, с. 143]. Она призывает и наставляет его: «Будь более самодержавным, мой дорогой друг, покажи свою волю!» [16, с. 213], «позволь мне помочь тебе, мое сокровище. – Наверное, есть дела, в которых женщина может быть полезной. – Мне так хочется облегчить тебя во всем, а министры все ссорятся между собою в такое время, когда все должны бы работать дружно, забыв личные счеты, и работать лишь на благо царя и отечества. – Это приводит меня в бешенство.<...> Если бы ты только мог быть строгим, мой родной, это так необходимо, они должны слышать твой голос и видеть неудовольствие в твоих глазах. – Они слишком привыкли к твоей мягкой, снисходительной доброте... Они должны научиться дрожать перед тобой. <...> Где есть воля, там найдется и способ ее осуществления. Они должны все понять, что ты настаиваешь на том, чтоб твои приказания немедленно исполнялись... Ты знаешь, как даровит наш народ, только ленив и лишен инициативы. Двинь их на работу, и они все смогут сделать, – только не проси, а приказывай, будь энергичен, на благо твоей родины» [16, с. 199]. Все это императрица пишет, даже несмотря на опасения, что раздражает мужа, поскольку у нее «ведь честные и благие намерения», и «другие никогда ничего <...> не скажут, так что старой женушке приходится писать <...> откровенно свое мнение, когда долг ее к этому побуждает» [16, с. 238].

Крайнее недовольство браком любимой внучки изначально выражала королева Виктория, которая писала 21 октября 1894 г. старшей из принцесс Гессенских, Виктории, эмоциональные письма в ходе разгово-

ров о замужестве «Алики»: «Все мои страхи о ее будущем замужестве сейчас показываются так сильно, и моя кровь холодеет, когда я думаю о ней, *такой* молодой на столь небезопасном троне, о ее дорогой жизни и предыдущих постоянных угрозах ее мужу, и не смогу видеть ее, разве что изредка; это отлично добавило мне беспокойства в моем преклонном возрасте! О! Как я желаю, чтобы это было не так, и я не теряла свою милую Алики (выделено в письме. – прим. и пер. с англ. наш. – А.Б., П.В.)» [26, с. 126]. Через пару недель, 7 ноября 1894 г., королева, вероятно, смирившись с фактом, писала: «Все равно очень и очень сильно разочарована от того, что не увижу снова мою *милую* чистую *нежную* Алики – но, увы, я уверена, что потом это будет *могущественная Императрица*!! (выделено в письме. – прим. и пер. с англ. наш. – А.Б., П.В.)» [26, с. 127].

Что касается мужской части дома Романовых, оставивших дневники и воспоминания, то имеется подтверждение отношения Николая к обязанностям императора как к навязанному бременю. Например, великий князь Константин Константинович писал в своем дневнике: «Высказал предположение, что Государю пришлось сильно волноваться из-за грозившего министерского кризиса; он ответил отрицательно, прибавив, что "это было оч<ень> скучно". У меня получилось впечатление, что он не придает всему произошедшему значения, которое служит всему обществу причиной глубокой тревоги; к ней он, по-видимому, равнодушен» [27, с. 69]. Что касается великого князя Михаила Александровича, младшего брата Николая II, то он был поглощен собственной личной жизнью [28, с. 213, 352, 363, 369, 497] и ставил ее выше других (политических, военных) проблем.

Великая княгиня Ольга Александровна в своих воспоминаниях, записанных Я. Ворресом, о невестке Александре Федоровне замечала: «Я сразу же полюбила ее» [29, с. 62]. О брате Николае она писала: «Даже будучи подростком, я инстинктивно понимала, что одной чувствительности и доброты недостаточно, чтобы быть монархом» [29, с. 65]. Поддержку императрицей своего мужа она не только не осуждала, но и считала важной: «Ее мужество спасло его» [29, с. 73].

Фрейлина Александры Федоровны Е.А. Нарышкина, напротив, писала о недостаточной помощи Николаю со стороны супруги: «Будучи наследником престола, он никогда не проявлял даже самого слабого интереса к государственным делам и в свои двадцать шесть лет оказался совершенно неподготовленным к управлению гигантской страной. Единственным и незыблемым принципом, усвоенным им с молоком матери, был принцип его абсолютной власти. Он не имел ни малейшего представления о революционном движении, которое всегда подавлялось железной рукой. И хотя степень его подготовки к управлению страной была достойна сожаления, все можно было бы исправить, имей он в супруге

более подходящего советника, а в качестве окружения более опытных и надежных чиновников» [21, с. 345].

Тем не менее в обществе верили, что Александра Федоровна имела влияние на императора: «Брат Марии Алексеевны со слов человека, лично говорившего с Гурко, передавал, что Гурко, приезжавший сюда около 20-го с докладами, отказывался показать схему плана военных действий, так как были не вдвоем, а втроем (намек на присутствие императрицы. – А.Б., П.В.). Он (Николай II. – А.Б., П.В.) покраснел и не настаивал. Какой кошмар! Какой ужас! Не верю и не верю» [1, с. 206]. С.Ю. Витте вспоминал: «О том, какое она имеет влияние на государя, приведу следующий факт, несколько раз повторявшийся. Когда после 17 октября государь принимал решения, которые я советовал не принимать, я несколько раз спрашивал его величество, кто ему это посоветовал. Государь мне иногда отвечал: "Человек, которому я безусловно верю". И когда я однажды позволил себе спросить, кто сей человек, то его величество мне ответил: "Моя жена"» [19, с. 596].

Балерина Матильда Кшесинская писала в воспоминаниях: «Для меня было ясно, что у Наследника (Николая Александровича. – А.Б., П.В.) не было чего-то, что нужно, чтобы царствовать. Нельзя сказать, что он был бесхарактерен. Нет, у него был характер, но не было чего-то, чтобы заставить других подчиниться своей воле... Я не раз ему говорила, что он не сделан ни для царствования, ни для той роли, которую волею судеб он должен будет играть» [30, с. 72]. Следует отметить, что сам факт того, что Николай выслушивал подобные замечания от своей любовницы, уже представляет его в невыгодном свете. Правда, поскольку воспоминания М. Кшесинской написаны в эмиграции, после трагической гибели императора, женщиной, для которой было важно ее признание в императорской «семье» [30, с. 3], то не исключено, что данный пассаж является вымыслом.

Можно говорить о том, что в своих воспоминаниях политические деятели противопоставляли себя Александре Федоровне и яростно сопротивлялись любому напоминанию о том, когда их предложения были отклонены императором в пользу идей этой «странной особы». Вероятно, сами того не замечая, они испытывали ревность к императрице или вполне объяснимое раздражение, в первую очередь из-за возможности влияния ее на Николая II. Ввиду чего они занимались ее «развенчанием», обязательно намекая при этом на ее «не-женственность». Императрица, движимая внутренними и внешними мотивами, а также, руководствуясь своим образованием и представлением о всевластии царя (по ее мнению, «государь все может») [19, с. 430; 24, с. 196], словно Цербер, охраняла самодержавие и мужа, не оставляя никакого шанса просочиться настроениям и идеям, которым не доверяла. С Александрой Федоровной ни как с царицей, ни как с чужой женой тя-

гаться величайшие умы России не могли [20, с. 181, 218, 322, 324–325, 326, 341, 343].

Императрица разделяла глубоко христианские представления о браке и семейной жизни, основанные на любви, взаимном уважении и поддержке. В ее дневнике [31] сохранились выписки из книги Дж. Р. Миллера «Домостроительство, или Идеальная семейная жизнь», сделанные ею в сентябре 1899 г. через пять лет после замужества и рождения троих дочерей [32]. Содержание цитат, включенных Александрой Федоровной в свой дневник, бесспорно, имело корреляцию с ее повседневной жизнью и теми ценностными приоритетами, которые она для себя выделяла. Возможно, она выписывала именно те максимы супружества, в претворении которых в собственной жизни чувствовала неудовлетворенность.

С другой стороны, распространение слухов об императрице стало одним из главных увлечений общества. А. Вырубова вспоминала: «Типичный случай мне рассказала моя сестра. Как-то утром к ней влетела сестра мужа, Дерфельден, со словами: "Сегодня мы на заводах распускаем слухи, что императрица спаивает государя, и все этому верят". Я рассказываю об этом типичном случае, так как дама эта была весьма близка к великокняжескому кругу» [17, с. 83]. Действительно ли Николая II удерживали, мешали, оберегали от министров, и он был игрушкой в руках императрицы? В самом ли деле министров отдаляла от императора Александра Федоровна как жена, оберегающая податливого супруга от сомнительных друзей, или же саму Александру Федоровну пытались разлучить с мужем: «Аликс же говорила д. Павлу, что "ставка" хотела разлучить ее с Ники» [17, с. 89]? В таком случае можно предположить, что главная вина Александры Федоровны была в том, что на фоне своего супруга она «несомненно обладала всеми данными для того, чтобы быть настоящей Императрицей» [18, с. 414].

Возникает вопрос, а что сделал Николай для своей супруги? Как защищал ее от этих нападков и сплетен? Как поддерживал? В. Чеботарева вспоминала слова Александры Федоровны: «"Получаю прямо оскорбительные письма от высшего общества, но государь за меня заступится", – сказала государыня» [2, с. 241]. Французский посол в Петрограде М. Палеолог в своем дневнике описывает следующий случай: «Так, я узнаю из очень верного источника, что адмирал Нилов, генерал-адъютант императора и один из самых преданных его приближенных, имел недавно мужество открыть ему всю опасность положения; он дошел до того, что умолял удалить императрицу, как единственное остающееся еще средство спасти империю и династию. Николай II, обожающий свою жену и рыцарски благородный, отверг эту идею с резким негодованием: – Императрица, – сказал он, – иностранка; у нее нет никого, кроме меня, для того, чтоб защитить ее. Ни в коем случае я ее не покину... Впрочем, все, в чем ее упрекают, неверно. На ее счет рас-

пространяют гнусные клеветы; но я сумею заставить ее уважать...» [33, с. 215].

И все же, «как мало пользовался он (Николай II. – А.Б., П.В.) властью, и как легко было бы в самом начале остановить клевету на государыню!» [17, с. 45] Однако ни как император, ни как муж Николай этого не сделал, потому что считал, что «никто из благородных людей не может верить или обращать внимание на подобную пошлость» [17, с. 45]. Да, по словам А. Вырубовой, «человек всегда надеется на лучшее: их величества скрывали болезнь Алексея Николаевича от всех, кроме самых близких родственников и друзей, закрывая глаза на возрастающую непопулярность императрицы» [17, с. 18]. Однако сегодня известно, насколько он ошибался. И это привело к тому, что «некоторые члены крайней правой государственного совета говорили о расторжении ее брака с царем и о заключении ее в монастырь» [33, с. 189]. Это замыслили не только министры, но обсуждали даже сотрудники лазарета Царского Села: «Уже пробежал слух, что правые поднимают вопрос о бывших случаях развода царей» [2, с. 211, 212]. Заговор великих князей не представляется выдумкой [17, с. 98–99; 33, с. 213]. Доходило до крайностей: «Даже в высшем обществе обсуждалась возможность государственного переворота с целью изгнать императрицу или потребовать, чтобы император отправил ее в Крым, откуда она не сможет влиять на ход событий» [25, с. 226]. В непростое историческое время Александра Федоровна становилась воплощением ответственной за сумятицу и катаклизмы фигурой, на которую проще всего было списать вину за все политические просчеты и издержки многовековой цивилизационной модели.

Изучение переписки царской четы позволяет предположить, что императрица относилась к мужу по-матерински. Как вспоминала Ю. Ден, «она была очень нежна с Ним: материнское чувство проявлялось даже в любви к Своему Супругу» [5, с. 86]. Вероятно, отношения в императорской чете строились по типу мать-и-сын, где женщина играет роль матери по отношению к мужчине [34, с. 172–173; 35], подтверждение чему имеется в переписке: «Бог да благословит и защити тебя, дорогой Ники, мой большой мальчик!» [16, с. 40]; «Прощай, мой маленький, жду тебя с распростертыми объятиями» [16, с. 108]; «...Ночи так тоскливы, – но ведь ты еще более одинок, мой бедный малютка!» [16, с. 116]; «Спокойной ночи, мой малютка, спи спокойно» [16, с. 226]. Николай признавался: «Если бы не она, я бы ничего не вынес» [17, с. 22], о том же свидетельствуют члены семьи [29, с. 73]. Следует отметить, что «мамой» императрицу называли не только супруг и дети, но и Г. Распутин, и др. Это была привычная для нее «материнская роль», исполняя которую, она чувствовала себя адекватно.

Вместе с тем временами пренебрежительное отношение к супруге императора обесценивало Александру Федоровну как мать наследника,

т. е. фактически ставило под сомнение будущее империи, которая должна была перейти в руки ее сына.

Страстное желание женщины родить ребенка мужского пола, что на протяжении всего имперского периода неизменно встречалось в дворянских семьях [36, с. 110–113] ввиду поощряемых общественных ожиданий, порой приводило к непредвиденным и драматичным последствиям. Особенно если эта женщина являлась императрицей в стране, где примогенитура носила агнатическо-когнатический характер и в изучаемый период времени (начало XX в.) при наличии других многочисленных наследников мужского пола угрожала переходом императорской власти из семьи Николая II и его супруги Александры Федоровны в руки другой ветви Романовых.

Даже в обычных дворянских семьях ожидание наследника рода сопровождалось конкуренцией боковых ветвей именно за символическое первородство. Так, мемуаристка М.П. Бок, урожденная Столыпина (дочь П.А. Столыпина), вспоминала о дискредитирующем и эмоционально не-позитивном влиянии, которое оказала на ее родителей одна из устойчивых родовых традиций, символизировавшая легитимизацию каждого следующего поколения дворянского рода посредством своеобразного ритуала благословения первого ребенка мужского пола в семье: «Когда после пяти дочерей родился у моих родителей первый сын, радость наша была огромная. Как нас, девочек, ни любили родители, их большим желанием, конечно, было иметь сына. Мечта эта осуществилась лишь на двадцатый год их семейной жизни. До моего брата родился сын моего дяди Александра Аркадьевича Столыпина. С грустью послали тогда мои родители образ, переходящий в роду Столыпиных первенцу нового поколения, моему двоюродному брату. Зато когда им Бог послал сына, были они счастливы и горды необычайно» [37, с. 49]. Не стоит забывать, что «дворянский род и в генеалогическом, и в социокультурном плане “прочитывался” как филиация мужских поколений. Именно поэтому наличие исключительно женского потомства воспринималось как его фактическое прекращение, угасание» [36, с. 113], что в условиях сохранения родовой организации дворянства, разумеется, считалось нежелательным. Еще более важным, переходящим с частно-родового на политический и даже геополитический уровень, считалось рождение наследника престола в императорской семье.

С самого начала раздавалось недовольство в адрес императрицы, а именно обвинения в том, что у нее рождаются только дочери, что не имеет под собой медицинского обоснования. Следует подчеркнуть, что это волновало именно аристократическое общество [17, с. 56], в то время как простой народ не видел «никакой разницы между рождением великого князя или великой княжны» [38, с. 158], поскольку, независимо от пола ребенка, «каждое новое прибавление в императорской семье означало амнистии заключенным и прочие блага, дарованные императором

в честь такого события» [38, с. 158], и для них не было существенной разницы «будет ли наследником императора его брат или его сын» [38, с. 158]. Сам император «ни разу не высказал видимого неудовольствия при объявлении пола ребенка» [38, с. 157], однако нельзя сказать, что он не переживал: «Когда родилась великая княжна Мария, было замечено, что император совершил долгую прогулку в полном одиночестве, однако вернулся он таким же невозмутимым и спокойным, как и всегда» [38, с. 157].

Женщина теряет здоровье при попытках родить династии наследника, за шесть лет производит на свет четырех дочерей, т. е. постоянно либо вынашивает очередную беременность, либо оказывается с новорожденным младенцем на руках: почти весь 1895 год она ходит беременная [38, с. 99] своим первым ребенком Ольгой (рожает в ноябре), через год она носит второго ребенка [38, с. 133] – Татьяну (рожает летом 1897 г.), еще через год беременеет третьим [38, с. 145] – Марией (рожает летом 1899 г.), и через полтора года она уже беременна Анастасией (рожает летом 1901 г.). Фрейлина С. Буксгевден вспоминала: «Все ее дети, за исключением старшей дочери, появились на свет весной или в начале лета, поэтому она, как правило, была недееспособна именно зимой – во время петербургских "сезонов" – балов и увеселений» [38, с. 133–134]. Помимо беременностей и родов, при ее и без того слабом здоровье [38, с. 134] императрица сама кормила детей грудью [38, с. 134]. Таким образом, времени и ресурсов женского организма на то, чтобы родить еще детей, особенно в свете возрастающих проблем с сердцем у императрицы [29, с. 83; 2, с. 179; 17, с. 33], оставалось немного.

Желание произвести на свет наследника было настолько сильным [38, с. 158], что у Александры Федоровны, после рождения четвертой дочери, вскоре (в 1902 г.) произошла беременность, которая, вопреки всем ожиданиям, не разрешилась родами: «После двух месяцев лечения он (месье Филипп Низье. – А.Б., П.В.) объявил, что Императрица находится в ожидании ребенка. Все придворные празднества были отменены. Европейские газеты писали о приближении великого события в семье русского Царя. Прошло шесть месяцев...» [24, с. 213]. Следует отметить, что и другие члены семьи, и участники ближайшего окружения, описывая данную трагедию, неизменно винули в ней княгинь-черногорок и француза: «Выяснилось, что под внушением доктора Филиппа Царица возомнила себя беременной» [21, с. 351]. На протяжении всей беременности Александра Федоровна «не допускала к себе врачей» [21, с. 351], однако прошли все возможные сроки родов, и, «несмотря на упорные протесты д-ра Филиппа, к постели больной были приглашены врачи» [24, с. 213], которые «быстро и решительно поставили диагноз; они не нашли и следов беременности у Александры Федоровны» [24, с. 213]. Великий князь Сергей Александрович записал в своем дневнике: «17 августа. Петергоф. Большой дворец. <...> прямо к

Ники и Alix – она не пополнела, хотя ждут роды ежедневно – все это непонятно, странно – всякого вранья на сей счет слишком много, увы! <...> 18 августа. Петергоф. После 4 ч. к Alix – встретились с Ники – объявил мне, что у Alix оказалось, что никакой беременности нет!! 9 мес. Не было регул!! и теперь все насмарку» [39, с. 592].

Слухи о мистической беременности быстро распространились во многом ввиду неосторожности сестры императрицы, великой княгини Елизаветы Федоровны, а также усилиями зятя великого князя Сергея Александровича, который не только информировал пребывающих в неведении членов семьи [39, с. 594–595], но и сообщил отцу Иоанну (Кронштадскому) [39, с. 592], который, в свою очередь, был удивлен, но диагностировал: «Действует от духа прелести, нехороший человек, его молитвы не годны <...> "от таких молитв плод жить не может"» [39, с. 593–594]. Не поддержала невестку и свекровь, императрица Мария Федоровна [39, с. 592], вместе с дочерью Ксенией Александровной [39, с. 593]. Что касается Елизаветы Федоровны и ее реакции, то Александра Федоровна писала о ней мужу: «Иногда с самыми лучшими намерениями говоришь какие-то вещи, чтобы они получили огласку, именно так она и делала (однако – кому и что было сказано, она не упомянула, но я уверена – предмет все тот же), а теперь она вдруг ужасно испугалась, что ее слова могут быть переданы превратно. Ну что ж, посмотрим» [39, с. 590]. Чуда не произошло. Высшее общество вскоре узнало о случившемся, сделав это предметом обсуждений и в Петербурге, и в Москве [39, с. 594].

Сомнениям относительно «ложности» беременности супруги положил конец Николай II, записав в дневнике: «20 августа. Утром у Аликс случился выкидыш при совершенно нормальных условиях. После этого грустного события окончилась естественным образом та неизвестность, в которой мы жили за последнее время» [39, с. 593]. Таким образом, можно предположить, что императрица пережила такое явление как замершая беременность. Однако точно установить это мог бы только анализ специалистов.

Произошедшее действительно могло стать следствием нервного истощения императрицы [21, с. 351], а также ее острого желания родить мальчика, поскольку месье Низье «утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказать влияние на пол развивающегося в утробе матери ребенка» [24, с. 213], что стало ударом для Александры Федоровны не только в связи с потерей мнимого или настоящего ребенка, но и из-за вскрывшегося отношения самых близких ей людей, членов семьи, которые своей убежденностью в гипнотической природе беременности женщины нанесли удар по ее «главной функции» – материнству. Справедливости ради следует отметить, что слухи относительно явления ложной беременности под влиянием иностранного «доктора» сами

по себе говорят о допущении оппонентами веры в реальное воздействие гипноза на человека.

Не стоит забывать, что подобные случаи ожидания исхода беременности у женщин, принадлежавших к правящему дому, встречались и раньше, в частности в конце XVII в. оно могло длиться от 1 года до 15(!) лет [9, с. 402]. Царица Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова (1664–1723), обсуждая в 1722 г. в письмах с дочерью герцогиней Мекленбургской Екатериной Ивановной, матерью Анны Леопольдовны, ее возможную беременность, апеллировала к назидательным примерам из собственной жизни и жизни своей сестры в прошлом веке: «И я при отцѣ (царь Иван V Алексеевич (1666–1696). – А.Б., П.В.) такъ была, годъ чаяла – брюхата, да такъ изошло» [40, с. 232]; «Сестра моя, княгиня Настасья, больше 15 лѣтъ все чаяла брюхата и великую скорбь имѣла...» [41, с. 234]. Естественно, прожив жизнь, родив пятерых дочерей и давно преодолев верхнюю границу детородного возраста, женщина приобрела определенный практический опыт распознавания состояния беременности, который готова была обсуждать со взрослой дочерью: «А что пишешь себѣ про свое брюхо, и я по письму вашему не чаю, что ты брюхата: живутъ этакіе случаи, что не познается» [40, с. 232]. Действительно надежным подтверждением беременности для дворянок служило только наступление ее середины – «живой половины». Примерно в середине беременности женщина чувствует первые движения плода, по времени которого дворянки не только окончательно удостоверяться, что беременны, но и, как и крестьянки, определяли вероятный срок родов. Сохранение консервативных способов распознавания беременности и восприятие последней как своего рода провокации замедленного действия вне зависимости от субъективного отношения позволяет рассматривать ее в ряду исторически «долговременных» практик, определявших женскую антропологию и женскую повседневность.

После рождения долгожданного сына императрицу ожидало новое потрясение, а именно: наследование им гемофилии. Можно предположить, что ни одна из потомков королевы Виктории, которая и передала ген дочерям и внукам, а вовсе не «больная кровь Гессен-Дармштадских» [24, с. 214], не подвергалась нападкам так, как это было в случае с Александрой Федоровной.

На ситуацию с болезнью наследника Александра и Николай реагируют по-разному: император уходит в себя [24, с. 207, 215], императрица ищет решение [24, с. 215; 18, с. 418]. Великая княгиня Ольга Александровна делилась воспоминаниями: «Сначала обвиняли мою бедную невестку в том, что она передала сыну болезнь, а затем принялись укорять ее за то, что она выбивалась из сил, чтобы как-то этот недуг вылечить. Разве это справедливо?» [29, с. 154]. Действительно, в сложившейся ситуации у императрицы не было выбора, на ее руках был не только неизлечимо больной сын, но и муж, который, будучи неподго-

товленным к роли монарха, оказался в условиях военного и предреволюционного времени.

Александра Федоровна, «издерганная, измученная до невозможности, не видя ниоткуда поддержки, в конце концов Алики вообразила, что "старец" является и спасителем России» [29, с. 155]. При этом великая княгиня Ольга Александровна говорила: «Повторяю, ни мой брат, ни Алики не верили, что Распутин наделен какими-то сверхъестественными способностями. Они видели в нем человека, искренняя набожность которого сделала его орудием Божиим, но лишь для помощи Алексею. Алики ужасно страдала от невралгических болей в ногах и пояснице, но я ни разу не слышала, чтобы Распутин помогал ей» [29, с. 154]. Ту же мысль, о том что именно «болезнь» наследника «вызвала влияние Распутина» [42, с. 8], проводил в своих воспоминаниях о жизни в царской семье учитель французского языка П. Жильяр, много лет близко знавший всех ее членов и бытовавшие в ней настроения. Это же утверждал и А.В. Бельгард: «Всеми своими помыслами и надеждами она ухватилась за признанную даже врачами чудодейственную силу Распутина одним своим взглядом останавливать болезненные припадки Наследника. Как же можно этого не понять?» [18, с. 418].

Помимо блаженных, гипнотизера мсье Ф.А. Низье, Г. Распутина, некоего Сормовского [19, с. 566], был еще один человек, к тому моменту уже умерший, к которому императорская чета обращалась в мольбах о наследнике. Речь идет о святом Серафиме Саровском, чья канонизация в то время также вызывала споры и имела противников [19, с. 429–431]. Известна роль, которую царская семья сыграла в прославлении преподобного [19, с. 429–430; 43]. Именно с этими мероприятиями было связано еще одно предсказание о рождении будущего наследника: «Ехали к Преподобному молиться о даровании наследника. Прасковья Ивановна (блаженная, канонизированная РПЦ как св. Параскева Дивеевская. – А.Б., П.В.) имела обычай все показывать на куклах, и тут она заранее приготовила куклу-мальчика, настелила ему мягко и высоко платками и уложила: "Тише, тише, он спит..." Повела им показывать: "Это ваш"» [44, с. 143]. Как передает С.Ю. Витте, «императрица ночью купалась в источнике целительной воды. Говорят, что были уверены, что саровский святой даст России после четырех великих княжен наследника. Это сбылось...» [19, с. 430]. И св. Серафим Саровский, и Г. Распутин являются субъектами не столько религиозного искания и мистического опыта личности, сколько поиска матерью средств и помощников в спасении ребенка. Тем более, что за «продвижением» мсье Филиппа и Распутина стояли такие почитаемые отцы, как Иоанн Кронштадтский [19, с. 429; 45, с. 171; 46, с. 9].

Более того, увлечение мистицизмом было свойственно не только Александре Федоровне. Император Николай, «как и его предок Александр I, был всегда настроен мистически» [17, с. 105]. У государя была

заговоренная палка (рыба, держащая птицу) от Г. Распутина и еще одна от месье Филиппа [16, с. 213], а также икона с колокольчиком, который начинал звонить при приближении «злых людей» [16, с. 220]. Интересно, что осуждение в мистицизме и спиритизме не касалось тех, кто был русским и православным по происхождению, но обращалось в адрес Аликс, рожденной за пределами России, сформировавшейся как личность в протестантизме. Современники императрицы негативно высказывались в адрес философских и мистических представлений несчастной матери, в то время как общество вполне допускало проведение подобных ритуалов [33, с. 215–216]. Гадания и вера в приметы были традиционными для русского народа, и к ним скорее относились как к забаве, нежели видели опасность для православного вероисповедания.

В чудодейственную силу Г. Распутина верила великая княгиня Ольга Александровна, характеризуя ее как «существенную помощь» больному цесаревичу [29, с. 150]; верила фрейлина Ю. Ден, которая впервые познакомилась с Григорием в связи с болезнью собственного ребенка, и именно скорейшее его выздоровление после визита «старца» сделало ее его последовательницей [5, с. 99]. К Г. Распутину обращался С.Ю. Витте, один из критиков императрицы Александры Федоровны, который видел в Григории человека, способного повлиять на политическую обстановку в стране, и отзывался о нем следующим образом: «Вы не знаете, какого большого ума этот замечательный человек. Он лучше, нежели кто, знает Россию, ее дух, настроение и исторические стремления. Он знает все каким-то чутьем...» [23, с. 87]. Свои воспоминания С.Ю. Витте писал с 1909 г. [20, с. 478] и до 1912 г. [19, с. 650], Распутин был убит в конце 1916 г., а запись в дневнике великого князя Андрея Владимировича была сделана в сентябре 1915 г., то есть когда Г. Распутин был еще жив. Или С.Ю. Витте действительно стал общаться с Г. Распутиным, несмотря на свое осуждение приверженности императрицы всякого рода кликушам и «истинно русским людям» [19, с. 594], в целях собственной выгоды, то ли сам стал жертвой сплетен [47, с. 498; 20, с. 484–485]. Тем не менее, это свидетельствует о том, что независимо от положения и мировоззрения к «старцу» обращались и по меньшим поводам, нежели «материнский инстинкт», направленный на спасение жизни не просто ребенка, но наследника престола Российской империи.

В действительности ли Россия была «несчастной» из-за Александры Федоровны, или наоборот, – Александра Федоровна, оставшаяся без короны российская императрица, обесцененная как супруга и мать, – она была бы гораздо счастливее, не выходя замуж за цесаревича Николая Александровича, не оказавшись она в стране с нестабильной политической обстановкой; женщина, за свой ум и твердый характер, преданность семье и упорный поиск решений, безжалостно убитая со своими детьми теми, кто уродовал ее образ на протяжении всей ее жизни в России? Нельзя не согласиться со словами современника импера-

трицы: «При этом естественно напрашивается вопрос: что же было сделано в свое время для того, чтобы облегчить этой несчастной женщине хоть сколько-нибудь ее в создавшихся условиях чрезвычайно трудное положение с первых же шагов ее царственного служения?» [18, с. 413]. Не исключено, что, окажись на ее месте другая, с ней поступили бы точно так же, нашлись бы «фатальные» недостатки, развратные фавориты, каждое ее слово искажалось бы. Это была одинокая борьба женщины против своего времени и придворного окружения, не оставившего ей ни единого шанса, чтобы выжить.

Великий князь Андрей Владимирович писал в своем дневнике: «Почти вся ее жизнь была окутана каким-то туманом непонятной атмосферы. Сквозь эту завесу фигура Аликс оставалась совершенно загадочной. Никто ее в сущности не знал, не понимал, а потому и создавали догадки, предположения, перешедшие впоследствии в целый ряд легенд самого разнообразного характера. Где была истина, трудно было решить. Это было очень жалко. Фигура императрицы должна блеснуть на всю Россию, должна быть видна и понятна, иначе роль сводится на второй план, и фигура теряет необходимую популярность» [23, с. 82]. В этом смысле повседневная жизнь императрицы, даже при исполнении ею традиционных социальных ролей жены и матери, становилась объектом пристального внимания и предметом общественных пересудов, что слабо соотносилось с ее собственной «пережитой» историей.

Негативные отзывы об императрице исходили от тех, кто не желал признавать в ней прежде всего женщину: «Я помню, как теперь, как подошел поезд; на вокзале была масса лиц<...> мне было интересно видеть нашу будущую императрицу, и так как я раньше ее никогда не видел, то, увидав одну очень красивую, с совершенно молодым телосложением даму, я был уверен, что это именно и есть принцесса Дармштадская – будущая императрица Александра Федоровна, и был очень изумлен, когда мне сказали, что это не она, а что та, которую я принял за будущую императрицу, – это королева Англии Александра (ныне уже вдова). Меня поразила тогда ее молодость, так что, когда я сейчас же после нее увидел нашу будущую императрицу, она мне показалась менее красивой и менее симпатичной, нежели тетка императора – королева Англии. Но тем не менее и новая императрица была красива – и до сих пор красива, хотя у нее всегда было и до настоящего времени есть нечто сердитое в складке губ» [19, с. 298]. Надо понимать, что в 1894 г., когда состоялся въезд царской невесты, Александре Датской, королеве Англии, через несколько месяцев исполнялось 50 лет. Насколько, действительно, можно было спутать увядающую женщину с юной девушкой человеку, самому, бывшему всего на пять лет младше английской королевы? Интересно, что о самом министре финансов С.Ю. Витте говорили, будто он щедро заплатил за свою будущую жену

ее первому мужу: «За свою жену ее бывшему мужу Лисаневичу он заплатил 20 тыс., да развод стоил 6 тыс. руб.» [20, с. 181].

Родственные связи также не имели большого значения, если их не дополняли заботы о детях: «Как ни покажется малоправдоподобным, но мои отношения с Императрицей были далеки от сердечности по причине той же разницы пола наших детей!» [24, с. 213]. В то же время фрейлины больше пользовались ее вниманием не только из-за их обязанностей при дворе: «Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что наша дружба с Государыней приобрела особенно тесный характер после рождения моего Титти. Именно тогда Ее Величество впервые назвала меня Лили» [5, с. 55]. На том же основании продолжалась переписка Александры Федоровны с подругой детства Тони Бекер [48]. Также великий герцог Эрнест Гессенский, будучи заботливым отцом своим детям, до конца оставался любимым братом и близким другом Аликс, ввиду их общей любви к детям: «I am too happy for you, who adore Children so» [49, с. 181; 38, с. 169]. Что касается сестры Эллы, великой княгини Елизаветы Федоровны, то, несмотря на наличие племянников под ее опекой, она так и не стала для них матерью [25, с. 25], что явилось главной причиной для непонимания и в результате разрыва отношений между ними. То же касается неприязни к невестке со стороны свекрови, императрицы Марии Федоровны, которая также не обладала ярко выраженным «материнским инстинктом» [29, с. 34].

Очевидно, что те источники, авторство которых принадлежит женщинам, представляются более содержательными и достоверными при описании жизни и личности императрицы Александры Федоровны, в то время как информация от авторов-мужчин, отдаленных от ее повседневной жизни, забот и мировоззрения, не всегда адекватно передает женский образ. Однако причина этого кроется не только в гендерной принадлежности авторов источников, но и в одной из сторон женской повседневности – материнстве, которое было основой жизни Александры Федоровны.

Таким образом, императрица Александра Федоровна предстает в контексте своей семейной жизни не только жертвой политических обстоятельств, но и своеобразной заложницей синдрома «женщины, которая слишком сильно любила». Именно эта интенсивность ее переживаний и действий, ее эмоциональной и акциональной активности и как жены, и как матери, превратно истолкованная общественным мнением, привела к тому, что, в одном случае, ей инкриминировали подчинение своей воле императора, в другом – приближение к себе сомнительных авантюристов, уход в мистицизм. Ее деятельный характер, скованный рамками и предписаниями социальной роли императрицы и придворного этикета, прорывался в ее повседневной жизни замужней женщины, пытавшейся повлиять на мужа, придать ему твердости принятия решений, и на детей – сначала родить наследника, затем излечить его от тяжелейшего недуга.

Однако стереотипы патриархатного общественного сознания в России сопротивлялись духу деятельного протестантизма, в котором была воспитана будущая императрица. Неприятие ее слишком активной жизненной позиции, которую, как и много веков назад, считали неуместной для женщины, повлекло за собой досадные и ложные обвинения и в «неженственности», и в оккультизме, и в антипатриотизме.

Список литературы

1. Чеботарева В. В дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915 – 5 января 1918 // Новый журн. – Кн. 182. – Нью-Йорк: The New Review Publishing, 1991. – 400 с.

2. Чеботарева В. В дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915 – 5 января 1918 // Новый журн. – Кн. 181. – Нью-Йорк: The New Review Publishing, 1990. – 400 с.

3. Гиппиус З.Н. Маленький Анин домик (Вырубова) // Живые лица: Воспоминания / сост., предисл. и коммент. Е.Я. Курганова. – Тбилиси: «Мерани», 1991. Кн. II. – 384 с. (Сер. Век XX. Россия – Грузия. Сплетение судеб).

4. Кони А.Ф. Николай II // Избр. / сост., вступ. ст. и примеч. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. – М.: Сов. Россия, 1989. – 496 с.

5. Ден Ю. Подлинная царица. – М.: Вече, 2013. – 304 с.

6. Белова А.В. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII – первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура: материалы V конф., посвящ. теории и истории женского движения (С.-Петербург, 7–9 июня 2001 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. – СПб.: С.-Петерб. филос. об-во, 2001. – С. 49–55.

7. Белова А.В. «Женское письмо» как источник по истории российской дворянской повседневности // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф. (М., 18–19 апреля 2002 г.) / сост. Р.Б. Казаков; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.), А.Б. Безбородов, С.М. Каштанов, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 2002. – С. 116–118.

8. Белова А.В. Письма А.М. Коллонтай и традиции «женского письма» в русской дворянской культуре // Александра Коллонтай: Теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики: материалы междунар. науч. конф. (Тверь, 11 марта 2002 г.) / под ред. В.И. Успенской. – Тверь: Золотая буква, 2003. – С. 179–199.

9. Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX в.): дис. ... д-ра ист. наук. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 616 с.

10. Белова А.В. Источники по изучению женской и мужской повседневности: содержательные и дискурсивные отличия // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь: в 2 т. / отв. ред. А.В. Белова, Н.Л. Пушкарева. – М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. – С. 45–48.

11. Белова А.В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Верременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 64–69.

12. Белова А.В. Женский автодокументальный дискурс в источниках личного происхождения XVIII – середины XIX в. // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований: материалы Всерос. науч. конф., посвящ.

90-летию со дня рождения медиевистов А.Я. Гуревича и М.М. Фрейденберга (г. Тверь, 30–31 мая 2014 г.) / отв. редактор Н.В. Середа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – С. 42–50.

13. Волошун П.В. Письма великой княгини Елизаветы Федоровны как источник сведений о повседневной жизни личности // Личное есть историческое: сб., посвящ. юбилею профессора Т.Г. Леонтьевой / сост. А.В. Белова; под ред. А.В. Беловой. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – С. 87–92.

14. Волошун П.В. Письма великой княгини Елизаветы Федоровны // Портал «Православие и мир». – URL: <http://www.pravmir.ru/pisma-velikoj-knyagini-elizavety-fedorovny/> (дата обращения: 01.08.2013).

15. Волошун П.В. Благотворительная деятельность как сфера повседневной жизни великой княгини Елизаветы Федоровны в России конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тверь: ТвГУ, 2014. – 22 с.

16. Переписка Николая и Александры Романовых / пред. М.Н. Покровского. Т. III, 1914–1915. – М.-Петроград: Государственное издательство, 1923. – 524 с.

17. Вырубова А. Воспоминания. – М.: Захаров, 2012. – 432 с.

18. Бельгард А.В. Воспоминания. – М.: Нов. лит. обозр., 2009. – 688 с.

19. Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. – М.: Мысль, 1991. – 708, [11] с.

20. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. – М.: Новости, 1990. – 608 с.

21. Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 688 с.

22. Owen A. The Darkened Room: Women, Power, and Spiritualism in Late Victorian England. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – 344 p.

23. Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. – Л.-М.: Гос. изд-во, 1925. – 112 с.

24. Романов А.М. Книга воспоминаний. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2009. – 382 с.

25. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. – М.: Захаров, 2004. – 512 с.

26. Advice to My Grand-daughter. Letters from Queen Victoria to Princess Victoria of Hesse. Selected and with a commentary by R. Hough with a foreword by The Princess's grand-daughter The Lady Brabourne. – New York: Simon and Schuster, 1976. – 156 p.

27. Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911–1915. – М.: ПРОЗАиК, 2013. – 624 с.

28. Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича: 1915–1918. – М.: ПРОЗАиК, 2012. – 800 с.

29. Мемуары великой княгини Ольги Александровны / Запись Я. Ворреса. – М.: Захаров, 2004. – 272 с.

30. Кшесинская М. Воспоминания. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. – 415 с.

31. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 640. Оп. 1. Д. 301.

32. Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. О браке и семейной жизни / предисл. иерея А. Владимирова, пер. с англ. Л. Васениной. – М.: Изд. отдел Валаамского об-ва Америки в России, 1996. – 31 с.

33. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М.: Междунар. отношения, 1991. – 336 с.

34. Ильин Е.П. Психология взрослости. – СПб.: Питер, 2012. – 469 с.

35. Каган В. Искусство жить: Человек в зеркале психотерапии. – М.: Альпина нон-фикшн: Смысл, 2010. – 420 с.

36. Белова А.В. «Займусь опять... моим счастливым детством...»: Детство дворянских девочек XVIII – середины XIX века // Родина. – 2008. – № 4. – С. 110–113.
37. Бок М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. – М.: Современник, 1992. – 316 с.
38. Буксгевден С.К. Венценосная мученица: жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы Всероссийской / пер. с англ. Н.Б. Лебедевой. – М.: Русский Хронографъ, 2006. – 528 с.
39. Великая княгиня Елизавета Федоровна и император Николай II: документы и материалы (1884–1909 гг.) / авт.-сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская; подгот. текстов П.В. Волошун. – СПб.: Алетейя, 2009. – 848 с.
40. Письмо царицы Прасковьи к герцогине Екатерине Ивановне от мая 1722 г. // Семевский М.И. Царица Прасковья. 1664–1723: Очерк из русской истории XVIII века. Репринт. воспр. изд. 1883 г. – Л.: Худож. лит., Ленингр. отд., 1991. – 272 с. Приложение: I. Переписка царицы Прасковьи Федоровны. 1716–1723. № XXV. – С. 232–233.
41. Письмо царицы Прасковьи к герцогине Екатерине Ивановне от 15 мая 1722 г. // Семевский М.И. Царица Прасковья. 1664–1723: Очерк из русской истории XVIII века. Репринт. воспр. изд. 1883 г. – Л.: Худож. лит., Ленингр. отд., 1991. – 272 с. Приложение: I. Переписка царицы Прасковьи Федоровны. 1716–1723. № XXVII. – С. 234.
42. Жильяр П. Император Николай II и его семья: Петергоф, сентябрь 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.: по личным воспоминаниям бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. В. Солоухина. Репринт. изд. 1921 г. – Л.: Наука, Ленингр. отд., МГП «Петрополис», ПТО «Ковчег», 1990. – 284 с.
43. Преподобный Серафим, Царь и народ: Чудо прославления. Саров – Дивеево, 1903 год. – М.: Изд. Совет Русской правосл. церкви, 2003. – 256 с.
44. Монахиня Серафима. Дивеевские предания. Рукопись. 1980-е гг. Об открытии мощей преподобного Серафима // Угодник Божий Серафим. 2-е изд. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – С. 141–145.
45. Юсупов Ф.Ф. Князь Феликс Юсупов. Мемуары: в 2 кн. До изгнания, 1887–1919. В изгнании / первый полн. пер. с фр. Е. Кассировой. – М.: ИП Богат, 2007. – 432 с.
46. Палеолог М. Распутин. Воспоминания. Репринт. изд. 1923 г. – М.: СП «Интеркиноцентр», 1990. – 120 с.
47. Нестеров М.В. О пережитом. 1862–1917 гг. Воспоминания. – М.: Мол. гвардия, 2006. – 589 с.
48. Hoffmann-Kuhnt L. Briefe der Zarin Alexandra von Russland: an ihre Jugendfreundin Toni Becker-Bracht. 1. Auflage. – Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2009. – 176 S.
49. The Correspondence of the Empress Alexandra of Russia with Ernst Ludwig and Eleonore, Grand Duke and Duchess of Hesse. 1878–1916. – Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2010. – 404 p.

References

1. *Chebotareva V. V dvortsovom lazarete v Tsarskom sele. Dnevnik: 14 iyulya 1915 – 5 yanvarya 1918* [In the palace hospital in Tsarskoye Selo. The diary: July 14, 1915 – January 5, 1918] // *Novyi zhurnal* [The New Review]. – Vol. 182. – N'yu-lork: The New Review Publishing, 1991. – 400 p.
2. *Chebotareva V. V dvortsovom lazarete v Tsarskom sele. Dnevnik: 14 iyulya 1915 – 5 yanvarya 1918* [In the palace hospital in Tsarskoye Selo. The diary: July 14, 1915 – January 5, 1918] // *Novyi zhurnal* [The New Review]. – Vol. 181. – N'yu-lork: The New Review Publishing, 1990. – 400 p.

3. Gippius Z.N. *Malen'kii Anin domik (Vyrubova)* [The little house of Anya (Vyrubova)] // Gippius Z.N. *Zhivye litsa: Vospominaniya* [Live faces: memoirs] / sost., predisl. i komment. E.Ya. Kurganova. – Tbilisi: «Merani», 1991. Vol. II. – 384 p. (Seriya: Vek XX. Rossiya – Gruzija. Spletenie sudeb).

4. Koni A.F. *Nikolai II* [Nickolas II] // Koni A.F. *Izbrannoe* [Selected Works] / sost., vstup. st. i primech. G.M. Mironova i L.G. Mironova. – M.: Sov. Rossiya, 1989. – 496 p.

5. *Den Yu. Podlinnaya tsaritsa*. [The Genuine Tsarina]. – M.: Veche, 2013. – 304 p.

6. Belova A.V. *Zhenskaya epistolyarnaya kul'tura i dvoryanskaya povsednevnost' v Rossii kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Women's epistolary culture and daily life of the nobility in Russia in the late XVIIIth – the first half of the XIXth cent.] // *Rossiiskie zhenshchiny i evropeiskaya kul'tura* [Russian women and European culture]: Materialy V konferentsii, posvyashchennoi teorii i istorii zhenskogo dvizheniya (Sankt-Peterburg, 7–9 iyunya 2001 g.) / Sost. i otv. red. G.A. Tishkin. – SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. – P. 49–55.

7. Belova A.V. «*Zhenskoe pis'mo*» kak istochnik po istorii rossiiskoi dvoryanskoi povsednevnosti [“Woman's Letter” as a Source on a Russian Nobiliary Everyday-life History] // *Istochnikovedenie i istoriografiya v mire gumanitarnogo znaniya* [Source study and Historiography in the world of the humanities]: Doklady i tezisy XIV nauchnoi konferentsii (Moskva, 18–19 aprelya 2002 g.) / Sost. R.B. Kazakov; Redkol.: V.A. Murav'ev (otv. red.), A.B. Bezborodov, S.M. Kashtanov, M.F. Rumyantseva. – M.: RGGU, 2002. – P. 116–118.

8. Belova A.V. *Pis'ma A.M. Kollontai i traditsii «zhenskogo pis'ma» v russkoi dvoryanskoi kul'ture* [Letters of A.M. Kollontai and traditions of “women's writing” in Russian noble culture] // Aleksandra Kollontai: Teoriya zhenskoi emansipatsii v kontekste rossiiskoi gendernoi politiki [Alexandra Kollontai: The theory of women's emancipation in the context of Russian gender policy]: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Tver', 11 marta 2002 g.) / Pod red. V.I. Uspenskoi. – Tver': Zolotaya bukva, 2003. – P. 179–199.

9. Belova A.V. *Povsednevnyaya zhizn' provintsial'noi dvoryanki Tsentral'noi Rossii (XVIII – serediny XIX v.)*: Diss... d-ra ist. nauk. [The everyday life of a provincial noblewoman in Central Russia (the XVIIIth – the middle of the XIXth cent.). – M.: IEA RAN, 2009. – 616 p.

10. Belova A.V. *Istochniki po izucheniyu zhenskoi i muzhskoi povsednevnosti: sodержatel'nye i diskursivnye otlichiya* [Historical sources on a study of women's and men's everyday life: thoughtful and discursive differences] // *Zhenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh peremen* [Women and men in the context of historical changes]: materialy Pyatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 4–7 oktyabrya 2012 g., Tver': v 2 t. / otv. red. A.V. Belova, N.L. Pushkareva. – M.: IEA RAN, 2012. Vol. 1. – P. 45–48.

11. Belova A.V. *Diskursy «zhenskogo pis'ma» v russkoi dvoryanskoi povsednevnosti kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX vv.* [“Women's writing” discourses in the Russian nobility everyday life at the late 18th– early 19th centuries] // *Patriotizm i grazhdanstvennost' v povsednevnoi zhizni rossiiskogo obshchestva (XVIII–XXI vv.)* [Patriotism and citizenship in the everyday life of Russian society (the XVIIIth - the XXIth cent.)]: materialy mezhdunar. nauch. konf. 14–16 marta 2013 g. / pod obshch. red. prof. V.N. Skvortsova, otv. red. V.A. Veremenko. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2013. – P. 64–69.

12. Belova A.V. *Zhenskii avtodokumental'nyi diskurs v istochnikakh lichnogo proiskhozhdeniya XVIII – serediny XIX v.* [Woman auto-documentary discourse in sources of a personal origin at the 18th – the middle of the 19th century] // *Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniya v teorii i praktike nauchnykh issledovaniy* [Personal documents in the theory and practice of scientific research]: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii,

posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya medievistov A.Ya. Gurevicha i M.M. Freidenberga (g. Tver', 30–31 maya 2014 g.) / otv. redaktor N.V. Sereda. – Tver': Tver. gos. un-t, 2014. – P. 42–50.

13. Voloshun P.V. *Pis'ma velikoi knyagini Elizavety Fedorovny kak istochnik svedenii o povsednevnoi zhizni lichnosti* [Letters of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna as a source of information about the everyday life of the individual] // *Lichnoe est' istoricheskoe* [A private is historical]: sbornik, posvyashchennyi yubileyu professora T.G. Leont'evoi / sost. A.V. Belova; pod red. A.V. Belovoi. – Tver': Tver. gos. un-t, 2012. – P. 87–92.

14. Voloshun P.V. *Pis'ma velikoi knyagini Elizavety Fedorovny* [Letters of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna] // Portal «Pravoslavie i mir». [Web portal “Orthodoxy and peace”]. URL: <http://www.pravmir.ru/pisma-velikoj-knyagini-elizavety-fedorovny/> (data obrashcheniya: 01.08.2013).

15. Voloshun P.V. *Blagotvoritel'naya deyatel'nost' kak sfera povsednevnoi zhizni velikoi knyagini Elizavety Fedorovny v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: Avtoref. diss...* kand. ist. nauk. Spetsial'nost': 07.00.02 – Otechestvennaya istoriya. [Charitable activities as a sphere of everyday life of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna in Russia in the late XIXth – early XXth cent.]. – Tver': TvGU, 2014. – 22 p.

16. *Perepiska Nikolaya i Aleksandry Romanovykh* [The Correspondence of Nickolas and Alexandra Romanov] / pred. M.N. Pokrovskogo. Vol. III, 1914–1915. – M.–Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. – 524 p.

17. Vyrubova A. *Vospominaniya* [Memoirs]. – M.: Zakharov, 2012. – 432 p.

18. Bel'gard A.V. *Vospominaniya* [Memoirs]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. – 688 p.

19. Vitte S.Yu. *Izbrannye vospominaniya, 1849–1911 gg.* [Selected memoirs, 1849–1911]. – M.: Mysl', 1991. – 708, [11] p.

20. Bogdanovich A.V. *Tri poslednikh samoderzhtsa. Dnevnik* [The last three of the autocrat. The diary]. – M.: Novosti, 1990. – 608 p.

21. Naryshkina E.A. *Moi vospominaniya. Pod vlast'yu trekh tsarei* [My memoirs. Under the reign of three tsars]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 688 p.

22. Owen A. *The Darkened Room: Women, Power, and Spiritualism in Late Victorian England*. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – 344 p.

23. *Dnevnik b. velikogo knyazya Andrey Vladimirovicha* [The diary of ex. Grand Duke Andrei Vladimirovich]. – L.–M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. – 112 p.

24. Romanov A.M. *Kniga vospominanii* [The book of memoirs]. – M.: AST; SPb.: Poligon, 2009. – 382 p.

25. *Vospominaniya velikoi knyagini Marii Pavlovny* [Memoirs of the Grand Duchess Maria Pavlovna]. – M.: Zakharov, 2004. – 512 p.

26. *Advice to My Grand-daughter. Letters from Queen Victoria to Princess Victoria of Hesse. Selected and with a commentary by R. Hough with a foreword by The Princess's grand-daughter The Lady Brabourne*. – New York: Simon and Schuster, 1976. – 156 p.

27. *Dnevnik velikogo knyazya Konstantina Konstantinovicha (K.R.): 1911–1915* [The diary of the Grand Duke Konstantin Konstantinovich (K.R.): 1911–1915]. – M.: PROZAIK, 2013. – 624 p.

28. *Dnevnik i perepiska velikogo knyazya Mikhaila Aleksandrovicha: 1915–1918* [The diary and the correspondence of the Grand Duke Mikhail Alexandrovich: 1915–1918]. – M.: PROZAIK, 2012. – 800 p.

29. *Memuary velikoi knyagini Ol'gi Aleksandrovny / Zapis' Ya. Vorresa* [Memoirs of the Grand Duchess of Olga Alexandrovna]. – M.: Zakharov, 2004. – 272 p.

30. *Kshesinskaya M. Vospominaniya* [Memoirs]. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2010. – 415 p.
31. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. 640. Op. 1. D. 301.
32. *Gosudarynya Imperatritsa Aleksandra Feodorovna Romanova. O brake i semeinoi zhizni* [About marriage and family life] / Predisl. iereya A. Vladimirova, per. s angl. L. Vaseninoy. – M.: Izd. otdel Valaamskogo Obshchestva Ameriki v Rossii, 1996. – 31 p.
33. *Paleolog M. Tsarskaya Rossiya nakanune revolyutsii* [Tsarist Russia on the eve of the revolution]. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. – 336 p.
34. *Il'in E.P. Psikhologiya vzroslosti* [Psychology of adulthood]. – SPb.: Piter, 2012. – 469 p.
35. *Kagan V. Iskusstvo zhit': Chelovek v zerkale psikhoterapii* [Art of Living: The person in the mirror therapy]. – M.: Al'pina no-fikshn: Smysl, 2010. – 420 p.
36. *Belova A.V. «Zaimus' opyat'... moim schastlivym detstvom...»: Detstvo dvoryanskikh devochek XVIII – serediny XIX veka* ["I'll occupy again... my happy childhood..." Childhood of noble girls in the XVIIIth – the middle of the XIXth cent.] // *Rodina* [Motherland]. – 2008. – № 4. – P. 110–113.
37. *Bok M.P. P.A. Stolypin: Vospominaniya o moem ottse* [P.A. Stolypin: Memoirs about my father]. – M.: Sovremennik, 1992. 316 p.
38. *Buksgevdn S.K. Ventsenosnaya muchenitsa: zhizn' i tragediya Aleksandry Feodorovny, Imperatritsy Vserossiiskoi* [Imperial Martyr: The Life and Tragedy of Alexandra Feodorovna, Empress of All-Russia] / per. s angl. N.B. Lebedevoy. – M.: Russkii Khronograf", 2006. – 528 p.
39. *Velikaya knyaginya Elizaveta Fedorovna i imperator Nikolai II: dokumenty i materialy (1884–1909 gg.)* [Grand Duchess Elizabeth Fyodorovna and Tsar Nicholas II: documents and materials (1884–1909)] / avt.-sost. A.B. Efimov, E.Yu. Koval'skaya; podgot. tekstov P.V. Voloshun. – SPb.: Aleteiya, 2009. – 848 p.
40. *Pis'mo tsaritsy Praskov'i k gertsogine Ekaterine Ivanovne ot maya 1722 g.* [The letter to the Duchess Catherine Ivanovna from tsarina Praskovya in May 1722] // *Semevskii M.I. Tsaritsa Praskov'ya. 1664–1723: Ocherk iz russkoi istorii XVIII veka* [The tsarina Praskovya. 1664–1723: Outline of Russian History of the XVIII cent.]. Reprint. vospr. izd. 1883 g. – L.: Khudozh. lit., Leningr. otd., 1991. – 272 p. Prilozheniya: I. Perepiska tsaritsy Praskov'i Fedorovny. 1716–1723. № XXV. – P. 232–233.
41. *Pis'mo tsaritsy Praskov'i k gertsogine Ekaterine Ivanovne ot 15 maya 1722 g.* [The letter to the Duchess Catherine Ivanovna from tsarina Praskovya in May 15 1722] // *Semevskii M.I. Tsaritsa Praskov'ya. 1664–1723: Ocherk iz russkoi istorii XVIII veka* [The tsarina Praskovya. 1664–1723: Outline of Russian History of the XVIII cent.]. Reprint. vospr. izd. 1883 g. – L.: Khudozh. lit., Leningr. otd., 1991. – 272 p. Prilozheniya: I. Perepiska tsaritsy Praskov'i Fedorovny. 1716–1723. № XXVII. – P. 234.
42. *Zhil'yar P. Imperator Nikolai II i ego sem'ya: Petergof, sentyabr' 1905 – Ekaterinburg, mai 1918 g.: po lichnym vospominaniyam byvshego nastavnika Naslednika Tsesarevicha Alekseya Nikolaevicha* [The Emperor Nicholas II and his family: Peterhof, September 1905 – Ekaterinburg, May 1918: personal memoirs of former mentor Tsarevich Alexei Nikolaevich] / predisl. V. Soloukhina. Reprint. izd. 1921 g. – L.: «Nauka», Leningr. otd., MGP «Petropolis», PTO «Kovcheg», 1990. – 284 p.
43. *Prepodobnyi Serafim, Tsar' i narod: Chudo proslavleniya. Sarov – Diveevo, 1903 god* [St. Seraphim, the Emperor and people: The miracle of glorification. Sarov – Diveevo 1903]. – M.: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2003. – 256 p., ill.

44. *Monakhinya Serafima. Diveevskie predaniya. Rukopis'. 1980-e gg. Ob otkrytii moshchei prepodobnogo Serafima* [Diveevskaya tradition. Manuscript. 1980s. On the discovery of the relics of St. Seraphim] // *Ugodnik Bozhii Serafim* [Servant of God, Serafim]. 2-e izd. – M.: Izd. Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1996. – P. 141–145.
45. *Yusupov F.F. Knyaz' Feliks Yusupov. Memuary: v 2 kn. Do izgnaniya, 1887–1919. V izgnanii* [The Prince Felix Yusupov. Memoirs: 2 vols. Prior to the expulsion, 1887–1919. In exile] / pervyi poln. per. s fr. E. Kassirovoi. – M.: IP Bogat, 2007. – 432 p.
46. *Paleolog M. Rasputin. Vospominaniya* [Rasputin. Memoirs]. Reprint. izd. 1923 g. – M.: SP «Interkinotsentr», 1990. – 120 p.
47. *Nesterov M.V. O perezhitom. 1862–1917 gg. Vospominaniya* [About bygones. 1862–1917. Memoirs]. – M.: Molodaya gvardiya, 2006. – 589 p.
48. *Hoffmann-Kuhnt L. Briefe der Zarin Alexandra von Russland: an ihre Jugendfreundin Toni Becker-Bracht*. 1. Auflage. – Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2009. – 176 S.
49. *The Correspondence of the Empress Alexandra of Russia with Ernst Ludwig and Eleonore, Grand Duke and Duchess of Hesse. 1878–1916*. – Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2010. – 404 p.

**Генерал Красной армии М.Г. Снегов жену-дворянку,
как и Родину, не предал...**

В статье рассматриваются этапы биографии одного из героев Великой Отечественной войны – генерала Михаила Георгиевича Снегова. Мальчик из крестьянской семьи дослужился до генерала РККА. Однако особенно счастливой судьбу этого человека не назовешь: жизнь многократно проверяла его на прочность принципов и силу духа. Вступив в 1918 г. в брак с дворянкой, дочерью своего преподавателя по Александровскому артиллерийскому училищу Андрея Эдуардовича Светницкого (Свенцицкого) – Варварой, М.Г. Снегов остался ей верен и в середине 1930-х гг., когда данный факт стал предметом разбирательства в специальной комиссии и привел к исключению красного командира из партии. А попав в самом начале Великой Отечественной войны, после тяжелых боев в Западной Украине, в плен, генерал-майор выдержал многочисленные пытки и истязания, отказавшись примкнуть к власовцам.

The article deals with the biography of one of the heroes of the Great Patriotic war – General Mikhail G. Snegov. The boy from a peasant family rose to the rank of the Red Army General. However, the life of this man cannot be called happy: life repeatedly tested his strength of principles and his strength of mind. In 1918 M.G. Snegov got married to Varvara, a noblewoman, the daughter of his teacher at the Alexander Artillery School Andrey E. Svetnitsky (Sventsitsky) and he remained faithful to her. In the mid-1930s, when this fact became the subject of proceedings before the special Commission, it led to the exclusion of the red commander from the party. And once in the beginning of the Great Patriotic war, after heavy fighting in the Western Ukraine when he was taken captive, the Brigadier General survived numerous tortures and torments, refusing to join the Vlasovites.

Ключевые слова: Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА), Великая Отечественная война, генерал, социальное происхождение, Михаил Георгиевич Снегов.

Key words: The Workers' and Peasants' Red Army, the Great Patriotic war, General, social origin, Michael G. Snegov.

Герой нашей статьи Михаил Георгиевич Снегов родился 12 ноября 1896 г. в дер. Мордвиново (ныне Можайского р-на Московской обл.) ([1, с. 525; 2] в крестьянской семье. (По другим данным: родился в 1893 г. и другой вариант фамилии – «Светов» [3]). «Незаурядные способности позволили ему, единственному в классе крестьянскому сыну, окончить гимназию» [2]. Службу в Российской императорской армии Михаил начал в декабре 1914 г. вольноопределяющимся 4-й артиллерийской бригады Западного фронта (р-н Сувалки); с мая 1915 г. – служил в 85-м запасном пехотном полку в Москве. В том же году молодой человек

окончил учебную команду артиллерийского дивизиона при том же 85-м полку. В августе 1915 г. он был отправлен на обучение в Александровское артиллерийское училище, по окончании которого М.Г. Снегов стал прапорщиком [1, с. 525].

Здесь надобно ненадолго приостановить наш рассказ и сказать, что в Александровском артиллерийском училище Михаил Георгиевич не только получил профессиональное военное образование по ускоренному курсу военного времени, но и познакомился со своим будущим тестем, а на 1915 г. пока только преподавателем – Андреем Эдуардовичем Светницким (Свенцицким)¹.

С января 1916 г. М.Г. Снегов служил в 55-м запасном пехотном полку в Москве младшим офицером учебной команды и младшим офицером роты. В декабре 1916 г. он был направлен на Румынский фронт, где воевал в составе 7-й пехотной дивизии в должности командира роты 25-го пех. полка, а позже – обер-офицера для поручений и старшего адъютанта штаба дивизии, и.о. инспектора административной части дивизии. Службу в «добольшевистской» армии будущий генерал Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА) окончил в чине поручика и в должности командира роты (с ноября 1917 г.), являясь одновременно председателем ротного комитета 26-го пехотного полка и членом полкового и дивизионного комитетов. После расформирования 7-й пехотной дивизии Михаил Снегов в январе 1918 г. вернулся с фронта в Москву и вступил в красногвардейский отряд Замоскворецкого района, который в феврале 1918 г. был переименован в 4-й Московский революционный советский пехотный полк. В феврале–марте 1918 г. М. Снегов – помощник начальника команды конных разведчиков и помощник командира роты, участвовал в разоружении отряда анархистов в Москве на Донской ул.; с июня этого же года – командир сводного отряда полка при подавлении антисоветских выступлений в Москве и Ярославле [1, с. 525].

Теперь надобно опять сделать паузу и указать на весьма важное событие в жизни нашего героя: видимо, не позднее октября 1918 г. он вступил в близкие отношения (или в брак) с Варечкой Свенцицкой, дворянкой и дочерью своего преподавателя по Александровскому артиллерийскому училищу А.Э. Свенцицкого. Наше предположение о том, что Михаил Снегов женился (или вступил в интимные отношения) именно не

¹ Светницкий (Свенцицкий) Андрей Эдуардович – род. в 1859 г. *Социальное происхождение (положение)*: частный поверенный. В 1889 г. окончил 2 класса Николаевской Академии Генерального штаба (далее – АГШ) по 2-му разряду. *Последняя должность в «добольшевистской» армии*: преподаватель Александровского военного училища; последний чин: штабс-капитан. *Служба в РККА*: не раньше октября 1918–1919 гг. – завуч Оренбургских пех. курсов. Далее: врид. начальника учебной части Приволжского военного округа (ПриВО) и начальник учебного отдела вуза ПриВО. *Семейное положение*: на ноябрь 1922 г. – женат, имел дочь Варвару, вышедшую замуж за будущего генерала РККА – М.Г. Снегова [4; 5, с. 200; 2].

позднее октября 1918 г. и именно в Москве, можно легко обосновать. Во-первых, с октября 1918 г. меняется географический регион службы нашего героя – его переводят на юг, о чем мы еще скажем подробнее ниже. А во-вторых, 4 апреля 1919 г. Варечка Свенцицкая-Снегова родила своему мужу первого сына – Юрия, также будущего военного [6; 2].

Где именно родился Юрий Снегов – в Москве, или уже на Юге России, куда перевели служить мужа Варечки Свенцицкой, мы не знаем. Трудно также сказать, был ли ее первенец рожден в браке, поскольку, как следует из монографии крупного специалиста в области гендерной истории В.А. Верременко, брачная традиция в русской дворянской среде уже во второй половине XIX в. в силу стремительно прогрессирующего процесса разорения «дворянских гнезд» и эмансипации женщины, все более склонялась к приоритету личных чувств брачующихся перед семейными и родовыми обязательствами [7, с. 143–164]. По этому поводу В. Верременко, в частности, пишет: «Символом растущей ценности личного счастья, вступающей в противоречие с нормами и правилами организации брака и семейной жизни, стало распространение в дворянской среде незарегистрированных супружеств» [7, с. 158]. Иными словами, первенец Снеговых вполне мог быть зачат и рожден до официальной регистрации брака его родителей.

Но вернемся к службе нашего героя в РККА. Уже с октября 1918 г. М.Г. Снегов служил в составе особой Московской бригады Южного участка отрядов завесы (ЮУОЗ), которая участвовала в боях с белоказаками атамана П.Н. Краснова в районах Новохоперска, Поворино, в обороне Царицына. На указанный срок Михаил Георгиевич состоял на следующих должностях: командир роты, помощник начальника и начштаба бригады. В январе–феврале 1919 г. особая Московская бригада вошла в состав сформированной 14-й стрелковой дивизии и была переименована во 2-ю бригаду этой дивизии. В должности начальника штаба 2-й бригады (начштаба), а позже и начштаба дивизии М.Г. Снегов участвовал в боях с войсками А.И. Деникина, белоказаками генерала К.К. Мамонтова на Кубани, подавлял антибольшевистские мятежи в районе Владикавказа и Моздока. В августе–сентябре 1920 г. он участвовал в разгроме врангелевского десанта под командованием генерала С.Г. Улагая, затем боролся с вооруженными формированиями в кубанских плавнях, в начале 1921 г. разоружал бандитские формирования в Дагестане.

В 1920-х гг. имело место событие, ставшее во многом решающим для дальнейшей служебной карьеры будущего генерала РККА М.Г. Снегова. Следуя в т. ч. и примеру своего тестя А.Э. Светницкого (Свенцицкого), Михаил Георгиевич поступает в Военную академию РККА. Сначала он в 1922 г. окончил Высшие военно-академические курсы

(ВВАК) при названной академии, а в 1926 г. – восточный факультет этой же самой академии, получившей теперь имя М.В. Фрунзе¹ [1, с. 525; 2].

Карьерный рост не заставил себя долго ждать, теперь уже и в «центре». С сентября 1922 г. М.Г. Снегов – начштаба 19-й стрелковой дивизии, а уже с октября 1924 г. – начштаба 10-го стрелкового корпуса Московского военного округа (МВО); с августа 1926 г. по декабрь 1927 г. – в специальной командировке в Китае [1, с. 525], где служил военным советником революционного правительства Чан Кай-ши и работал там под руководством В. Блюхера [2]. С декабря 1927 г. Михаил Георгиевич стал начальником 2-го (организационного) отдела Финансово-планового управления снабжения РККА [1, с. 525–526].

В 1927 г. к 10-летию Октябрьской революции приказом РВС СССР М.Г. Снегов был награжден именованным оружием – пистолетом «маузер» с надписью: «Стойкому защитнику пролетарской революции от РВС СССР». С декабря 1929 г. наш герой состоял в Техническом штабе начальника вооружений РККА, где исполнял должности сначала начальника 5-го отдела, а с ноября 1930 г. – начальника 4-го сектора. Одновременно М.Г. Снегов являлся старшим инспектором штаба; с февраля 1932 г. – начальник войсковой инспекции; с июля 1932 г. – начштаба Главного артиллерийского управления (ГАУ); с февраля 1933 г. – начальник 1-го отдела и одновременно помощник секретаря РВС СССР. С марта 1935 г. – зам. начальника Управления делами при НКО СССР; с марта 1937 г. – командир 90-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа; с ноября этого же года – начальник Управления делами при НКО СССР² [1, с. 526]. Приказом НКО № 3276 / п от 29 августа 1937 г. Михаилу Георгиевичу было присвоено персональное военное звание «комбриг» [10], что также стало символической вехой его блестящей довоенной карьеры в РККА. В 1938 г. М. Снегов был награжден орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА». С октября 1939 г. – начальник Главуправления РККА; с августа 1940 г. – командир 8-го стрелкового корпуса в Киевском Особом военном округе (КОВО). Подробности и добавления: весной 1940 г. М. Снегову присвоили воинское звание генерал-майора и по его собственной просьбе перевели из канцелярии в войска. Так он был назначен командиром 8-го стрелкового корпуса 12 армии в КОВО и попал в Перемышль [1, с. 526]. Краевед Н. Трипутина пишет: «В конце 1930-х, перед назначением в Перемышль,

¹ Приказом РВСП № 1675 от 5 августа 1921 г. Академия Генштаба РККА была преобразована в общевойсковую и переименована в Военную академию РККА (приказ по Академии № 196 от 9 августа 1921 г.). 5 октября 1925 г. приказом РВС СССР 1925 г. № 1086 Военная Академия РККА была переименована в Военную Академию РККА им. М.В. Фрунзе (приказ по Академии № 327) [8. Л. 2; 9. Л. 3].

² По др. данным: на конец августа 1937 г. – зам. начальника Управления делами при НКО СССР [10].

Снегов – один из самых профессиональных сотрудников Наркомата обороны. При этом скромн, на глаза начальству не лезет...» [2].

Здесь следует остановиться и отметить весьма примечательный момент: комбриг, а затем генерал-майор М.Г. Снегов каким-то чудом не попал под маховик репрессий, «косивший» комсостав РККА на исходе 1930-х гг. целыми «снопами» [см.: 11]. Чудо это тем более будет примечательно, если к сказанному добавить, что Михаил Георгиевич перед начальством, видимо, не лебезил и на компромиссы со своей совестью не шел, тем более, когда дело касалось самого дорогого – личной жизни.

Следует вспомнить, что жена генерал-майора М.Г. Снегова была дворянкой. К середине 1930-х гг. Михаил Георгиевич вступил в «партию Ленина – Сталина», а уже во второй половине 1930-х гг. комиссия по чистке рядов этой самой партии предложила Снегову *срочно развестись с женой-дворянкой* (курсив наш. – В.К.). Однако он отказался наотрез. Тогда его исключили из партии как классово чуждый элемент. А в анкете кто-то коряво вывел – «из дворян»... Потом был неожиданный вызов к самому Сталину: как это – комбриг Снегов из дворян?! К счастью, в сельской церкви сохранилась книга с записями о рождении. Там черным по белому было: родители – крестьяне... Снегова простили. В 1954 г. он был восстановлен в партии [2].

Вернемся теперь к трагическим событиям начала 1940-х гг. Будучи во главе 8-го корпуса в КОВО, М. Снегов не мог не оказаться с первых же недель Великой Отечественной войны на ее передовых рубежах. И действительно, уже в июне 1941 г. 8-й корпус генерал-майора М. Снегова в составе 26-й армии Юго-Западного фронта вел тяжелые оборонительные бои против соединений 17-й немецкой армии. За умелое руководство частями корпуса в этих боях генерал М. Снегов был награжден орденом Красного Знамени. Однако в ночь на 7 августа 1941 г. при попытке вырваться из окружения генерал-майор М.Г. Снегов был тяжело ранен и попал в плен [1, с. 526]. Теперь обратимся за подробностями этих событий к краеведу: «Уже 23 июня 1941 года, на второй день боев, войска под его командованием заставили споткнуться вооруженную до зубов армию вермахта, не знавшую до той поры поражений. Было это у города Перемышля (который после войны был передан Польше и [звался тогда] Пшемыслом)... При разделе Польши в 1939 году Перемышль поделили на две части: западную, германскую, и восточную – советскую. Граница проходила по реке Сан. Весной 1940-го в пограничный Перемышль прибыл генерал-майор Снегов, вступивший в должность командующего 8-м стрелковым корпусом. 22 июня 1941 года, в 4 или 5 утра, начался артобстрел пограничного города. И уже до полудня немцы заняли его советскую часть. На рассвете следующего дня генерал Снегов принял на себя командование Перемышльским гарнизоном, покинувшим город. Теперь ему подчинялись (кроме 8-го стрелкового корпуса и входившей в него 99-й стрелковой дивизии) и по-

граничники, и войска укрепрайона, и отряд народного ополчения, созданный утром накануне. В 4 ч. утра 23 июня генерал Снегов повел войска на штурм Перемышля. Бились жестоко, остервенело, как в последний раз. Бились на улицах, во дворах, на мосту, в воде. Немцы стояли насмерть. Наши в ожесточении поднимали их на штыки. ...И вот заслоны смяты, противник бежит! На каждом шагу – трупы; в реке – убитые, раненые, оружие, машины, повозки... Вода стала красной от крови... Снегов вывел из Перемышля войска, ополченцев, раненых, организовал эвакуацию женщин и детей. Этот отход без потерь вошел потом в учебники по тактике. На сутки генерал отбил Винницу, маршевым строем прошел через фактически занятый немцами Житомир... Этот почти 900-километровый "марш сквозь смерть" показал, что воюют все-таки не железки, а люди... Шел второй месяц, как они оставили Перемышль. Колонна стремительно таяла. Последние ее остатки подошли к реке Синюха в районе Умани. Решили пробиваться вдоль берега... "В ночь с 5 на 6 августа, – писал позднее М.Г. Снегов в своей автобиографии, – мы предприняли попытку выйти из окружения. Отдельные части прошли. Я с остатками корпуса также пошел на прорыв, но был ранен и контужен. У деревни Копеньковата наша группа была разбита. В течение всего дня группа в 10–15 человек, оставшаяся со мною, вела перестрелку с автоматчиками противника. На рассвете я был захвачен вместе с двумя несшими меня бойцами"» [2].

Во время плена М.Г. Снегов сначала содержался в городах Умань, Винница, Замостье. В апреле 1942 г. он был переведен в лагерь в Хаммельсбурге; в начале 1943 г. отправлен в крепость Летцен, затем в Гогенштейнский концлагерь; с ноября этого года содержался в крепости Вюрцбург под Вайсенбургом. Находясь в плену, М. Снегов «повсюду сохранял достоинство, организовывал помощь больным и ослабевшим и возглавлял офицерский Суд чести». Дважды имел беседы с бывшим генерал-лейтенантом РККА А.А. Власовым, однако остался верен присяге и отклонил все его предложения о вступлении в Русскую освободительную армию (РОА) [1, с. 526]. Краевед Н. Трипутина сообщает подробности: «А. Власов предложил М. Снегову – должность начальника штаба. [Снегов отказался]. Сдержанный Снегов с предателем был особенно резок. Немцы подготовили открытку, на которой под фотографией Снегова стоял текст с призывами к советским воинам прекратить сопротивление и переходить на сторону Германии, вступать в ряды Освободительной Армии. Его жестоко истязали, вынуждая поставить подпись под этой открыткой. Генерал был непреклонен. Вот что рассказывал сын генерала Снегова Юрий Михайлович: "Когда отца уводили, офицер в форме РОА, присутствовавший при разговоре Власова и Снегова, шепнул ему: "О Вашем героическом поведении будет известно в Москве". Оказалось, что это был глубоко законспирированный советский разведчик» [2].

29 апреля 1945 г. военнопленный М.Г. Снегов был освобожден американскими войсками. Однако по окончании войны с нацистами Михаилу Георгиевичу пришлось пройти спецпроверку в органах НКВД, и только в декабре 1945 г. он был восстановлен в кадрах Красной армии с зачислением в распоряжение Главного управления наркомата обороны СССР [1, с. 526]. И вновь обратимся за подробностями к краеведу Н. Трипутину пишет: «Снегова освободили из лагеря союзные войска – за 10 дней до конца войны, больного, измученного, с открывшейся раной на руке. Вместе с группой освобожденных генералов он был переправлен в Париж, откуда после лечения в госпитале и проверки СМЕРШем был передан в советский фильтрационный лагерь. В декабре 1945 он вернулся к семье. В этом же году генералу Снегову вручили орден Красного Знамени, которым он был награжден за оборону Перемышля и бои на Западной Украине» [2].

В марте 1946 г. М.Г. Снегов был направлен на обучение на Высшие академические курсы (ВАК) при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова (та же АГШ), по окончании которых, с апреля 1947 г., состоял в распоряжении Управления кадров сухопутных войск. Тогда же М. Снегов защитил диссертацию, став кандидатом военных наук. С августа 1947 г. он начштаба тыла АрхВО, с сентября 1949 г. – помощник командующего по строительству и расквартированию войск указанного округа (1 июля 1951 г. округ переименован в БеломорВО), с января 1952 г. – начальник военной кафедры Харьковского института инженеров коммунального строительства [1, с. 526]. В характеристике от 16 октября 1956 г. было указано, что М. Снегов за время работы «проявил себя принципиальным, настойчивым, целеустремленным и инициативным работником... сочетает высокую требовательность с чуткостью к запросам студентов и сотрудников кафедры» [2]. С октября 1959 г. – в запасе [1, с. 526]. Генерал-майор М.Г. Снегов скончался в Харькове 25 апреля 1960 г. Кроме именного «маузера» Михаил Георгиевич за годы службы в РККА был награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени и многими медалями [2].

Генерал-майор М.Г. Снегов показал себя не только видным военачальником РККА и честным офицером, верным однажды данной присяге, но и настоящим мужчиной: и Родину, и жену-дворянку он не предал!

Дети М.Г. Снегова, полковник-инженер Юрий Михайлович, майор-инженер Михаил Михайлович и капитан Игорь Михайлович Снеговы, продолжили военную династию, основанную их дедом и отцом [2]. Расскажем немного подробнее об одном из сыновей М.Г. Снегова. Юрий Михайлович Снегов родился в 1919 г., в 1941 г. он курсант Бронетанковой академии. С началом ВОВ их курс в укороченном режиме закончил обучение. Зимой 1942 г. воентехник Юрий Снегов был отправлен в Нижний Тагил, где формировалась танковая бригада, с которой он отправился на фронт. Освобождал Воронеж, участвовал в битве на Курской

дуге, форсировал Днепр, освобождал Киев. Был награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны. После победы в звании майора он продолжил службу. Десять лет Ю. Снегов отдал воздушно-десантным войскам. Служил в Главном инженерном управлении Военно-воздушных войск. Ушел на пенсию в звании полковника. Но и на пенсии продолжал работать в Министерстве обороны, вплоть до 2005 г. Полковник Ю.М. Снегов умер в 2012 г., чуть-чуть не дожив до 70-летия победы [12].

Список литературы

1. Комкоры. Военный Биографический Словарь. Великая Отечественная: воен. биограф. слов. / под общ. ред. генерал-полковника М. Г. Вожакина: в 2 т. – М.: М.-Жуковский, Кучково поле, 2006. Т. 1. – 672 с.
2. Трипутина Н. Возвращенная легенда – генерал-майор М. Г. Снегов. – URL: <http://vecherniy.kharkov.ua/news/39361/>.
3. Снегов Михаил Георгиевич (Светов). – URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/snegov_mg.html
4. Российский Государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 40895. Оп. 1. Д. 240468.
5. Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии, сост. на 1 марта 1923 г. – М.: Штаб РККА, 1923.
6. Мемориал – Снегов Юрий Михайлович. – URL: http://skorbim.com/%D0%BC%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB/%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B2_%D1%8E%D1%80%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.html
7. Верременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Европейский дом, 2009. – 684 с.
8. РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 59.
9. РГВА. Ф. 37976. Оп. 1 Д. 476.
10. Список присвоения высших офицерских званий Армии и Флота 1935–1940 гг. – URL: rkka.ru/handbook/personal/k35.xls
11. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. – М.: Терра, 1998. – 528 с.
12. Бессмертный полк // Полковник Снегов Ю.М. – URL: <http://moypolk.ru/soldiers/snegov-yuriy-mihaylovich>

References

1. *Komkory*. Voennyj Biograficheskiy Slovar'. Velikaya Otechestvennaya. Voennyj Biograficheskiy Slovar'. Pod obshchej redakciej general-polkovnika Vozhakina M.G. [The corps commanders. A Military Biographical Dictionary. The Great Patriotic War. A Military Biographical Dictionary. Under the General editorship of Colonel-General Vozhakina M.G.]. V 2-h tomah. – M.: Moskva-ZHukovskij, Kuchkovo pole, 2006. T. 1. – 672 s.
2. *Tripulina N.* Vozvrashchennaya legenda – general-major M.G. Snegov [Returned legend – major General M. G. Snegov]. – URL: <http://vecherniy.kharkov.ua/news/39361/>.
3. *Snegov Mihail Georgievich* (Svetov). – URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/snegov_mg.html
4. *Rossijskiy Gosudarstvennyj Voennyj Arhiv* (dalee – RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. F. 40895. Op. 1. D. 240468.

5. *Spisok lic s vysshim obshchim voennym obrazovaniem, sostoyashchih na sluzhbe v Raboche-Krest'yanskoj Krasnoj Armii, sost. na 1 marta 1923 g.* [The list of people with the highest General military education in the service of the worker-Peasant red Army, comp. on March 1, 1923]. – M.: Shtab RKKA, 1923.

6. *Memorial – Snegov YUrij Mihajlovich* [Memorial – Snow Yuri Mikhailovich]. – URL: http://skorbim.com/%D0%BC%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB/%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B2_%D1%8E%D1%80%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.html

7. *Veremenko V.A. Dvoryanskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Noble family and the state policy of Russia (second half XIX – beginning of XX centuries)]. Izd. 2-e, ispr. i dopoln. – SPb.: Evropejskij dom, 2009. – 684 s.

8. RGVA. F. 37976. Op. 1. D. 59.

9. RGVA. F. 37976. Op. 1 D. 476.

10. *Spisok prisvoeniya vysshih oficerskih zvanij Armii i Flota 1935–1940 gg.* [A list of awarding the highest officers of the Army and Navy, 1935–1940] // rkka.ru/handbook/personal/k35.xls

11. *Suvenirov O.F. Tragediya RKKA. 1937–1938* [The tragedy of the red army. 1937–1938]. – M.: Terra, 1998. – 528 c.

12. *Bessmertnyj polk* [Immortal regiment] // Polkovnik Snegov YU.M. – URL: <http://moypolk.ru/soldiers/snegov-yuriy-mihaylovich>

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

УДК 94(47).066

Н.Д. Козлов, В.Н. Бенда

Организационно-штатная структура инженерного корпуса Российской империи во второй половине XVIII в.

В военно-исторических источниках и материалах исследований по истории развития инженерного дела с начала XVIII столетия и до его середины, опубликованных в дореволюционный, советский, и постсоветский периоды, есть незначительное количество работ, освещающих эту проблему. В статье анализируется положение дел в русском инженерном корпусе, с показанием изменений произошедших в нем с начала XVIII в. и вплоть до утверждения в 1763 г. последнего его штата. Особое внимание авторами обращено на недостатки в организационно-штатной структуре инженерного корпуса в середине второй половины XVIII в. и предложения генерал-инженера М.И. Мордвинова по их исправлению. В научный оборот вводятся ранее не опубликованные архивные источники. Данная работа предназначена для расширения и дополнения уже имеющихся сведений об основных моментах истории развития инженерного дела в Российском государстве в указанный период.

In the military history sources and the materials of the experiments, dedicated to the history of the development of engineering since the beginning XVIII of the century and to its middle, published into the pre-revolutionary, the Soviet, and the post Soviet periods, is a insignificant number of works of those illuminating this problem. In the article is analyzed the state of affairs in the Russian engineering housing, concerning the indication of changes of those occurred in it from the beginning XVIII v. and up to the assertion in 1763 g. its last state. Special attention is inverted by the authors to the deficiencies in the organizational and manning structure of engineering housing in the middle of second-half XVIII v. and the proposals of General-engineer M.I. Mordvinov on their correction. The previously not published archive sources are introduced into the scientific revolution. This work is intended for expansion and adding already existing knowledges about the basic moments of the history of the development of engineering in the Russian state in the period indicated.

Ключевые слова: XVIII в.; Петр I; Екатерина II; Г.Г. Орлов; М.И. Мордвинов; инженерный корпус; инженерный полк; минерная рота; штаты; инженерные служители.

Key words: XVIII; Peter I; Catherine II; Grigory Orlov; Mikhail Mordvinov; the Corps of engineers; Engineer Regiment; minernaâ company; States; Engineering attendants.

Ранее мы в своих публикациях уже освещали некоторые аспекты создания и развития русского инженерного корпуса в XVIII в. [1, с. 53–65; 2, с. 35–40; 3, с. 15–19; 4, с. 60–63 и др.]. Но в ходе изучения дополнительного массива источников по данной теме выявлен ряд новых доку-

ментов, позволяющих уточнить и дополнить уже имеющиеся сведения об образовании русского инженерного корпуса, изменениях его организационно-штатной структуры и развитии инженерного обеспечения обороны и защиты границ Российского государства в XVIII в.

До 1710 г. по имеющимся в Канцелярии главной артиллерии и фортификации (КГАиФ) делам сведений о инженерном корпусе и состоящих в нем служащих (чинах) не имелось. Первыми официальными документами, в которых стали упоминаться данные об инженерах, были собственноручно подписанные Петром I табели (ведомости – Н.К., В.Б.) 1710 и 1712 гг., в которых между артиллерийскими должностями (артиллерийские служащие или чины – Н.К., В.Б.) упоминаются инженерные должности, с перечня которых и начинаются указанные ведомости [5. Л. 3].

В табелях 1710 и 1712 гг. перечисляются наименования инженерных должностей и указывается их количество (табл. 1).

Таблица 1

Наименование и количество инженерных должностей согласно табелей 1710 и 1712 гг. [6. Л. 2]

№ п/п	Наименование инженерных должностей	Количество людей
1	Капитан	2
2	Капитан-поручик	2
3	Поручик	2
4	Подпоручик	2
5	Кондуктор	24
6	Батарейный мастер	5
	Итого инженерных	37
	Минерная рота	
1	Капитан	1
2	Поручик	1
3	Подпоручик	1
4	Сержант	3
5	Фурьер	1
6	Цирюльник	1
7	Писарь	1
8	Капрал	4
9	Ефрейтор	4
10	Рядовой	58
	Итого минерных	75
	Всего инженерных	112

В соответствии с именованным указом Петра I от 19 марта 1719 г. было предписано создать в Санкт-Петербурге инженерную роту, комплектова-

ние которой производить из числящихся в Московской инженерной школе учеников. Командование ротой поручалось инженер-полковнику Де Кулону. Петр I своим именованным указом от 25 декабря 1722 г. назначил уже генерал-майора Де Кулона директором над всеми российскими крепостями, в подчинении которого стали находиться все инженеры, а также инженерная и минерная рота [5. Л. 3].

В мае 1723 г. Петр I внес некоторые поправки в штатное положение полевых инженерных подразделений, а именно, уточнил штаты минерной и инженерной рот [7, с. 67–68]. В это же время генерал-майор А.С. Де Кулон по поручению Петра работал над проектом инженерного штата и готовил для доклада другие вопросы, касающиеся положения и деятельности инженерного корпуса.

21 января того же года Петр I лично определил штат инженерного полка и минерной роты, включавших соответственно 236 и 72 человека [8. Л. 2 об.]. Проект штата, составленный генерал-майором де Кулоном, был рассмотрен в Главной артиллерии, направлен в Государственную Военную коллегию и утвержден только 30 мая 1726 г. [9, с. 587].

3 июня 1728 г. был утвержден штат чинам «армейского и минерского инженерства», основой которого являлся разработанный генерал-майором Де Кулоном и утвержденный в мае 1726 г. штат полевых инженеров [10. Л. 12 об.]. Инженерный штат 1728 г. включал в себя штат управления инженерным корпусом – 12 чел., штат инженерного полка, включающего управление (штаб) полка (18 чел. – Н.К., В.Б.) и восемь рот (всего 244 чел. – В.Б.), штат инженерной школы – 66 чел. и штаты других структурных подразделений входящих в состав инженерного ведомства. Общее количество личного состава, включенного в состав инженерного корпуса, согласно данному штату составляло 913 чел. [8. Л. 4].

В связи с тем, что инженеры использовались не только для производства фортификационных работ, но и на строительстве каналов, дорог и прочих инженерных сооружений, такого количества инженерных служащих было явно недостаточно. В 1730 г. штат инженерного корпуса был увеличен на 514 чел. и стал включать 1427 инженерных служащих [8. Л. 5 об.].

11 января 1757 г. вместо всех предыдущих положений и штатов инженерного корпуса был подтвержден (утвержден – Н.К., В.Б.) штат инженерного полка, включавшего управление полка и по две минерных, пионерных и мастеровых роты. Общее количество личного состава в инженерном полку составляло 1890 чел., а с прибавлением в 1760 г. в штат инженерного полка нескольких чинов к управлению полка и другим подразделениям оно стало составлять 1897 чел. [8. Л. 7].

В 1763 г. воинской комиссией был рассмотрен новый штат инженерного корпуса, который был утвержден императрицей Екатериной II [8. Л. 7 об. – 9 об.].

13 декабря 1776 г. генерал-инженер М.И. Мордвинов, исполнявший тогда обязанности генерал-директора над фортификациями, подал рапорт на имя генерал-фельдцейхмейстера Г.Г. Орлова [10. Л. 12–18 об.], в котором говорилось, что в связи с расширением границ Российского государства выявились недостатки по количеству и наличию некоторых инженерных должностей в штате инженерного корпуса, а также освещались некоторые другие негативные моменты инженерного обеспечения защиты и обороны российских границ.

Рассмотрим некоторые из недостатков в организационно-штатной структуре инженерного корпуса, а также предложения по их устранению, изложенные в рапорте М.И. Мордвинова на имя Г.Г. Орлова.

Согласно последнему штату, все инженеры и прочие служащие, состоящие в инженерном корпусе, не разделялись на гарнизонных и полевых. А в случае войны для укомплектования инженерных подразделений в действующей армии использовались военные инженеры из разных и отдаленных мест. На их проезд к месту дальнейшего прохождения службы затрачивались немалые деньги и время. Ко всему этому добавлялось еще и то, что крепостные команды от частых смен руководителей крепостного строительства не всегда могли добросовестно выполнять необходимые работы, так как вместо откомандированного инженера вновь вступившему в командование крепостью офицеру необходимо было немалое время на вхождение в курс дела в т. ч. и на определение способностей своих подчиненных. Более того, часто получалось так, что откомандированные из крепостей к действующей армии военные инженеры, служба которых проходила постоянно при крепостных сооружениях, вследствие чего они могли не иметь боевого опыта, были неспособны к выполнению своих должностных обязанностей в боевых условиях. И наоборот, те инженеры, служба которых большей частью проходила при армии и, они не имели необходимых практических знаний в строительстве инженерных сооружений, назначались начальниками крепостных инженерных команд [10. Л. 13 об.].

Для устранения этого недостатка генералом Мордвиновым было предложено разделить инженеров, состоящих в инженерном корпусе на полевых и крепостных. Помимо этого, предлагалось всю территорию государства в инженерном плане разделить на шесть департаментов. К имеющимся на тот момент Санкт-Петербургскому, Лифляндскому, Киевскому, Астраханскому и Сибирским департаментам [10. Л. 3–11] предлагалось добавить Азовский департамент. Предполагалось, чтобы в крепости **первого ранга** (здесь и далее полужирный курсив наш – Н.К., В.Б.) штат инженерных офицеров включал: одного штаб-офицера, двух субалтерн-офицеров (военнослужащие, занимавшие должности младшего офицерского состава в ротах, эскадронах, или батареях, т. е. ниже капитанского ранга и не имевших в своем подчинении личного состава, и не командовавшие подразделениями, а также не служащие в штабе

полка – Н.К., В.Б.) и четырех кондукторов (ученик или выпускник военно-специального инженерного или другого учебного заведения, а в составе подразделений унтер-офицер, исполнявший обязанности чертежника, художника и т. д. – Н.Д., В.Б.); **второго ранга**: по одному капитану и субалтерн-офицеру и три кондуктора; **третьего ранга или в малых крепостях** – по одному субалтерн-офицеру и по два кондуктора.

Было выдвинуто предложение о том, чтобы за всеми крепостями, укрепленными линиями и другими инженерными сооружениями, расположенными на участке длиной 400 верст вдоль границы государства, вели надзор один офицер и один кондуктор, над которыми при каждой укрепленной линии в зависимости от расстояния, главным был один штаб-офицер или капитан [10. Л. 13 об. – 14].

Ко всему этому предлагалось существенно расширить штат полевых инженеров, исходя из того положения, чтобы в армии не ощущался их недостаток. Предусматривалось разделение полевых инженеров на две части, для того чтобы в случае ведения государством войны на два фронта, имелась возможность без затруднений укомплектовать действующие армии инженерными служащими. В двух частях полевых инженеров, штатом предусматривалось по два полковника, подполковника и майора. А к офицерскому и унтер-офицерскому составу минерных и понтонных рот предлагалось добавить шесть капитанов, восемь поручиков, восемь подпоручиков, восемь прапорщиков, по восемь кондукторов трех классов (всего 24) и по восемь старших и младших писарей [10. Л. 14].

Предусматривалось, чтобы в военное время полевые инженеры выполняли свои служебные и функциональные обязанности при армии, принимавшей участие в боевых действиях. В мирное время полевые инженеры должны были использоваться при составлении карт, топографической съемке пограничных и прочих необходимых мест, копировании в чертежном архиве карт и различного рода планов. Полевых инженеров по указанию вышестоящего начальства следовало привлекать для участия в работе различного рода комиссий [10. Л. 14 об.].

Отметим еще один любопытный факт. Генерал М.И. Мордвинов предлагал не ограничиваться подготовкой инженерных кадров в действовавшем на тот момент в России **Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе**, директором которого он являлся, а «...посылать в чужие края для приобретения лучшего познания инженерной науки» субалтерн-офицеров, которые имели достаточную практическую и теоретическую подготовку в инженерной науке [10. Л. 14 об.].

Был предложен ряд изменений по порядку назначения на инженерные должности и производства в следующие чины (звания) инженерных служащих.

Так, например, и полевые, и гарнизонные (крепостные) инженеры имели одинаковый порядок производства в следующий чин, но с таким

условием, чтобы полевые инженеры не получали повышения за счет должностей в составе крепостных инженеров и наоборот [10. Л. 15].

В инженерном корпусе было затруднено повышение в звании для инженерного генералитета, штаб-, обер- и унтер-офицерского состава. Дело в том, что штат инженерного корпуса предусматривал только одну должность генерал-инженера (соответствовала до 1741 г. – чину генерал-лейтенанта, а с 1741 г. – генерал-поручика – Н.К., В.Б.) и пять должностей, соответствующих званию генерал-майора. Другими словами, получалось так, что в инженерном корпусе так называемый «потолок» в служебной карьере соответствовал современному воинскому званию генерал-лейтенанта и на эту должность претендовали еще пять генерал-майоров. А без освобождения вышестоящих генеральских или штаб-офицерских должностей на освободившиеся вакансии не могли назначаться нижестоящие офицеры. По сравнению с армейскими офицерами и генералами инженерные были существенно ущемлены в возможностях продвижения по службе и повышения в воинских званиях.

В связи с этим было предложено инженерных генералов и полковников назначать на вышестоящие должности с повышением воинского звания не только в инженерном корпусе, но и в армии. Тем самым обеспечивалось освобождение вакансий в инженерном корпусе и предоставлялась возможность для продвижения по службе другим инженерным офицерам. Кстати говоря, чтобы не были ущемлены права в присвоении генеральских званий армейских полковников и бригадиров, предлагалось их назначать на генеральские должности в инженерный корпус с присвоением соответствующего звания, но при условии, что они должны были хорошо знать инженерную науку [10. Л. 15 об.].

Не менее проблемным было продвижение по службе для офицеров и унтер-офицеров, которые в крепостях проходили службу на должностях цейхвартеров и унтер-цейхвартеров, на которые назначались лица из младшего офицерского состава и унтер-офицерских чинов **только по их желанию**. В круг их служебных обязанностей входило ведение учета прихода и расхода получаемых финансовых и материально-технических средств. На эти должности назначались, как говорится, **«на вечно»** и дальнейшее продвижение по службе для них предусмотрено не было. Конечно же, будучи все время в одном звании и не имея никакой возможности для повышения в должности и чине, они могли не проявлять особого старания и усердия по службе по сравнению с теми офицерами, которые имели эту возможность.

Цейхвартеров и унтер-цейхвартеров, знающих инженерную науку и соответствующих другим требованиям, предлагалось повышать в чинах и назначать на вакантные инженерные должности в крепостях. А тех, кто не обладал соответствующей подготовкой в области инженерного дела или по каким либо другим причинам не мог быть назначен на инженерные должности, предлагалось исключать из инженерного корпуса и

назначать « ... в другие службы, кто куда способен окажется» с соответствующим повышением в чинах [10. Л. 16 об. – 17].

Отметим еще одну проблему. Инженерный корпус испытывал острый недостаток в кондукторах 1-го класса, которых по штату полагалось иметь 40 чел. Но, как писал в своем докладе М.И. Мордвинов, «... **сего числа от начала конфирмации** (утверждения штата – Н.Д., В.Б.) **и по ныне никогда и половины наполнено не было. Да и впредь по тому положению чтобы их укомплектовать было можно, нельзя надеяться**». А по крепостям, для надзора и контроля за ходом проводимых в них работ, а также для выполнения других задач, касающихся инженерной должности, «...есть всегда крайняя нужда в первоклассных кондукторах» [10. Л. 17].

Такое положение дел с инженерными кондукторами сложилось из-за того, что кандидат из унтер-офицерского инженерного состава не мог быть повышен в звании, **не прослужив в предыдущей должности восьми лет**. В силу этого кондукторы 2-го класса до истечения указанного обязательного срока не могли быть произведены в кондукторы 1-го класса, а их место соответственно не могли занять кондукторы 3-го класса. Заметим, что для занятия вакантных кондукторских должностей 2 и 3-го класса из числа обучающихся при кадетском корпусе, в т.ч. и солдатских детей, было довольно много достойных претендентов по уровню их подготовки и знанию инженерных наук.

Было предложено уменьшить для кондукторов обязательный срок выслуги в предыдущем классе с восьми до четырех лет с предоставлением офицерским детям преимущества перед солдатскими в производстве в следующий чин [10. Л. 17 об.]. Такое положение способствовало тому, что обеспечивалось равномерное чинопроизводство среди инженерных кондукторов всех трех классов и все штатные кондукторские должности были бы укомплектованы необходимым количеством личного состава. Было также обращено внимание на тот факт, что упомянутые выше кондуктора 1-го класса уравнивались с чинами армейских прапорщиков, но денежное жалование против них получали меньшее, и им не полагались денщики, которых имели армейские прапорщики. Для устранения этой несправедливости следовало установить равенство в денежном довольствии и других видах обеспечения инженерных кондукторов 1-го класса по аналогии с армейскими прапорщиками.

Генералом М.И. Мордвиновым был выдвинут еще ряд предложений по улучшению материального и продовольственного обеспечения служащих инженерного корпуса и упорядочиванию прохождения ими службы в инженерном корпусе, а также определены критерии назначения претендентов из офицерского, унтер-офицерского состава и других служащих инженерного корпуса на вышестоящие должности.

Так, комендантами (начальниками) крепостей предполагалось назначать только офицеров, знающих инженерную науку и до этого про-

ходивших службу в инженерном или артиллерийском корпусах [10. Л. 15 об.]. Предлагалось также, чтобы чин поручика в инженерном и артиллерийском корпусе соответствовал чину армейского капитана [10. Л. 16 об.].

Находящиеся в минерных и пионерных ротах сержанты и другие служащие, такие как штабные канцеляристы, подканцеляристы, генеральные писари, имеющие сержантские чины, из-за незнания ими никакой науки из области инженерного дела, не имели шансов для дальнейшего повышения по службе, хотя сроки их выслуги в унтер-офицерах были куда более положенного восьмилетнего. Предлагалось тех из них, кто был достоин дальнейшего повышения в чинах и чтобы им не суждено было «вечно» оставаться в сержантских должностях, исключать, или как тогда было принято говорить – выпускать из инженерного корпуса, смотря по их способностям, в армейские полки и гарнизонные батальоны офицерами [10. Л. 17 об.].

Генерал-инженером М.И. Мордвиновым был предложен новый штат крепостных и полевых инженеров, представленный нами в табл. 2.

Таблица 2

*Табель
с указанием нового количества крепостным
и полевым инженерных кадров [10. Л. 28–28 об.]
(орфография и стиль документа сохранены – Н.К., В.Б.)*

№ п/п	Звание крепостей разделением по рангам	Положение по крепостям чинов								Прим.	
		Подполковник	Майор	Капитан	Субалтер офицер	Кондукторов	Цейхвартеров	Унтер-цейхвартер	Писарей		
									старших		младших
	1-го ранга										
1	Санкт-Петербург	2			2	4	1		1	2	В т. ч. 1 под- полков- ник при- сут- ствующий в кан- целярии

Продолжение табл. 2

2	Кронштадт		1		2	4	1		1	2
3	Выборг	1			2	4	1		1	2
4	Рига с цитаделью	1			2	4	1		1	2
5	Ревель		1		2	4	1		1	2
6	Киев		1		2	4	1		1	2
7	Крепость святого Дмитрия		1		2	4	1		1	2
8	Астрахань		1		2	4	1		1	2
9	Оренбург		1		2	4	1		1	2
	Итого	4	6		18	36	9		9	18
	2-го ранга									
10	Фридризгам			1	1	3		1	1	1
11	Нарва			1	1	3		1	1	1
12	Пернов			1	1	3		1	1	1
13	Оренбург			1	1	3		1	1	1
14	В устье Эст реки			1	1	3		1	1	1
15	Переяславль			1	1	3		1	1	1
16	Азов			1	1	3		1	1	1
17	Таганрог			1	1	3		1	1	1
18	Царицын с линией			1	1	3		1	1	1
19	Казань			1	1	3		1	1	1
20	Кизляр			1	1	3		1	1	1
	Итого			11	11	33		11	11	11
	3-го ранга									
21	Шлисельбур				1	2			1	1
22	Архангельская Новодвинская				1	2			1	1
23	Неешлот				1	2			1	1
24	Кексгольм				1	2		1	1	1
25	Вилмонstrand				1	2			1	1
26	Давыд город				1	2		1	1	1
27	Динамент				1	2		1	1	1
28	Дерптская цитадель				1	2		1	1	1
29	Рогервик				1	2			1	1
30	Великие Луки				1	2			1	1
31	Смоленская цитадель				1	2			1	1
32	Святой Елизаветы				1	2		1	1	1
33	На устье реки Хопры				1	2		1	1	1
34	Моздок				1	2			1	1

Продолжение табл. 2

35	Уральская линия дистанцией 1924 версты				2	5	5						
36	Сибирская линия на 2102 версты		1			5	5						
37	Да в Москве в присутствии в конторе артиллерийской			1									
	Итого		1	1	2	24	38		6	14	14		
	А во всех 34 крепостях и на линиях		5	7	13	53	107	9	17	34	43		
Полевых инженеров	Генерал-майоров	Полковников										Из того числа 2 полковника командуют департаментами	
			4	4	2	2	6	24	24		4		4
	Всего крепостных и полевых		4	4	7	9	19	77	131	9	17	38	47
	По штату 1763 г. положено (кроме Днепровской линии)		5	4	5	7	16	72	120	8	16	80	
	Нынешнее положение превосходят				2	2	3	5	11	1	1	5	
	Убавляется		1										

В заключение отметим, что проблема нехватки опытных и хорошо подготовленных отечественных инженерных кадров, возникшая еще в правление Петра I, была более чем актуальной и в пост петровское

время. Выше мы уже отмечали, что объем задач и работ, выполняемых инженерами, был огромный.

Нельзя утверждать, что правительство не обращало внимания на эту проблему и не предпринимало никаких мер по совершенствованию системы подготовки инженерных кадров и укомплектованию ими первичных инженерных должностей в инженерном корпусе. Так, например, в начале 40-х гг. XVIII в. была возобновлена деятельность Московской инженерной школы [11. Л. 2–3 об.], ведшей подготовку инженерных кадров совместно с Санкт-Петербургской инженерной школой вплоть до 1752 г., после чего она снова была закрыта [12. Л. 1–4].

Широко известны планы и предложения генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова по реформированию системы подготовки кадров для артиллерийского и инженерного корпусов. 27 апреля 1758 г. П.И. Шувалов представил императрице Елизавете Петровне план учреждения в России «при артиллерии шляхетного кадетского корпуса». Он предлагал вместо двух артиллерийских и одной инженерной школы создать одно учебное заведение [13. Л. 56–65 об.].

Тем не менее, несмотря на предпринимаемые меры, на наш взгляд, сложилась парадоксальная ситуация. В Российской империи того времени действовали военно-учебные заведения, где велась подготовка инженерных кадров. В частности, подготовка инженерных кадров велась в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе (АИШКК), учрежденном в октябре 1762 г. В 1775 г. офицеров артиллеристов и инженеров, также стали готовить в Корпусе чужестранных единоверцев, или Гимназии для чужестранных единоверцев при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе.

Казалось бы, инженерный корпус должен был пополняться выпускниками вышеуказанных военно-учебных заведений, которые сразу назначались на первичные офицерские или унтер-офицерские должности.

Но надо сказать, что дальнейшее прохождение службы в инженерном корпусе в силу различных причин не всегда прельщало выпускников АИШКК и других военно-учебных заведений. Например, по результатам выпускного экзамена в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, проведенного 12 марта 1776 г., **21 чел. были выпущены штык-юнкерами в артиллерию, четыре чел. прапорщиками в инженерный корпус и 26 чел. подпоручиками в полевые полки** [6. Л. 6–6 об.].

В том числе и по этой причине инженерных кадров постоянно не хватало, притом, что наряду с отечественными кадрами, получившими подготовку в российских военно-специальных учебных заведениях, правительство на протяжении всего XVIII в. постоянно принимало на службу большое количество готовых инженеров-иностранцев.

В заключение отметим, что первопричиной тех недостатков в организационно-штатной структуре инженерного корпуса в середине второй

половины XVIII в. явилось нарушение единой организации и четкого управления деятельностью инженерного корпуса или, выражаясь современным языком, нарушение «логистики» в обеспечении его повседневной жизнедеятельности.

Очевиден и тот факт, что в системе главного управления инженерным ведомством отсутствовало четкое положение или регламентация прохождения службы в войсках инженерными кадрами, их финансового, продовольственного и вещевого обеспечения.

Список литературы

1. Бенда В.Н. Предпосылки к основанию русского инженерного корпуса // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С.Пушкина: науч. журн. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – № 3. – С. 53–65.
2. Бенда В.Н. Основание Петром I русского инженерного корпуса в первой четверти XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 10. – Ч. 2. – С. 35–40.
3. Бенда В.Н. Разработки проекта организационно-штатной структуры артиллерийского и инженерного корпусов России в конце второй четверти XVIII в. // Альманах совр. науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 3(93). – С. 15–19.
4. Козлов Н.Д., Бенда В.Н. К вопросу о влиянии «миниховских» военных реформ на боеготовность русской армии в 30-е годы XVIII в. // Уральский науч. вестн. (Оралдың ғылым жаршысы, Казахстан): науч.-теорет. и практ. журн. Сер. Педагогические науки, Филологические науки, История, Право, Философия, Музыка и жизнь. – Уралск: Уралнаучкнига, 2015. – № 3 (134). – С. 60–63.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 826. Оп. 2. Д. 598. Л. 1–215.
6. Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 4659. Л. 1–75.
7. Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ). Собр. – 1. – СПб.: Типография II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. – Т. VII. (1723–1727). – 932 с.
8. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4785а. Л. 1–55.
9. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование Императора Петра Великого. – СПб.: Императорская Акад. наук, 1861. – 642 с.
10. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2158. Л. 1–215.
11. РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–107.
12. РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 301. Л. 1–92.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 198. Л. 1–112.

References

1. *Benda V.N. Predposylki k osnovaniyu russkogo inzhenernogo korpusa [Prerequisites for the base of the Russian engineering housing] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S.Pushkina. Nauchnyi zhurnal [Herald of the Pushkin Leningrad State University. Scientific journal]. – St. Petersburg: LGU im. A.S.Pushkina, 2008. – №3. – P. 53–65.*

2. *Benda V.N.* Osnovanie Petrom I russkogo inzhenernogo korpusa v pervoi chetverti XVIII veka [Base by Peter I Russian engineering housing in first quarter XVIII of century] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and juridical sciences, kulturologiya and art study. Questions of theory and practice]. – Tambov: Certificate, 2014. – № 10. – H. 2. – P. 35–40.

3. *Benda V.N.* Razrabotki proekta organizatsionno-shtatnoi struktury artilleriiskogo i inzhenernogo korpusov Rossii v kontse vtoroi chetverti XVIII v.[Developments of the design of the organizational and manning structure of artillery and engineering corps of Russia in the end of second fourth XVIII of v.] // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya [Almanac of contemporary science and formation]. – Tambov: Certificate, 2015. № 3(93). – 144 p. – P. 15–19.

4. *Kozlov N.D., Benda V.N.* K voprosu o vliyanii «minikhovskikh» voennykh reform na boegotovnost' russkoi armii v 30-e gody XVIII v. [To a question about the influence “minikhovskikh” military reforms on the combat readiness of Russian army in the 30's XVIII v.] // Ural'skii nauchnyi vestnik (Oraldyñ ғылым zharshysy, Kazakhstan). Nauchno-teoreticheskii i prakticheskii zhurnal. Seriya: Pedagogicheskie nauki, Filologicheskie nauki, Istoriya, Pravo, Filosofiya, Muzyka i zhizn'. [Ural scientific herald (Oraldyñ ғылым of zharshysy, Kazakhstan). Scientific-theoretical and practical periodical. Series: Pedagogical sciences, philological sciences, history, right, philosophy, music and life]. – Ural: Uralnauchkniga, 2015. – №3 (134). – P. 60–63.

5. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [Russian state military history archive (RGVIA)]. F. 826. Op. 2. D. 598. L. 1–215.

6. *Arkhiv voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi (Arkhiv VIMAIV i VS)* [The archive of the military history museum of artillery, engineers and troops of connection (Archive VIMAIV and VS)]. F.2. Op. ShGF(stab Generalfeldtseykhmeystera). D. 4659. L. 1–75.

7. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Pervoe sobranie. (PSZ)*. [Complete meeting of the laws of the Russian Empire. First meeting. (PSZ)]. – St. Petersburg: Printing house II of the department of its own EIV of office, 1830. T. VII. (1723–1727). – 932 p.

8. Archive VIMAIV and VS. F. 2. Op. ShGF. D. 4785a. L. 1–55.

9. *Laskovskii F. F.* Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Chast' II. Opyt issledovaniya inzhenernogo iskusstva v tsarstvovanie Imperatora Petra Velikogo [Materials for the history of engineering in Russia. Part II. Experience of a study of engineering into emperor Peter Velikiy's reign]. – St. Petersburg: Emperor academy of sciences, 1861. – 642 p.

10. Archive VIMAIV and VS. F.2. Op. ShGF. D. 2158. L. 1–215.

11. RGVIA. F. 826. Op. 2. D. 37. L. 1–107.

12. RGVIA. F. 826. Op. 2. D. 301. L. 1–92.

13. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [the Russian Public Archive of ancient reports (RGADA)]. F. 20 (military science). Op. 1. D. 198. L. 1–112.

Ленинградское отделение Союза писателей в годы хрущевских реформ и его борьба за «моральный облик» своих членов

В статье рассматриваются разнообразные направления деятельности Ленинградской писательской организации и её членов в годы хрущевских реформ в 1953–1964 гг.

На основании документов, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга и Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, периодической печати, мемуарной литературы, публицистики дана характеристика структуры организации, ее численности и руководства.

Прослеживаются контакты с печатными органами, издательствами и литературными журналами, проанализирована деятельность существовавшего при писательской организации отделения Литературного фонда. Выявлено, что деятельность Союза писателей не ограничивалась оказанием материальной помощи литераторам и решению их бытовых проблем, творческие организации отвечали в том числе за поведение своих членов и должны были его контролировать. Это касалось не только идеологии, но и бытовой сферы. В статье проведен анализ различных форм повседневной жизни, в том числе связанных с проявлениями девиантного поведения, прежде всего пьянства, рассмотрены формы борьбы за «моральный облик» писателей и меры взыскания Ленинградского отделения Союза писателей, применявшиеся к его членам.

The article is devoted to the various activities of the Leningrad writers organization and its members in the years of Khrushchev's reforms, 1953–1964 biennium.

On the basis of documents stored in the Central state archive of literature and arts of St. Petersburg and the Central state archive of historical-political documents of St. Petersburg, periodicals, memoirs, journalism, the characteristic structure of the organization, its membership and leadership. Traced contacts with the press, publishing houses and literary magazines, analyzed the activity in existing writers' organization branch of the Literary Fund. Revealed that the activities of the Union of writers was not limited to the provision of financial assistance to writers and to solve their everyday problems, creative organization answered including for the behavior of their members and had to control it. It concerned not only ideology, but also domestic sphere. In the article the analysis of various forms of everyday life, including those associated with deviant behavior, especially drunkenness, consider the form of struggle for "moral character" writers, and penalties of the Leningrad branch of the writers' Union applied to its members.

Ключевые слова: повседневная жизнь писателей, anomia, девиантное поведение, Дом писателей, журнал «Звезда», журнал «Нева», Ленинградская писательская организация, Литературный фонд, материальная помощь, «оттепель», Союз Писателей СССР.

Key words: the daily lives of writers, anomie, deviant behavior, the House of writers, the magazine "Zvezda", the magazine "Neva" in Leningrad writers' organization, Literary Fund, "the thaw", the Union of Soviet Writers.

Традиционно биография и творчество писателей являются предметом изучения истории литературы. Однако в данной работе мы рассматриваем писательскую организацию с точки зрения исторической науки как один из институтов советского общества, а его членов – официально признаваемых профессиональных писателей – как одну из социальных групп, с присущими им особенностями материального положения и повседневной жизни.

В этой связи период «оттепели» представляет особый интерес. Он отмечен либерализацией литературной политики, вступлением поколения молодых писателей, начавшейся реабилитацией и переизданием писателей начала века, а отчасти и зарубежья, ростом открытости для контактов с зарубежными странами и возможностей издания иностранных авторов. Вместе с тем эти изменения оказались не столь значительными, чтобы изменить место, занимаемое писательской организацией в советском обществе. Все эти особенности проявились и в истории Ленинградской писательской организации – второй по значению в стране.

Ленинградское отделение Союза писателей СССР было создано в августе 1934 г. на Первом Всесоюзном съезде писателей. По данным документов, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга, в 1958 г. в Ленинграде, жили и работали 314 членов Союза писателей (СП) [1. Л. 43]. Для сравнения можно привести следующие сведения: в 1959 г. общая численность Союза писателей СССР составляла 4801 чел. [2, ст. 112], а например, в Новгороде и в Новгородской области в 1961 г. не было ни одного члена СП [3. Л. 162].

Высшим руководящим органом отделения формально было общее собрание, проводившееся один раз в два-три года. На нем избирались правление, которое выступало руководящим органом в период между общими собраниями, и ревизионная комиссия, которая занималась наблюдением за выполнением устава и решений, принимаемых общими собраниями; проверкой финансовой и материально-хозяйственной деятельности правления и подведомственных ему учреждений и предприятий.

В 1957 г. в правление входило 27 чел., среди которых были председатели творческих секций (Н.Л. Браун, П.Л. Далецкий), главные редакторы журналов (С.А. Воронин, В.П. Друзин), члены художественного совета студии «Ленфильм» (Л.Н. Рахманов, Б.Ф. Чирсков) и др. [4. Л. 118–119]. На заседаниях правления проходил прием в члены и кандидаты Союза писателей, слушались творческие отчёты, организовывались и утверждались командировки писателей.

С 1955 по 1965 гг. ответственным секретарем ЛОСП был Александр Андреевич Прокофьев – поэт, лауреат Сталинской и Ленинской премий

(Ленинскую премию получил в 1961 г. за сборник стихотворений «Приглашение к путешествию»).

Председатели президиумов Московского и Ленинградского отделений СП СССР, а также главные редакторы журналов «Звезда» и «Нева», утверждались и освобождались от должностей решениями президиума правления СП СССР [5. Л. 45]. Председатель Ленинградского отделения СП наряду с руководителями города присутствовал на трибуне в качестве почетного гостя во время первомайского парада на Дворцовой площади. В документах фонда Союза писателей ЦГАЛИ СПб содержится просьба о выдаче пропуска на легковую машину, принадлежащую Ленинградскому отделению СП – для проезда ответственного секретаря А.А. Прокофьева на Дворцовую площадь во время первомайского парада [6. Л. 37].

При отделении работали секции – группы деятелей искусств, объединенных профессиональными интересами или жанровой спецификой создаваемых ими произведений. На заседаниях секции проходили дискуссии по творческим вопросам, обсуждались произведения членов секции, изучался опыт коллег из других регионов; наконец, что особенно важно – распределялась материальная помощь. Руководящим органом творческой секции было избираемое её членами бюро во главе с председателем.

Существовали секции прозы, поэзии, драматургии, детской литературы, критики и литературоведения, а также комиссии – по военно-художественной литературе, по очерку, научной фантастике, по научно-художественной литературе и др.

Некоторые секции имели тесные творческие связи с другими группами художественной интеллигенции: например, драматурги – с работниками театров и киностудий. На бюро секции драматургов совместно с представителями театров обсуждались шедшие в них спектакли, с представителями «Ленфильма» – готовившиеся к выходу кинокартины.

Печатными органами Союза писателей в Ленинграде были ежемесячные литературно-художественные журналы «Звезда» и «Нева». Оба издания были ежемесячными, их совокупный тираж превышал 200 тыс. экз. «Звезда» издавалась с 1924 г., а «Нева» была создана в 1955 г. в связи с либерализацией литературной политики. Главным редактором был А.И. Черненко, с 1957 г. – С.А. Воронин. О всесоюзном значении журнала «Нева» свидетельствует, в частности, тот факт, что в нём впервые были опубликованы вторая часть романа М.А. Шолохова «Поднятая целина», романы «Братья Ершовы» В. Кочетова, «Семья Ульяновых» М. Шагинян, фантастические романы И. Ефремова «Туманность Андромеды» и «Лезвие бритвы», стихи С. Маршака, О. Берггольц. В том же, 1955 г., в Москве начали выпускаться журналы «Иностранная литература» и «Юность», в 1956 г. альманах «Дружба народов» был преобразован в журнал [7, ст. 292].

Центром литературной жизни Ленинграда был Дом писателя им. В.В. Маяковского, находившийся в бывшем особняке А.Д. Шереметева на ул. Воинова (ныне Шпалерная), 18. В нём размещались руководящие структуры и творческие секции Ленинградского отделения, проходили циклы лекций и семинары для писателей.

Помимо творческих союзов в СССР с 1930-х гг. существовала система фондов материальной поддержки лиц творческих профессий. В 1934 г. были созданы Литературный и Архитектурный фонды, в 1939 г. – Музыкальный. Отделение литературного фонда работало и в Ленинграде.

Фонд имел статус юридического лица и обладал хозяйственной самостоятельностью. Его средства формировались «из 10%-ных отчислений от доходов с издания книг, 3% от валового сбора с театральных постановок, а также прибылей от деятельности собственных хозяйственных предприятий – домов отдыха, пошивочных ателье, книжных лавок писателей» [8, с. 162]. Писатели материально находились в более выгодном положении, чем другие деятели искусств. Исследователь Г.А. Янковская объясняет это тем, что «литературоцентризм советской культуры находил выражение в неравенстве условий финансирования творческих союзов. Если Худфонд имел право на 2–3% отчисления с вознаграждения, выплачиваемого художникам, то Литературный, Музыкальный и Архитектурный фонды получали 10%-отчисления. В Литфонд также поступало 2% от вознаграждения за каждое поставленное драматическое произведение. В результате эти организации, уступавшие Худфонду в численности в 2–3 раза, располагали средствами в несколько раз большими. Неоднократные попытки Оргкомитета СХ СССР исправить сложившуюся ситуацию заканчивались безрезультатно» [9, с. 59–60].

К основным направлениям деятельности Литфонда можно отнести:

- предоставление денежных ссуд и пособий;
- помощь в приобретении квартир;
- предоставление услуг собственного пошивочного ателье (создано в 1938 г.);
- строительство персональных дач;
- налаживание медицинского обслуживания;
- распределение путевок в санатории и дома отдыха.

Отделение Литфонда включало правление и несколько секторов. Директором Ленинградского отделения Литфонда был Б.В. Федоренко. В архиве Ленинградского отделения СП сохранилось письмо А.А. Прокофьева, адресованное Директору Литфонда СССР В.А. Тевекеляну от 22.03.1960 г. В нем дается характеристика работы Федоренко: «Б.В. Федоренко работает в должности директора с сентября 1959 г. За это время он показал себя как выдающийся организатор. С 15 января был сокращен весь аппарат Литфонда (зам. директора, зав. соц. быт. сектором и др.) и всю работу приходится вести одному. Не-

смотря на это в настоящее время порядка стало больше и работа сотрудников отделения проходит организованно и четко» [10. Л. 112]. В письме содержится просьба установить персональный оклад директору Ленинградского отделения Литфонда до 2 тыс. р. (должностной оклад – 1 тыс. р.).

Фонд мог оказывать значительную материальную помощь. 22 ноября 1957 г. секретариат Союза писателей СССР постановил обратиться в Совет Министров СССР с просьбой о предоставлении М.М. Зощенко персональной пенсии союзного значения и выдал ему пособие в размере 5 тыс. р. за счет средств отделения Литфонда РСФСР [5. Л. 10].

В декабре 1957 г. бюро оргкомитета Союза писателей РСФСР приняло решение оказать материальную помощь вдове писателя М.А. Фромана – И.М. Наппельбаум в размере 1.500 р. [5. Л. 1].

25 июня 1958 г. оргкомитет Союза писателей РСФСР постановил оказать помощь в размере 5.000 руб. члену Союза писателей Ю.С. Рытхэу в связи с переездом из Ленинграда на постоянное место жительства в Магаданскую область, потратив ее на погашение задолженности перед Ленинградским отделением Литфонда [11. Л. 25].

Как отмечается в исследовании советского литературного быта В. Антипиной: «Оказывая серьезную материальную поддержку писателям, руководящие органы, по сути, мирились с проблемами крупных задолженностей литераторов» [12, с. 350]. Например, 9 декабря 1957 г. Ленинградское отделение Литфонда списало ссуду в размере 3 тыс. р., числившуюся за писателем И.Б. Березарком [5. Л. 2].

Таким образом, творческая организация писателей представляла собой бюрократическое учреждение с регламентированной разветвленной структурой. Она вела собственную хозяйственную деятельность и имела определенные материальные ресурсы для поддержки своих членов. Статус руководителя ленинградской организации был достаточно высок и позволял, например, присутствовать наряду с руководителями города на трибуне во время первомайской демонстрации.

Деятельность Союза писателей, безусловно, не сводилась исключительно к оказанию материальной помощи литераторам и решению их бытовых проблем. Творческие организации отвечали за поведение своих членов и должны были его контролировать. Это касалось не только идеологии, но и бытовой сферы. Устав СП предполагал возможность исключения из его рядов в случае «совершения поступков антиобщественного характера» [13, с. 10]. В этой связи остро стоял вопрос морального облика писателя и проблема пьянства.

Алкоголизм в период «оттепели» был проблемой не только для писательской среды, но и для общества в целом. Исследователи отмечают: «Люди эпохи хрущевских реформ не были трезвенниками. Выпивали в меру и не в меру все слои населения. Такой вывод можно сделать даже на основании одного документа – заметки о работе ленинградских

вытрезвителей, помещенной в "Ленинградской правде" в августе 1958 г. Газета опубликовала имена попавших в вытрезвитель с указанием имен и должностей. В списке были студенты, рабочие, преподаватели и артисты. Поэт А.М. Городницкий вспоминал, что выпивки входили в кодекс молодежного бытия 50-х гг. и являлись частью субкультуры молодых геологов и начинающих поэтов. "Все смеялись над Сашей Кушнером, когда он на мои проводы в экспедицию, – писал Городницкий, – вместо общепринятой поллитры принес торт, перевязанный голубой ленточкой"» [14, с. 259].

Традиционно массовый алкоголизм в обществе объясняется с точки зрения теории девиантного поведения. «В классической теории девиантности алкоголизм связан с состоянием аномии, при котором особенно ощутимы подмеченные Мертоном жесткие ограничения доступа большей части населения к специфическим символам успеха. Реакцией на подобную общественную ситуацию в большинстве случаев является отклонение от обычных норм поведения, и виды этого отклонения различны – от откровенного бунта до ретритизма (ухода от действительности). Ретритизм выражается, прежде всего, в пьянстве и наркомании» [15, с. 25].

Однако в советском обществе пьянство не было исключительно следствием социального неравенства и невозможности самореализации для представителей низших социальных слоев, которая приводила их к злоупотреблению алкоголем. Оно входило в быт различных слоев общества, включая социально успешных представителей партийной номенклатуры и творческой интеллигенции.

С этим была связана и двойственная политика властей по отношению к этой проблеме на протяжении всего советского периода. Известный исследователь этого периода Н.Б. Лебина приходит к следующему выводу: «К концу 30-х гг. в советском обществе сформировались взгляды на норму и аномалию в сфере потребления спиртных напитков. Власти считали отклонением как абсолютную трезвость, так и алкоголизм. Эти диаметрально противоположные девиации были окрашены с точки зрения идеологических структур в политические тона и требовали насильственного искоренения. <...> в качестве нормы предлагалось утверждение и поощрение питейной традиции высших слоев советского общества, знаковым выражением которых являлась абсурдная по своему содержанию рекламная строка "пейте советское шампанское"» [15, с. 47].

При этом советское правительство было вынуждено периодически предпринимать определенные меры, направленные на борьбу с ростом потребления алкоголя. Одна из таких кампаний проводилась в хрущевское время. «Президиумом Верховного Совета РСФСР в декабре 1956 года был издан указ "Об ответственности за мелкое хулиганство", согласно которому вызывающее поведение граждан общественных ме-

стах (оскорбление, сквернословие, в том числе – пьяный кураж) наказывалось ныне прочно забытыми пятнадцатью сутками административного ареста, налагавшегося милицией, и не считалось уголовным преступлением. Тогда же были сделаны попытки ограничить широкую торговлю спиртным и поставить ее под контроль местных Советов» [16, с. 438]. Борьба продолжалась и в дальнейшем: «В декабре 1958 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками". Правительствам союзных республик предписывалось прекратить продажу водки в неспециализированных магазинах и в розлив – в столовых, на вокзалах, вблизи предприятий и "культурных учреждений"» [16, с. 439].

Определенные меры предпринимались и в писательской организации. Представители партийных органов регулярно обращались к руководству отделения Союза писателей в связи с распространенностью среди его членов пьянства и вызванных им антиобщественных поступков. В качестве мер воздействия прибегали к беседам, публичному осуждению на собраниях, партийным взысканиям и в качестве крайней меры – к публикациям в периодической печати.

16 февраля 1959 г. алкоголизму был посвящен доклад А.А. Прокофьева на открытом партийном собрании по итогам XXI съезда КПСС. В нем он заявил: «Утверждение коммунистических взглядов и норм поведения происходит в борьбе с пережитками капитализма. Одним из них является пьянство. И у нас в писательской среде "зеленый змий" не убит. Несколько месяцев назад исключили из Союза на один год молодого писателя Принцева, а он не одумался – пьет направо... Мы кое-кому делаем выговоры, запрещаем ходить в наш писательский дом, но число нарушителей покоя стабильно» [17. Л. 35, 36].

27 марта 1957 г. на заседании партийного бюро писательской организации обсуждалось поведение члена КПСС Кичурина, который «бросает тень на партию пьянством и запоями» [18. Л. 15], и в то же время отвечает за пожарную безопасность Дома писателей и сохранность имущества. Было указано на недопустимость появления на работе в пьяном виде.

На заседании партийного бюро 24 апреля 1957 г. обсуждалось поведение руководителя литературного кружка Сазонова, который устроил дебош в столовой Дворца культуры Ижорского завода, был осужден на трое суток и заключен в Колпинском отделении милиции. Было принято решение объявить выговор без занесения в карточку [18. Л. 18].

В протоколе заседания партийной организации от 16 января 1959 г. зафиксировано обсуждение письма секретаря Курортного районного комитета КПСС «о недостойном поведении т. Мирошниченко Г.И., встретившегося в станционном буфете с сотрудником Пушкинского дома В.И. Малышевым, который был в нетрезвом виде». Они стали читать

вслух тексты протопопа Аввакума, в которых содержались нецензурные слова. Во время обсуждения Мирошниченко дал слово не появляться на людях в нетрезвом виде [19. Л. 4].

Как замечает современный литературный критик В. Шубинский, «поражает та важная роль, которую в советской литературной жизни играл алкоголь. Конечно, русские писатели со времен Ломоносова и Сумарокова не были трезвенниками, но никогда прежде пьянство не способствовало литературной (как и любой другой, кстати) карьере. ... Причина, в общем-то, понятна: решение оргвопросов в застольной обстановке гарантировало "прозрачность" собеседника – отсутствие камня за пазухой, с одной стороны, и социальную близость, с другой. Жизнь в писательском сообществе почти обязательно предусматривала участие в застольях» [20, с. 412]. Несмотря на все прилагавшиеся усилия, пьянство занимало большое место в литературном быте эпохи, и борьба с ним со стороны писательской организации оставалась безрезультатной. Употребление алкоголя, часто неконтролируемое, было систематическим в писательской среде.

Список литературы

1. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 371. Оп. 1. Д. 335.
2. Евгенов С.В. Союз писателей СССР // Краткая лит. энцикл. Т. 7. – М.: Сов. энцикл., 1967. – Ст. 110–114.
3. ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 444.
4. ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 304.
5. ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 325.
6. ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 336.
7. Дикушина Н.И. Литературные журналы и газеты // Краткая лит. энцикл. Т. 4. – М.: Сов. энцикл., 1967. – Ст. 287–292.
8. Штейндерман Э.М. «Элитфонд». О деятельности ЛО ЛФ СССР в 1930–1950-е годы // Звезда. – 2004. – № 1. – С. 53–77.
9. Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: Художник в годы позднего сталинизма. – Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2007. – 312 с.
10. ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 398.
11. ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 337.
12. Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 408 с.
13. Устав союза писателей СССР. – М.: [Б. и.], 1956. – 21 с.
14. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 344 с.
15. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – СПб.: Журн. "Нева"; ИТД "Летний сад", 1999. – 316 с.
16. Курукин И.В. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 519 с.
17. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД). Ф. 2960. Оп. 6. Д. 14.
18. ЦГАИПД. Ф. 2960. Оп. 6. Д. 8.
19. ЦГАИПД. Ф. 2960. Оп. 6. Д. 15.
20. Шубинский В. Перековка // Новое лит. обозр. – 2006. – № 79. – С. 411–415.

References

1. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). F. 371. Op. 1. D. 335.
2. *Evgenov S.V.* Soyuz pisatelei SSSR [Union of Soviet Writers] // *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia]. Vol. 7. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1967. – Columns 110–114.
3. TsGALI SPb. F. 371. Op. 1. D. 444.
4. TsGALI SPb. F. 371. Op. 1. D. 304.
5. TsGALI SPb. F. 371. Op. 1. D. 325.
6. TsGALI SPb. F. 371. Op. 1. D. 336.
7. *Dikushina N.I.* Literaturnye zhurnaly i gazety [Literary magazines & journals] // *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia]. Vol. 4. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1967. – Columns 287–292.
8. *Shteinderman E.M.* «Elitfond». O deyatel'nosti LO LF SSSR v 1930–1950-e gody ['Fund for Elite'. The activities of the Leningrad branch of Literary Fund of the USSR in 1930-1950s] // *Zvezda*. – 2004. – No. 1. – P. 53–77.
9. *Yankovskaya G.A.* Iskusstvo, den'gi i politika: Khudozhnik v gody pozdnego stalinizma [Art, Money and Politics: An artist during the late Stalinism]. – Perm': Izd-vo Permskogo gos. un-ta, 2007. – 312 p.
10. TsGALI SPb. F. 371. Op. 1. D. 398.
11. TsGALI SPb. F. 371. Op. 1. D. 337.
12. *Antipina V.A.* Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh pisatelei. 1930–1950-e gody [Everyday life of Soviet Writers. 1930–1950s]. – M.: Molodaya gvardiya, 2005. – 408 p.
13. *Ustav soyuza pisatelei SSSR* [Statute of the Union of Soviet Writers]. – M.: [without publisher], 1956. – 21 p.
14. *Lebina N.B., Chistikov A.N.* Obyvatel' i reformy. Kartiny povsednevnoi zhizni gorozhan v gody nepa i khrushchevskogo desyatiletia [Everyman and reforms. Pictures of everyday life of the townspeople in the years of the NEP and the Khrushchev decade]. – SPb.: Dmitrii Bulanin, 2003. – 344 p.
15. *Lebina N.B.* Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930 gody [Everyday life of Soviet city: norms and anomalies. 1920–1930s]. – SPb.: Mag. "Neva"; ITD "Letnii sad", 1999. – 316 p.
16. *Kurukin I.V.* Povsednevnyaya zhizn' russkogo kabaka ot Ivana Groznogo do Borisa El'tsina [Everyday life of Russian tavern from Ivan the Terrible to Boris Yeltsin]. – M.: Molodaya gvardiya, 2007. – 519 p.
17. Central Archive of Historico-Political Documents of Saint Petersburg (TsGAIPD) SPb. F. 2960. Op. 6. D. 14.
18. TsGAIPD SPb. F. 2960. Op. 6. D. 8.
19. TsGAIPD SPb. F. 2960. Op. 6. D. 15.
20. *Shubinskii V.* Perekovka ['Reforging'] // *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. – 2006. – No. 79. – P. 411–415.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

УДК 316.346.32-053.6; 94(47)

И.В. Синова

Маргиналы в петербургском социуме во второй половине XIX – начале XX в.

В статье на основе социологических концепций Р. Парка, Э. Дюркгейма и Р. Мертна рассматриваются маргинальные категории населения и проявления девиантного поведения в петербургском социуме во второй половине XIX – начале XX в.

С использованием документов, хранящихся в архиве, периодической печати, публицистики проанализированы условия, толкавшие людей к маргинальному положению в обществе, а также основные черты, присущие данной категории населения. Делается вывод, что часть общества, мигрировавшая из деревни в город в поисках работы или лучшей жизни, выступала носителем групповых идеалов, а попав в чуждую ей городскую среду и не в силах адаптироваться, находилась в пограничном состоянии из-за разнонаправленных процессов социализации человека в городе и сельской местности. Выявлены объективные и субъективные причины нищенства, показано, что среди них были не только сиротство и отсутствие возможности заработать средства на жизнь, но и нежелание трудиться. Проводится анализ правового положения проституток и отношения к ним общества, в результате которых они оказывались в категории маргиналов.

In the article based on sociological concepts of R. Park, E. Durkheim and R. Merton considered outcast categories of the population and manifestation of deviant behavior in St. Petersburg society in the second half of XIX – early XX cc.

On the base of using documents stored in archives, periodical press, magazines was analyzed conditions which pushed people to marginal status in society as well as the basic features inherent to this population category. The article considers the vision that community, who emigrated from the rural areas to the city in search of work or a better life, a bearer of group ideals, and once in a completely alien to them urban environment and not being able to adapt, to be in the border state of divergent processes of socialization in the city and rural areas. Were revealed objective and subjective causes of begging, showed that among them were not only orphanacy, lack of work and opportunities to earn a living, but also unwillingness to work. The article analyzes the legal situation of prostitutes and the attitude of the society to them which was transformed prostitutes into the category of outcast.

Ключевые слова: маргиналы, аномия, нищенство, проституция, трудовая миграция, отходничество, девиантное поведение, Врачебно-полицейский комитет.

Key words: misfits, anomie, begging, prostitution, labour migration, deviant behavior, Medical-police Committee.

Понятие «маргинальный человек» впервые употребил американский социолог Р. Парк в 1928 г. Классическая концепция маргинальности включает изучение особенностей личности, находящейся на границе различных культур в соответствии с занятиями, либо образом жизни или повседневными практиками. Во второй половине XIX – начале XX в. в Петербурге категорию маргиналов составляли нищие, проститутки, алкоголики, крестьяне, приехавшие в город и ещё не адаптировавшиеся к новым условиям жизни. Р. Парк связывал концепцию маргинального человека не с личностным типом, а с социальным процессом, выступающим как результат интенсивной социальной мобильности. При этом переход из одной общественной позиции в другую представляется индивиду как кризис. Отсюда имеет место ассоциация маргинальности с состоянием «промежуточности», «окраинности», «пограничности». Маргинальный кризис, как правило, является непрерывным, в результате чего он имеет тенденцию превращаться в тип личности, что подтверждает исследование петербургской городской среды во второй половине XIX – начале XX в.

Данный исторический период остаётся одним из самых противоречивых этапов отечественной истории, одновременно полным внутренне-го драматизма. Он отмечен сочетанием модернизационных процессов, чередующихся с аномическим состоянием общества, кардинальными социально-экономическими, общественно-политическими и демографическими изменениями, которые привели к серьёзным трансформациям в городском социуме. Освоение новой парадигмы общественного прогресса привело к увеличению количества маргиналов среди уязвимых категорий населения, страдавших от социально-экономических проблем. Для рассматриваемого периода характерны рост социальной мобильности, активизация миграционных процессов и, как следствие, увеличение численности городского населения. Во второй половине XIX – начале XX в. происходит кристаллизация внимания на социальных проблемах и, как следствие, появление нового дискурса, связанного с маргинальными категориями населения.

Современные научные исследования активно используют междисциплинарные подходы. Одной из широко применяемых в качестве основы исторических исследований служит теория социальной аномии, которая используется учёными при анализе политических, экономических и социальных трансформаций для исследования страны в целом и отдельных регионов в период кризисных явлений, революций и войн. В рамках современной теории аномии исследуется повседневная жизнь, выявляются стиль, поступки и мышление людей.

В условиях аномического состояния российского общества, факторы, приводящие к изменению общественной системы, возникают в повседневной жизни. Это способствует перспективному использованию концепции истории повседневности, для которой характерно внимание к

внутренним детерминантам человеческого поведения, сформулированным антропологией, а также к социологическим парадигмам. В соответствии с теорией Э. Дюркгейма, аномия возможна в двух измерениях. С одной стороны, она характеризует общество с точки зрения ослабления или отсутствия нормативных стандартов поведения, а следовательно, роста маргинализации населения, с другой стороны, состояние аномии может характеризовать и отдельное лицо, если оно социально дезориентировано, находится в состоянии тревоги и переживает чувство изолированности от общества, что напрямую относилось к маргинальным слоям населения в рассматриваемый период.

Развитие теории Дюркгейма продолжил Р. Мертон, который рассматривал аномию как результат деформации состояния социальной структуры, что побуждает членов общества к отклоняющемуся, девиантному поведению. Предложенная им теория аномии особое внимание уделяет специфике поведения низших слоев, что является основным предметом её критики со стороны оппонентов, но при этом применительно к маргиналам представляет определённый интерес и находит непосредственное подтверждение среди нищих, мигрантов, проституток в петербургском социуме в рассматриваемый период. Аномия по отношению к отдельной личности искореняет её моральные устои. При этом личность, и это подтверждает исследование повседневных практик второй половины XIX – начала XX в., лишается чувства преемственности, традиционности, а также всех обязательств, результатом чего является разрушение связи с обществом. Р. Мертон пытался «понять, каким образом социальная структура побуждает некоторых членов общества к несоответствующему предписаниям поведению» [1, с. 118–119].

В российском обществе во второй половине XIX – начале XX в. сравнительно небольшая часть населения принимала одобряемые цели и средства. На поведенческом уровне ряд категорий далеко не всегда использовали институциональные средства их достижения. Мертон объясняет, что основной причиной данной ситуации являются не столько личные пороки, сколько «болезни» социальной структуры, которые сужают пути институциональных средств достижения целей и ограничивают возможности приобретения новых социальных статусов.

Для Петербурга проблема маргинальности состояла в том, что часть общества, которая мигрировала из деревни в город в поисках работы или лучшей жизни, выступала носителем групповых идеалов, а попав в совершенно чуждую ей городскую среду и будучи не в силах адаптироваться, находилась в пограничном состоянии, что было связано с разнонаправленными процессами социализации человека в городе и сельской местности.

В значительной степени проблемы миграции и адаптации переселенцев во второй половине XIX – начале XX в. перекликаются с актуальными ныне и имеют общие с ними проявления в российском

обществе. Вследствие реализации Великих реформ, в период интенсивной урбанизации и быстрого роста городов за счёт переселенцев, все сферы жизни общества испытывали историческую трансформацию. Одновременно происходило падение нравов, росли безработица, нужда, бедность значительной части населения и, как следствие, имел место активный процесс маргинализации трудящихся.

Крестьянская культура и быт мигрантов, среди которых до 10 % были подростки не старше 16 лет, приехавшие в город для обучения ремеслу или в поисках работы, оказывали влияние на столичную среду, а городской образ жизни и окружение – на отходников [2, с. 341]. В условиях городского ученичества подросток оказывался вырванным из привычной детской повседневности и в одночасье попадал в повседневность взрослую, результатом чего являлась ускоренная социализация, т. е. преждевременное освоение социальных ролей взрослого человека, а соответственно и различного рода девиаций.

Отходничество подростков на заработки из деревни в столицу на рубеже XIX – начала XX в. являлось одной из распространённых форм социального лифта, выбор которого осуществляли родители в соответствии с их видением будущей судьбы своих детей в вопросе образования и дальнейшей профессиональной деятельности. Но движение такого лифта могло обеспечивать как социальный рост, так и перемещение конкретного ребёнка в категорию маргиналов. Массовый приток учеников в столицу во второй половине XIX в. происходил из Санкт-Петербургской, Архангельской губерний и из Карелии.

Нельзя не согласиться с мнением современного исследователя О.П. Илюхи, которая вывела для ремесленных учеников «три основных типа, три варианта судеб людей, прошедших "испытание обучением" в Петербурге. Первый – весьма распространённый – тип человека, опустившегося "на дно" петербургской жизни... Второй, также массовый, тип – внешне более благополучный – объединяет тех молодых людей, которые адаптировались к городской жизни, заняв нижние ступени социальной лестницы. Они не стали "настоящими" горожанами, сохранили связь с деревней, навещая родственников, и составили достаточно обширный маргинальный слой... Третий тип составляли наиболее удачливые и предприимчивые "выученики Петербурга", сумевшие разбогатеть и даже стать хозяевами собственных заведений. Их визитной карточкой на родине нередко становился большой красивый дом, в котором жили родственники и куда время от времени наезжал хозяин. Именно социальный имидж этих людей, их достижения, слава и капиталы являлись веским аргументом для крестьянина, отправлявшего своего ребёнка в столицу на поиски счастья желавшего видеть в своём сыне "питеряка"» [3, с. 97, 98, 99–100].

Каждую осень сотни детей привозили в Санкт-Петербург для продажи в ремесленные заведения. За несколько рублей хозяева мастерских

приобретали учеников как дешёвую рабочую силу, взамен они должны были их кормить, одевать и учить. Петербургский писатель и журналист XIX в. М.А. Круковский в рассказе «Приключения Сеньки» описал историю крестьянского мальчика, которого отец, несмотря на возражения матери, продал в Петербург за 5 р.: «У крестьян Олонецкого края во многих прионежских деревушках существует неразумный, бессердечный обычай без особой нужды посылать детей в Петербург и отдавать их мелким торговцам в услужение, "в обучение", как говорит тёмный люд. Каждую зиму сотни мальчиков увозятся из разных глухих углов в Петербург и навсегда отрываются от полей» [4, с. 2]. Мужчина, занимавшийся увозом детей из деревни, в столице продал мальчика в овощную лавку уже за пятнадцать рублей, где его несколько раз избили, что в конечном итоге закончилось побегом от хозяина. Вряд ли родители, отдавая своего ребёнка, предполагали всю тяжесть его будущего положения и судьбу человека, живущего на обочине.

О тяжёлых условиях жизни в отходничестве в Петербурге в своих записках рассказал житель Карелии А.Н. Самсонов, которого в 10-летнем возрасте отдали за 6 р. в «мальчишки» к хозяину чайных магазинов: «Нас использовали на побегушках, мы мыли полы, стёкла витрин, чистили посуду. И чуть что не так – получали подзатыльник, а то и более серьёзную трёпку. Жили мы с извозчиками, спали по двое на одной койке без матраса и простыней. Ели два раза в день, в пост мяса не полагалось. На 11 мальчишек – одно пальто, сшитое на большой рост, доставалось оно с боем только сильнейшим. Поднимали нас в 5 часов утра. Мы готовили приказчикам чай, чистили их обувь, одежду. К 7 часам отправлялись по магазинам и работали до 11 часов ночи... Первое время я работал в развесочном отделении центрального отделения на Невском. С утра до ночи стоя колол машинкой сахар. До 18 пудов раскалывал за день. Попробуешь размяться – подзатыльник получишь. Перевели меня в другой магазин, где мы работали вдвоём с приказчиком. Однажды в сильное наводнение магазин затопило. Меня спасли чудом, но, простудившись, я заболел. Положили в больницу и забыли, никто не поинтересовался, жив ли я. В течение пяти лет такого "обучения" не видел ни одного светлого дня. У меня была только одна мечта – выспаться. Дважды убегал от хозяина. И каждый раз за шиворот, с побоями меня водворяли на прежнее место. И вот прошло пять лет. Кончился срок моей кабалы. Мне дали 11 рублей, плохонький костюмишко, тужурку. Чтобы проехать от Петербурга до Кондопоги, я истратил 9 рублей» [3, с. 93–94]. При этом в записках нет ни слова о тех профессиональных навыках, благодаря которым мальчик будет в дальнейшем зарабатывать себе на жизнь и которые должен был получить он за время проживания в столице. Вряд ли, живя в таких условиях и в таком окружении, мог сформироваться полноценный член общества, который в дальней-

шем будет способен принимать самостоятельные решения и обладать личным достоинством.

Для выделения видов социальной маргинальности важны такие типы характеристик, как глубинность процессов отчуждения, степень неравенства и уровень социальной, экономической, культурной и политической дифференциации отдельных индивидов и групп, множественность и разнообразие форм отторжения маргинальных страт от общества и наоборот общества от них.

Ещё одной категорией маргиналов, особенно увеличившейся в больших промышленных городах, на рубеже XIX–XX вв. было нищенство. Оно приносило ежедневный доход, начиная с 20–30 к. до рубля и даже двух. Бедность семьи весьма часто заставляла даже детей с самых ранних лет принимать активное участие не только в пропитании себя, но и других её членов. Из семьи ребёнок выталкивался на улицу и начинал заниматься нищенством. В Отчёте о деятельности Санкт-Петербургского Дома милосердия за 1912 г. рассказывается о судьбе 11-летней девочки – уроженки Петербурга, у которой родители были алкоголиками. Не имея постоянного заработка, они жили на деньги, зарабатываемые детьми, из которых старший сын имел самостоятельный заработок. А «девочку с тех пор как себя помнила, отец с матерью посылали просить милостыню. Собранные ею деньги они оба вместе пропивали, несмотря на то, что семья всегда находилась в крайней нужде. Не выдержав такой жизни, девочка убежала из дома. Днём она собирала милостыню, а ночью скиталась по ночлежкам» [5, с. 17]. В данном случае, а таких было немало, на путь маргинальности ещё в раннем возрасте ребёнка толкнули родители, предрешив её дальнейшую судьбу своим девиантным поведением и фактически сделав невозможным выход из этого порочного круга.

Нищенствовать не стыдились, а даже говорили: «на то богатый, чтобы оделять бедных». В русском купечестве существовал обычай в определённые дни оделять копеечкой всех нищих, которые придут в дом. Деревня же не знала такого распространения нищенства, как город, вследствие того, что «мир» принимал меры к предупреждению дурных последствий, распределяя сирот по семьям односельчан, где их приучали к честной трудовой жизни хлебопашца. «Журнал Министерства юстиции» в 1904 г. писал: «А разве нашей жизни, нашему имуществу не грозит опасность в будущем от того, что мы, оставляя без призора нищенствующих детей, накапливаем этим самый опасный для общежития элемент, идущий на пополнение подонков общества – среды босяков?» [6, с. 200].

В книге А. Свирского приводятся рассуждения человека, опустившегося на дно петербургской жизни, который «скитаясь более десяти лет по всевозможным вертепам и притонам и сталкиваясь на каждом шагу с алкоголиками обоего пола», пришёл к убеждению, что все обитатели

трущоб – больные люди, страдающие «одной болезнью, которая называется парализацией воли» [7, с. 98]. Таким образом, сам нищий пытается определить причины своего маргинального положения, видя их не столько в обществе, сколько в себе, в отсутствии желания бороться и выбраться из порочной среды.

При этом автор докладов, подготовленных по поручению Комиссии для разработки вопроса о мерах против профессионального нищенства и бродяжничества при Министерстве юстиции, А.А. Левенстим на первое место среди причин развития нищенства на Руси поставил отсутствие общественного призрения, показывая этим пассивную роль самого человека и перекладывая ответственность исключительно на общество не пытаясь рассмотреть данную проблему комплексно [8].

Статистические данные начала XX в. свидетельствуют о том, что причинами нищенства в зависимости от возраста были не только сиротство, голод, отсутствие работы и возможности заработать средства на жизнь, но зачастую и нежелание трудиться, а соответственно и выбор данного образа существования как наиболее простого способа добыть себе на пропитание и ночлег, уйти от реалий жизни. В соответствии с сформировавшейся ментальностью некоторых нищих такое пограничное положение вполне устраивало, и их попрошайничество нередко превращалось в своеобразный бизнес. Аналогичная ситуация, связанная с использованием маргинальных инвалидов с целью наживы, прослеживается и в современном российском обществе.

К категории маргиналов как по своему правовому положению, так и по отношению к ним общества во второй половине XIX – начале XX в. относились проститутки. Для надзора за женщинами, промышлявшими развратом, в Санкт-Петербурге в 1843 г. был учреждён первый в России Врачебно-полицейский комитет при медицинском департаменте МВД. С 1852 г. он был подчинён петербургскому военному генерал-губернатору, в 1856 г. получил своё окончательное устройство. Председателем комитета стал обер-полицмейстер, членами – штадт-физик, старший врач Калининской больницы, три участковых полицмейстера, врач от военного ведомства, чиновник от военного генерал-губернатора, два врача из особых поручений и шесть участковых врачей из числа ординаторов Калининской больницы [9, с. 462].

Фактически этот указ не только определял формы надзора за проститутками, медицинский контроль за их здоровьем, но и регламентировал их положение в обществе, выделяя их в обособленную группу, не подлежащую обычным принципам закона, т. е. на правовом уровне придавая им статус маргинальной категории населения. Это выражалось не только в ограничении в правах, определении дополнительных обязанностей, связанных с регулярным медицинским освидетельствованием, но и с навязываем форм повседневной жизни.

Проститутки были не просто «жертвами общественного темперамента», они являлись особой маргинальной категорией общества – так называемыми «разрядными женщинами». У зарегистрированной женщины забирали паспорт, а вместо него выдавали так называемый «жёлтый билет», который являлся официальным свидетельством того, что эта женщина больше не относится к числу «порядочных» и перешла в категорию отверженных обществом, и что она должна проходить регулярное медицинское освидетельствование. Таким образом, нравственным значением этой меры являлось полное отчуждение проститутки от гражданской жизни. По мнению современного исследователя, «попытки установления социального контроля за проституцией и осуществления её нормативной регламентации в российской истории свидетельствуют о формировании в общественном сознании нескольких моделей социального отношения к сексуальной коммерции. К ним следует отнести конструкции, получившие наименование «прогибационизм», «регламентация» и «аболиционизм» [10, с. 12].

Чтобы стать жертвой сформированного порядка, достаточно было попасться хотя бы один раз с клиентом во время полицейской облавы или просто по доносу квартирного хозяина. После этого путь назад, к прошлой жизни и к обычным людям был отрезан. Имея «жёлтый билет», женщина имела право зарабатывать на жизнь только одним способом – своим телом.

Среди проституток можно было выделить две категории – уличные и жившие в публичных домах. Как правило, уличными женщинами становились или новички, ещё не освоившие свою новую жизнь, или уже опытные профессионалки, порой уже больные и работавшие до этого в публичных домах и постепенно, утратив привлекательность и молодость, опускались всё ниже и ниже. Считалось, что ниже уличного промысла уже было некуда опускаться.

Публичные дома пополнялись преимущественно за счёт низших социальных условий, как правило, это были крестьянки и мещанки, необразованные, порой неграмотные, не владеющие никакой профессией и вынужденные зарабатывать себе на жизнь проституцией. По данным статистики Российской империи о проституции по обследованию на 1889 г. более четырёх пятых общего числа проституток, т. е. 83,5 % происходило из бедных семей [11, с. XXVII]. По возрасту, в котором женщины стали заниматься проституцией, более четырёх пятых от общего числа проституток, обратились к своему занятию ранее достижения гражданского совершеннолетия, а около четверти, т. е. 23,1 % начали свою профессию ранее достижения физической зрелости [11, с. XXVIII]. Около трети составляли девочки, не достигшие 16 лет [11, с. 54], а наибольшее количество – 15,9 % приходилось на женщин в возрасте от 16 до 17 лет [11, с. XXVIII]. В отчёте Санкт-Петербургского детского суда за 1910 г. отмечалось, что

10 % от всего числа девочек, прошедших перед судом, продавали себя [12, с. 367].

Проститутки в России были обязаны одеваться в жёлтые платья. Это пришло из Древней Греции, где в соответствии с законами Солона жёлтый цвет являлся своеобразным отличием категории публичных женщин от остальных граждан. В Афинах они носили особый костюм и обязательно окрашивали волосы в жёлтый цвет. Отсюда и название «жёлтый билет», которое произошло от его первоначального цвета, но позднее он стал белого, иногда розового, но при этом название сохранилось. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга в фонде Врачебно-полицейского комитета (Ф. 593) автор пытался найти «жёлтый билет» именно первоначального цвета, но поиски так и не увенчались успехом. Все хранящиеся билеты были исключительно белого цвета.

В Положении от 28 июля 1861 г. о Врачебно-полицейском комитете были описаны требования к образцу медицинского билета. Это были номер, фамилия, имя, отчество и звание, а также приметы: возраст, рост, рот, волосы, глаза, особые приметы, далее указывался вид, по которому жила зарегистрированная женщина и на какой срок, дата выдачи билета. Полиция, в свою очередь, делала отметки о месте жительства. На последней странице печатали правила надзора на русском и немецком языках [13. Л. 60].

В Правилах для публичных женщин указывались требования, предъявляемые к хранению и использованию «жёлтого билета»: «§ 5. Публичная женщина должна хранить медицинский билет в чистоте и опрятности, а когда отлучается из дому, носить его с собою и беречь от потери.

§ 6. Публичные женщины должны беспрекословно предъявлять медицинские билеты посетителям, если они пожелают удостовериться в их здоровье.

§ 7. Медицинские билеты заменяют для публичных женщин паспорта их, так как сии последние во все время состояния женщин под врачебно-полицейским надзором остаются в канцелярии Врачебно-полицейского Комитета. Они могут свободно переезжать из одной квартиры в другую, предъявляя домохозяину и полиции только эти билеты» [13. Л. 60 об.].

Подчинение надзору начиналось с 18-летнего возраста и с добровольного согласия. Бывали иногда случаи подчинения и от 16 до 18-летнего возраста – когда у несовершеннолетних не было родителей в живых или же они проживали вне Петербурга. В этой ситуации их родители уведомлялись. В соответствии с отчётом Врачебно-полицейского комитета за 1908 г. «Девочки-подростки в возрасте 12–14 лет доставляются в Комитет наружною полицией по подозрению в промысле разврата впервые, по установившейся практике, подвергаются медицинскому

освидетельствованию в том только случае, если при этом находятся родители или родственники, изъявившие желание подвергнуть их освидетельствованию, в противном случае они возвращаются через ту же полицию для водворения к родным, при отсутствии родных задержанные девочки-подростки передаются на попечение ежедневно присутствующей в Комитете Даме-Патронессе от Попечительного Комитета дома Милосердия» [14. Л. 19 об.]. А по возрасту среди зарегистрированных было «от 16 до 20 лет – 884; от 20 до 25 лет – 1136; 25–30 лет – 467; 30–35 лет – 284; 35–40 лет – 52; 40–45 лет – 19; 45–50 лет – 2» [14. Л. 22 об.] Наибольшее число проституток были в возрасте от 20 до 25 лет, следующая возрастная категория была от 16 до 20 лет.

Маргинализация женщин через занятие проституцией начиналась с детского возраста, хотя это была ещё неофициальная форма регистрации через выдачу «жёлтого билета», а только образ жизни, форма поведения и отношение общества к данной категории населения. Аренда детей для проституции была широко развита в Петербурге, Москве и на юге России. «Нигде проституции так много нет, нигде с такой откровенностью проститутки не торгуют своим телом, или вернее, не торгуют их телом, как это делается в Киеве и Петербурге» [15, с. 7]. Центром «торговли детским телом служит Невский по ту сторону Знаменской площади» [15, с. 8]. В Петербурге «при вечерних полицейских обходах бань, гостиниц, ночлежных домов попадались иногда проститутки детского возраста, начиная с 11 и до 15 лет» [16, с. 49]. В начале XX в. отмечали, что «в Петербурге явление малолетней проституции усилилось до такой степени, что стоит вам вечером выйти на Невский проспект и так называемые улицы, где промышляют проститутки, как вы непременно встретите среди них малолетних девочек, открыто пристающих к проходящим мужчинам. Иногда они гуляют группами в сопровождении своих сутенёров, тоже малолетних мальчишек, с которыми перебрасываются вслух самыми нецензурными словечками» [17, с. 101].

В романе «Петербургские трущобы» писатель В.В. Крестовский описывает малолетнюю проститутку по прозвищу Крыса, которая не знала ни своей матери, ни своего имени, ни своего возраста: «во всей её маленькой, болезненной фигурке сказывается уже нечто старческое, немощное, нечто отжившее даже не живя... а лицо, на него и взглянуть невозможно без сжимающего душу сострадания! – лицо это в очертаниях своих носит следы некоторой красоты; но какая голодная алчность светится в этих лихорадочно горящих запалых глазах, обведённых тёмными, синеватыми кругами – явный признак неестественного истощения; каким наглым, вызывающим бесстыдством подернуты углы этих сжатых и сухо воспалённых детских губок; какой след беспутных дней и ночей лёг на этих выдавшихся скулах, на этих впалых щеках, и сколько, наконец, беспощадной озлобленности – озлобленности вполне ненормальной, неестественной в столь раннем возрасте – сказывается в общем

выражении всей её физиономии! И здесь уже разврат успел наложить своё неизгладимое клеймо на это детское личико, которое можно бы было назвать прекрасным, если бы не это выражение» [18, с. 277–278].

Судьба этой девочки являлась типичной не только для обитателей Вяземского дома – трущоб на Сенной площади, но и для многих детей столицы. Это дети, не только лишённые заботы, воспитания, образования и соприкасавшиеся в процессе социализации в большинстве случаев с негативными образцами поведения, но подвергавшиеся постоянному унижению, не имевшие возможности для удовлетворения своих первичных потребностей в пище, одежде и жилье и вынужденные из-за этого торговать собой.

Описывая увиденную им девочку, Крестовский удивляется: «Там она растёт, там и родилась. От кого? Неизвестно... Это было какое-то отверженное и всем ненавистное существо... В ней уже не осталось ничего детского, ничего такого, чтобы хотя мало-мальски нравственно напоминало её пол и возраст, – ни одного кроткого взгляда, ни одного нежного движения – одно только вечно хмурое недовольство и одичалая нервная озлобленность. С языка её срывались только звуки площадных ругательств, наглых песен да цинические речи наглого разгула. Странное и почти невозможное, немислимое существование! ...Никогда не замечал я слёз на глазах этой девочки, хотя она была очень нервна». [18, с. 278–279]. К сожалению, это был типичный образ малолетней проститутки, которая занималась, этим для того чтобы выжить и заработать себе кусок хлеба и ночлег.

Отношение самих девочек к своему занятию проституцией было различным. Это зависело как от воспитания, так и от образа жизни, окружения, семейной обстановки. Среди девочек-проститутки «одни – посылаемые родными и тётями-промышленницами – идут на торжище с ужасом, плачем и скрежетом зубным; другие самостоятельно, проклинаемые даже родителями, бегут туда со смехом, буйною шаловливостью, разнузданностью. Одни, почти ещё крошки кончают подневольно позорную жизнь самоубийством; другие – нисколько не сознавая нравственного ужаса – смотрят на пьяный угар своего существования, как на весёлый детский праздник, где можно вволю безобразничать, напиваться, творить, что угодно с мальчиками-хулиганами и почтенными взрослыми дядями» [19, с. 14].

Маргинальное положение зарегистрированных проститутки проявлялась не только в строгих требованиях, связанных с обязанностью «являться к медицинскому освидетельствованию: 1. Живущие в доме терпимости – два раза в неделю; 2. Живущие отдельно – один раз в неделю. За неисполнение означенных правил виновные подлежат аресту на один месяц» [20. Л. 25 об.].

Но в ещё большей степени было связано с ограничительными требованиями к стилю поведения, образу жизни и повседневным практикам.

На последней странице «жёлтого билета» печатались правила для проституток: «11. Воздержаться от излишнего употребления вина и вести себя сколь можно скромнее и благопристойнее, не выказываться из окошек в неблагопристойном виде, не затрогинать на улицах, проходящих и не зазывать их к себе, на гуляньях и в общественных местах не делать никаких непристойностей и не ходить по несколько вместе.

12. Не появляться в Пассаже, на Невском, Литейном, Владимирском и Вознесенском проспектах, Гороховой, Большой и Малой Морской улицах, а также в саду Аквариум» [21. Л. 12 об.].

Но эти правила далеко не всегда и не всеми исполнялось. Такое отчуждение проституток вызывало противодействие, и они чувствовали известную свободу в нарушении правил жизни, от которой они фактически были отгорожены, находясь на границе социальной группы и культуры.

В параграфе 22 Положения указывалось, что «исключение публичных женщин из списка и освобождение от врачебного надзора допускать по следующим уважениям: а) по болезни, вследствие которой они не могут уже предаваться распутству; б) по преклонности лет; в) по случаю вступления в замужество; г) по случаю отъезда на родину или другие города...; д) по случаю поступления в богадельни или другие благотворительные заведения для призрения; е) по требованию родителей и ближайших родственников, опекунов и владельцев...» [14. Л. 68]. Последние должны были поставить свою подпись, подтверждающую, что они будут следить за нравственным состоянием девушки. Также можно было взять её на поруки. В параграфе 23 говорилось, что лица, желающие взять на поручительство публичную женщину, должны были обращаться с просьбой в комитет, который после удостоверения в благонадежности этих лиц давал на это разрешение.

Женщина подавала прошение, приводя в нём мотивы, побуждающие оставить промысел, комитет наводил справки и журнальным постановлением освобождал ее. В случаях, когда девушка заявляла об оставлении ею промысла при переходе к честному труду по причине сожительства, причем указывала на личность, которая может поручиться за нее, требовалось заявление от этого лица. Часто девушка представляла таких поручителей, которые на самом деле зарабатывали на ней деньги и не могли поручиться за её состояние.

Исторический опыт показывает, что число маргинальных слоёв населения увеличивается в период радикальных социально-экономических трансформаций, когда в результате преобразований происходит изменение структуры социума, и некоторые представители общества вынуждены изменять свои поведенческие стереотипы. Данная тенденция была характерна для российского общества второй половины XIX – начала XX в. когда увеличилось число людей, занимавших промежуточное положение между разными социальными институтами, группами, слоями, потерявших признаки принадлежности к конкретному из них.

Список литературы

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социс. – 1992. – № 2. – С. 118–124.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. – СПб.: Дм. Буланин, 1999. – Т. 1. – 548 с.
3. Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – 397 с.
4. Круковский М.А. Приключения Сеньки. – 2-е изд. – М.: Книгоизд-во К.И. Тихомирова, 1914. – 136 с.
5. Отчёт о деятельности СПб Дома милосердия за 1912 г. – СПб.: Тип. А. Бенке, 1913. – 112 с.
6. Горановский М. Нищенствующие дети, как питомник преступления // Журн. М-ва юстиции. – 1904. – № 1. – С. 193–212.
7. Свирский А.И. Погибшие люди: Очерки: в 3 т. – Т. 3. Мир нищих и пропойц. – СПб., 1898. – 314 с.
8. Левенстим А.А. Профессиональное нищенство. Его причины и формы: Бытовые очерки. – СПб., 1900. – 168 с.
9. Ди Сеньи Н.К. О современной постановке врачебно-полицейского надзора за городской проституцией и необходимых в этой области реформах // Тр. I Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами: в 2 т. – СПб., 1911. Т. 1. – 534 с.
10. Нижник Н.С. Деятельность Врачебно-полицейских комитетов Министерства Внутренних дел по осуществлению социального контроля девиантным поведением в российском обществе // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – Вып. № 2. – Т. 54. – 2012. – С. 11–18.
11. Статистика Российской империи. XIII. Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 года / под ред. А. Дубровского. – СПб., 1890. – 652 с.
12. Дети-преступники: сб. ст. с предисл. и под ред. М.Н. Гернета. – М.: Знаменский, 1912. – 550 с.
13. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 569. Оп. 17. Д. 474.
14. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 11. Д. 1271.
15. Мукалов М. К. Дети улицы. Малолетние проститутки. – СПб., 1906. – 114 с.
16. Федоров А. И. Врачебно-полицейский надзор в Петербурге. – СПб., 1893. – 214 с.
17. Канкарович, И. Проституция и общественный разврат. К истории нравов нашего времени. – СПб., 1907. – 200 с.
18. Крестовский В. В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. – М.: Пресса, 1994. Т. 1. – 736 с.
19. Бентовин Б. Девочки-проститутки. – СПб.: Тип. Л. Д. Сапер, 1910. – 64 с.
20. ЦГИА СПб. Ф. 593. Оп. 1. Д. 37.
21. ЦГИА СПб. Ф. 593. Оп. 1. Д. 621.

References

1. *Merton R.* Social'naja teorija i social'naja struktura [Social theory and social structure] // *Socis* [Socis]. – 1992. – № 2. – P. 118–124.
2. *Mironov B.N.* Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genезis lichnosti, demokraticheskoj sem'i, grazhdanskogo obshhestva i pravovogo gosudarstva. V 2-h tt. [Social history of Russian Empire period (XVIII – beginning of XX century): Genesis of personality, democratic family, civil society and legal state. In 2 vols.]. – SPb.: DM. Bulanin, 1999. Vol. 1. – 548 p.

3. *Iljuha O.P.* Shkola i detstvo v karel'skoj derevne v konce XIX – nachale XX veka. [School and childhood in a village in Karelia in the late XIX – early XX century]. – SPb.: "Dmitry Bulanin", 2007. – 397 p.
4. *Krukovskij M.A.* Prikljuchenija Sen'ki. 2-e izd. [Adventure Senka]. – M.: Publishing I.K. Tikhomirov, 1914. – 136 p.
5. *Otchjot o dejatel'nosti SPb Doma miloserdija za 1912 g.* [Report on the activities of the St. Petersburg House of mercy in 1912]. – SPb.: Typography A. Bohnke, 1913. – 112 p.
6. *Goranovskij M.* Nishhenstvujushhie deti, kak pitomnik prestuplenija [Mendicant children, as the nursery crimes] // Zhurnal Ministerstva justicii [the Journal of the Ministry of justice]. 1904. – № 1. – P. 193–212.
7. *Svirskij A.I.* Pogibshie ljudi: Oчерki: V 3 t. T. 3. Mir nishhieh i propojc [Lost people: Essays: In 3 T. T. 3. World poor and the pack of drunks]. – St. Petersburg, 1898. – 314 p.
8. *Levenstim A.A.* Profesional'noe nishhensto. Ego prichiny i formy: Bytovye oчерki [Professional nexenta. Its causes and forms: Domestic essays]. – St. Petersburg, 1900. – 168 p.
9. *Di Sen'i N.K.* O sovremennoj postanovke vrachebno-policejskogo nadzora za go-rodskoj prostituciej i neobhodimyh v jetoj oblasti reformah [On the modern formulation of medical-police surveillance of urban prostitution and needed in this field of reforms] // Trudy I Vserossijskogo s#ezda po bor'be s torgom zhenshhinami i ego prichinami. V 2 tt. [proceedings of the I all-Russian Congress for combating bargaining women and its causes. In 2 vols.]. – SPb, 1911. T. 1. – 534 p.
10. *Nizhnik N.S.* Dejatel'nost' Vrachebno-policejskih komitetov Ministerstva Vnutren-nih del po osushhestvleniju social'nogo kontrolja deviantnym povedeniem v rossijskom ob-shhestve [Activities of the Medical-police committees of the Ministry of Internal Affairs for the implementation of social control of deviant behavior in Russian society] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Vestnik St. Petersburg University of MIA of Russia. Issue No. 2. – Vol. 54. – 2012. – P. 11–18.
11. *Statistika Rossijskoj imperii.* XIII. Prostitucija v Rossijskoj imperii po obsledovaniju 1 avgusta 1889 goda. Pod red. A. Dubrovskogo [Statistics of the Russian Empire. XIII. Prostitution in the Russian Empire survey August 1, 1889. Ed. by A. Dubrovsky]. – SPb., 1890. – 652 p.
12. *Deti-prestupniki.* Sbornik statej s predisloviem i pod red. M.N. Gerneta [The children are criminals. A collection of articles with a Preface and ed. by M.N. Garnet]. – M.: Znamensky, 1912. – 550 p.
13. Central'nyj Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb) F. 569. Op. 17. D. 474 [Central State historical archive of St. Petersburg (CGIA SPb) F. 569. Op. 17. D. 474].
14. CGIA SPb. F. 569. Op. 11. D. 1271 [CSHA of SPb. F. 569. Op. 11. D. 1271].
15. *Mukalov M.K.* [Street children. Teen prostitutes]. – St. Petersburg, 1906. – 114 p.
16. *Fedorov A.I.* Vrachebno-policejskij nadzor v Peterburge [The Medical and police supervision in St. Petersburg]. – St. Petersburg, 1893. – 214 p.
17. *Kankarovich I.* Prostitucija i obshhestvennyj razvrat. K istorii nравov nashego vremeni [Prostitution and public debauchery. The history of morals of our time]. – SPb., 1907. – 200 p.
18. *Krestovskij V.V.* Peterburgskie trushhoby. Kniga o sytyh i golodnyh. Roman v shesti chastjah [St. Petersburg slums. The book is about the satiated and the hungry. A novel in six parts]. – M.: Press, 1994. Vol. 1. – 736 p.
19. *Bentovin B.* Devochki-prostitutki [Girls-prostitutes]. – SPb.: Printing House Of L.D. Sapper, 1910. – 64 p.
20. CGIA SPb. F. 593. Op. 1. D. 37 [CSHA of SPb. F 593. Op. 1. D. 37].
21. CGIA SPb. F. 593. Op. 1. D. 621 [CSHA of SPb. F. 593. Op. 1. D. 621].

Женщины и система штрафования на фабриках и заводах Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в.

В статье анализируется действовавшая на фабриках и заводах Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. система штрафов. Женщины, наравне с другими работниками промышленных предприятий, подвергались штрафам за нарушение внутреннего распорядка работы фабрик. Рабочие не всегда соблюдали внутренний регламент работы фабрик и заводов, причем женщины-работницы не реже мужчин давали повод для наказания. Штрафы незначительно снижали заработок рабочих, но характер их взимания полностью находился на усмотрении хозяев предприятия. Злоупотребления своей властью со стороны фабрикантов, управляющих и мастеров, вызывали недовольство наемных работников и заставляли их прибегать к единственной мере борьбы за свои права – забастовке.

In the article it to be told about system of penalties at factories and plants of St. Petersburg in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries. Women, on an equal basis with other employees of the industrial enterprises, were exposed to penalties for violation of the internal schedule of work of factories. Workers not always observed the internal time limit of work of factories and plants, and women – workers, at least men, gave a reason for punishment. Penalties slightly reduced earnings of workers, but were raised completely to the discretion of owners of the enterprise. Abuses of the power of manufacturers, managing directors and masters caused discontent of hired workers and forced them to resort to the only measure of fight for the rights – a strike.

Ключевые слова: женщины, Санкт-Петербург, система штрафов, промышленные предприятия, вторая половина XIX – начало XX в., табель взысканий, правила внутреннего распорядка, прогул, неисправная работа, нарушение порядка.

Key words: women, St. Petersburg, system of penalties, the industrial enterprises, the second half of XIX – the beginning of the XX centuries, the sheet of collectings, regulations, a truancy, faulty work, violation of an order.

На предприятиях Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. система штрафов была частью повседневной жизни работников фабрик и заводов. В советской историографии сложились диаметрально противоположные взгляды на систему штрафования на промышленных предприятиях столицы. Одни исследователи высказывали утверждение, что система штрафования довольно ощутимо влияла на среднемесячный заработок рабочих, практически уничтожая их и без того скудное жалование [1, с. 33; 2, с. 83; 3, с. 212]. Другие историки, анализируя в своих монографиях жизнь рабочих на фабриках и заводах, считали, что штрафы несущественно отражались на размере заработной платы рабочего и не являлись дополнительной прибылью для хозяев. Штрафы

были скорее «воспитательным» способом воздействия на работников заводов и фабрик, однако унижающим человека и показывающим бесконтрольную власть хозяев предприятий [4, с. 73–77; 5, с. 18].

Система штрафов была прописана в «Табеле взысканий», который являлся составной частью официальных «Правил внутреннего распорядка» фабрики. «Заводское или фабричное управление составляет правила внутреннего распорядка, который должен быть соблюден рабочими на заводе или фабрике. Правила эти выставляются во всех мастерских» [6. Л. 37; Брошюра. Л. 7]. «Правила внутреннего распорядка» проверял и подписывал фабричный инспектор, курирующий данное предприятие. Штрафы налагались на всех работников фабрики, без исключения, независимо от пола и возраста, и составляли от 10 к. до 1 р., но не могли превышать одной трети заработка рабочего за месяц [7. Л. 31; Брошюра. Л. 26–27].

По данным первого свода отчетов инспекторов фабрично-заводской промышленности Санкт-Петербургской губернии за вторую половину 1900 г: «Из общего числа 18.312 заведений, состоявших под надзором фабричной инспекции к концу 1900 года, штрафы взыскивались с рабочих только на 4.913 фабриках, т. е. в 26,8 % всего их числа. Общая сумма содержания тех же рабочих, полученная ими как деньгами, так и в виде хозяйского продовольствия, по нормальной его оценке, составляет 228.119.216 р., т. е. заработок каждого рабочего в среднем, без различия пола и возраста, составляет в 1900 году 194 р. 08 к. Штрафные взыскания составляют, таким образом, в среднем лишь 24,5 к. со 100 рублей, т. е. всего около 1/4% от заработка» [8, с. V–VI].

Данные архивных материалов указывают на еще меньшие цифры собранных штрафных денег с рабочих. Так, на Невской бумагопрядильной мануфактуре за 1901 г. собрано штрафов с 899 чел. 769 р. 35 к. На предприятии в это время работало 1.896 чел.: взрослых мужчин – 490, подростков – 226, женщин – 664, подростков от 15 до 17 лет – 516 чел., т. е., средняя сумма штрафов составляла 40 к. [9. Л. 133]. Общий заработок рабочих составлял – 436.361.62 к., т. е. средняя заработная плата рабочих на этом предприятии была равна 230 р. Таким образом, штрафы, которые заплатили работники за различные нарушения за целый год, составляли менее 1 % от их заработка [9. Л. 133].

Деньги, собранные фабрикантами по штрафам, тратились на выдачу различных пособий тем же работникам фабрики. Например, на Новой бумагопрядильне в 1903 г. было собрано штрафов 1.121 р. 95 к., потрачено на пособия по временной и постоянной потере способности к труду, а также беременным женщинам – 2.216 р. [10. Л. 245]. «По соотношению штрафования рабочих и их заработной платы среднее годовое содержание рабочего обходилось в Санкт-Петербургской губернии в 299 руб., средняя сумма же штрафных взысканий составляла 93,2 коп.» [8, с. 74–75].

Конечно, не всегда данные, указанные в книгах записи штрафов, были достоверны. Управляющие и мастера на фабриках довольно часто вообще не записывали штрафы, а наказывали рабочих за брак, который случался не по их вине, довольно грубо обращались с рабочими, устраивали им прогулы, вместо штрафа за пропущенный день [11. Л. 20; 12. Л. 1, 22; 13. Л. 24; 14. Л. 5]. Фабричные инспекторы старались помочь рабочим в их бедах. Но они сами находились «между молотом и наковальней»: надо было соблюсти права рабочих, но заботиться об интересах хозяев фабрик [8, с. I–IV].

Вся система штрафов делилась на три основные группы: «за прогул», «за неисправную работу», «за нарушение порядка на фабрике». Прогулом считалась «неявка на работу в течение не менее половины рабочего дня» [15. Л. 17 об.]. Взыскание тогда взималось «соответственно заработной плате рабочего и по количеству прогульного времени» [15. Л. 15]. Если работник не являлся на фабрику более трех дней, или более шести дней в месяц, без уважительной на то причины, то договор найма с работником расторгался. Расторжение этого договора рабочий мог обжаловать в суде [15. Л. 17 об.]. Для рабочих, которые работали сдельно, взыскание за прогул не должно было превышать одного рубля за день или трех рублей в месяц [15. Л. 17 об.].

Работницы чаще штрафовались за прогулы, так как дома находились дети, которыми занимались исключительно женщины. Так, в одной из статей по обработке данных известного бюджетного обследования петербургских рабочих, проведенного под руководством М. Давидовича, вскользь упоминается, что мужья, объясняя причины более низкого заработка жен, говорили: «Расценки одни, да пропускает много из-за детей» [16, с. 120].

Но многие прогулы считались обычным явлением рабочей жизни предприятия. Так, например, после забастовки на бумагопрядильной мануфактуре Л.Л. Кенига, инспектор Лебедев приехал проверить количество рабочих на фабрике и обнаружил, что «... недоставало 21 человека, что должно быть отнесено к нормальному понедельничному прогулу» [11. Л. 15]. Получается, что прогулы работы по понедельникам являлись вполне «нормальным», никого не удивлявшим случаем?

Следующим, наиболее подробно прописанным в «Табеле о взысканиях», следовал штраф «за неисправную работу», под которой подразумевалось «производство рабочим по небрежности недоброкачественных изделий, порча им при работе материалов, машин и иных орудий производства» [15. Л. 17 об.]. Например, на пряжекрутильной фабрике Ф.О. Чешера этот штраф взимался за «большие узлы, грязные узлы, снятие концов пряжи, намотанной на верхние валики, путанные катушки, неаккуратное срезание намотанной пряжи на нижних медных валах на крутильных машинах, работы в меньшее, чем следует количество нитей, разматываемых машинами, неправильную

установку гребенки на мотовилах, излишнее держание нажима на веретенах при надевании порожней катушки и многое другое» [7. Л. 31; Брошюра. Л. 28–29].

Рабочим приходилось заботиться прежде всего о своем заработке, поэтому они старались за смену выдать как можно больше готовой продукции. Этим пользовались недобросовестные предприниматели. Так, на Невской бумагопрядильной мануфактуре «используя дешевый загрязненный хлопок, фабричная администрация принуждала рабочих больше затрачивать труда при его обработке, сохраняя при этом прежние расценки прядения качественного хлопка. В результате уменьшалась зарплата, и возрастали штрафы» [17, с. 17].

Третьей группой штрафов для рабочих фабрик и заводов выступало «несоблюдение порядка на фабрике». Так, например, на табачной фабрике «Колобов и Бобров» нарушением порядка на фабрике являлось: несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка с нее, несоблюдение на фабрике порядка, чистоты и опрятности, нарушение тишины при работах, непослушание, приход на фабрику в пьяном виде, устройство недозволенных игр на фабрике» [18. Л. 35; Брошюра. Л. 23].

Штраф за несвоевременную явку на работу и самовольную отлучку зависел от количества времени, которое работница или работник пропустил. Например, на пряже-крутильной фабрике Ф.О. Чешера за опоздание на полчаса следовал штраф в 5 к., до часа – 10 к., 2 часа – 20 к., три часа – 25 к. Большой пропуск времени считался прогулом, за который взималась часть жалования, соответствующая пропущенному времени [7. Л. 31; Брошюра. Л. 26–27].

Особенное возмущение и негодование рабочих вызывал штраф «за непослушание». Вот где было раздолье для проявления власти и вседозволенности хозяев, управляющих, мастеров фабрик и заводов. Многочисленные жалобы рабочих на необоснованные придирки начальства, как правило, не давали результатов. «Слово скажешь против мастера – выгонят на улицу. Куда с ребятами денешься?» [2, с. 83].

Штраф «за несоблюдение чистоты и опрятности на фабриках и заводах» также являлся причиной постоянных стычек рабочих с руководством фабрики. Дело в том, что уборка и чистка машин рабочими проводилась после установленного рабочего времени или даже в обеденный перерыв и отдельно не оплачивалась [19. Л. 4; 14. Л. 5; 13. Л. 14]. Это удлиняло рабочий день на полчаса, а иногда и на целый час. Женщины, которые и так целый день думали об оставленных дома детях, не желали оставаться лишнее время для уборки помещений фабрики и чистки машин.

Еще одним и, казалось бы, касающимся исключительно мужчин – работников фабрик, был штраф за приход на работу в нетрезвом виде

или принесение на работу опьяняющих напитков. Но женщины в рабочее время тоже довольно часто злоупотребляли алкоголем. Так, на табачной фабрике «Колобова и Боброва» «мастерицы-папиросницы, в числе 15 человек, придя на фабрику после обеда и будучи заметно выпивши, дозволили себе высказывать громко свое неудовольствие на действия своего отделочного приказчика крестьянина Ярославской губернии Гошеховского уезда Андреева Андрея за его придирчивость относительно браковки выработанных ими папирос, но спустя 1/4 часа времени по прибытии на фабрику владельца Якова Александровича Боброва все возникшие недоразумения были тотчас прекращены» [18. Л. 2]. Заведующий даже не стал никуда сообщать об этом инциденте, считая его совершенно незначительным.

Интересна и забастовка на бумагопрядильной фабрике Л.Л. Кенига, которая проходила с 1 по 5 июля 1898 г. Работницы фабрики знали, что предприятием получены большие заказы на выработку толстых номеров пряжи, взамен тонких, которые вырабатывались до этого. Они решили, что хозяин теперь получает больше прибыли и можно потребовать повышения заработной платы.

1 июля 1898 г. банкаброшницы бумагопрядильни Л.Л. Кенига в числе 50 чел. не вышли на работу, не предупредив об этом администрацию фабрики. Фабричный инспектор срочно выехал на фабрику для выяснения обстоятельств этого дела. Инспектор Лебедев пригласил для разговора самих работниц, которые участвовали в забастовке, и пытался им объяснить незаконность их действий и то, что фабрикант устанавливает размер заработной платы, исходя из своих практических интересов. Если работницы недовольны заработком, то всегда могут покинуть это предприятие. Они могут отработать на фабрике по закону две недели и получить расчет. Многие работницы в это время находились в Екатерининском парке возле фабрики и при разговоре с Лебедевым, который проходил во дворе фабрики, вели себя дерзко и вызывающе, особенно Варвара Сухова. Кроме того работницы, которые участвовали в забастовке и требовали повышения заработной платы были заметно пьяны. Разговор с пьяными женщинами у старшего фабричного инспектора Лебедева не получился, и работницы, подстрекаемые своими руководительницами, которые предложили им разойтись по домам, покинули фабрику [11. Л. 13–15].

Но по домам женщины не разошлись, а оставались в Екатерининском парке. Об этом узнали на фабрике, так как к 12,5 ч дня старшая работница Ольга Кириллова прибежала в контору фабрики с жалобой на избиение ее четырьмя банкаброшницами за то, что она продолжает работать, а не бастует, как остальные женщины. Местный пристав, который также находился в это время в конторе фабрики, незамедлительно начал расследование для выяснения лиц, нанесших побои Ольге Кирилловой [11. Л. 13–15].

Работницы не вышли на работу и в пятницу, и в субботу. А в понедельник, к 9 с четвертью часа на работу явились 12 подручных женщин, работающих на банкаброшнях, с просьбой допустить их к работе. Объясняя причину их неявки вовремя на работу, они сказали, что старшая работница сообщила им, что сегодня надо выходить на работу только к 10 ч. Причем, оказалось, что сами старшие работницы работают уже с 6 ч утра, как и положено. Пришедшим работницам было предложено просить прощения у Кенига, что они со слезами на глазах и сделали и к 11 ч утра были допущены к работе. Более того, все банкаброшное отделение согласилось работать в день по одному лишнему часу, чтобы подогнать выработку и возместить задержку за время забастовки [11. Л. 13–15].

Вообще драки, как и пьянство, были обычным случаем в среде работниц. Приведем еще один показательный пример. Так, фабричный инспектор Литвинов в 3 ч ночи, приехав на Никольскую мануфактуру И.А. Воронина, Лютш и Чешер, застал «во дворе фабрики толпу женщин и девушек в 100 человек» [13. Л. 47].

Они объяснили ему, что вчера в них бросали камнями, а сегодня бросили камнем в окно. Работницы фабрики боятся продолжать работу «из страха быть побитыми». Инспектор попытался их заверить, что полиция уже приняла все меры по их охране, но они отвечали «что вечером их никто охранять не будет, а потому им и носа нельзя будет показать» [13. Л. 47].

Характерно, что безнравственное поведение женщин на фабриках Санкт-Петербурга иногда помогало им получать даже более высокий заработок, чем у мужчин. «Женщины тем более набраны большей частью из них легкого поведения и занимают в фабрике самые хорошие станки...как вам известно, на которых можно заработать приличное месячное жалование, а тут только ставят на них вышеозначенных женщин» [10. Л. 185–186].

Таким образом, система штрафования на фабриках и заводах Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. была довольно обширной, но недостаточно четко сформулированной. Это давало возможность штрафовать рабочих и работниц за различные проступки по желанию и усмотрению администрации и хозяев предприятий. Наказания не различали ни пола, ни возраста рабочих. Однако штрафы не являлись дополнительным заработком для предпринимателей, а играли скорее роль дисциплинарных взысканий. Составление «Табеля взысканий» на промышленных предприятиях являлось необходимой мерой сдерживания непристойного поведения рабочих. Система штрафования не наносила существенного ущерба заработной плате работников фабрик, но была системой «психологического» воздействия на умы работников. Это давление на рабочих вкупе с нищенскими заработными платами и полной правовой беззащитностью толкали рабочих на единственно возможный способ протеста – забастовку.

Список литературы

1. Сукновалов А.Е., Фоменков И.Н. Фабрика «Красное знамя». Очерки истории Ленинградской государственной ордена Ленина трикотажно-чулочной фабрики «Красное знамя». 1855–1967. – Л.: Лениздат, 1968. – 448 с.
2. Артюхина А.В. и др. Женщины в революции. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – 471 с.
3. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л.: Наука, 1976. – 300 с.
4. Шабалин Б.И. Фабрика на Обводном. Очерк истории завода Красный Треугольник. Книга первая. 1860–1917. – Л.: Лениздат, 1949. – 340 с.
5. История рабочих Ленинграда. Том первый. 1703 – февраль 1917. – Л.: Наука 1972. – 556 с.
6. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СПб.). Ф. 1229. Оп. 1. Д. 43.
7. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 202.
8. Свод отчетов фабричных инспекторов за 2-ю половину 1900 года. СПб.: Министерство финансов. Отдел промышленности. 1902. – 97 с.
9. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 227.
10. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 135.
11. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 15.
12. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 44.
13. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 39.
14. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 74.
15. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 46.
16. Волин М.С. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. – М.: Наука, 1983. – 751 с.
17. Иванов Ю.М., Пронин С.В. На пути свержения царизма. – М.: Карпов, 2004. – 52 с.
18. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 77.
19. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 48.

References

1. *Suknovalov A.E., Fomenkov I.N. Fabrika «Krasnoe znamja». Ocherki istorii Leningradskoj gosudarstvennoj ordena Lenina trikotazhno-chulochnoj fabriki «Krasnoe znamja». 1855–1967. [Factory "Red Flag." Studies in the History of the Leningrad State Order of Lenin, the knitted hosiery factory "Red Flag." 1855–1967]. – Leningrad: Lenizdat, 1968. – 448 p.*
2. *Artjuhina A.V. i dr. Zhenshhiny v revoljucii. [Women in revolution]. – Moscow: State publishing house of political literature, 1959. – 471 p.*
3. *Kruze Je.Je. Polozhenie rabocheho klassa Rossii v 1900–1914 gg. [The provision of working class of Russia in 1900–1914]. – Leningrad: Science, 1976. – 300 p.*
4. *Shabalin B.I. Fabrika na Obvodnom. Ocherk istorii zavoda Krasnyj Treugol'nik. Kniga pervaja. 1860–1917. [Fabrik on Bypass. Sketch of history of plant Red Triangle. Book the first. 1860–1917]. – Leningrad: Lenizdat, 1949. – 340 p.*
5. *Istorija rabochih Leningrada. Tom pervyj. 1703 – fevral' 1917. [History of workers of Leningrad. Volume first. 1703 – February, 1917]. – Leningrad: Science, 1972. – 556 p.*
6. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (CGIA SPb.). [Central state historical archive (CSHA St. Petersburg.)]. F. 1229. Op. 1. D. 43.*
7. *CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 202.*

8. *Svod otchetov fabrichnyh inspektorov za 2-ju polovinu 1900 goda.* [The set of reports of factory inspectors for the 2nd half of 1900]. – St. Petersburg: Ministry of Finance. Department of the industry, 1902. – 97 p.

9. CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 227.

10. CGIA SPb. F. 1229. D. 135.

11. CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 15.

12. CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 44.

13. CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 39.

14. CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 74.

15. CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 46.

16. *Volin M.S. Rabochij klass Rossii ot zarozhdenija do nachala XX v.* [Working class of Russia from origin prior to the beginning of the XX century]. – Moscow: Science, 1983. – 751 p.

17. *Ivanov Ju.M., Pronin S.V. Na puti sverzhenija carizma* [On the way of overthrow of tsarism]. – Moscow: Carps, 2004. – 52 p.

18. CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 77.

19. CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 48.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 94(47)"1851-1917":316.356.2

В.А. Веретенко

Сексуальное воспитание юношей в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в.

В течение второй половины XIX – начале XX в. в отношении к половому воспитанию юношей в дворянско-интеллигентной среде сформировалось несколько подходов, которые, с одной стороны, отражали определенную эволюцию отношения к данному вопросу, а с другой – более ранние формы активно продолжали сосуществовать с более поздними.

Традиционной формой полового образования мальчиков в дворянской семье, являвшейся наиболее популярной вплоть до 80–90-х гг. XIX в., был бойкот этой темы в теоретическом плане и согласие на «обучение» юношей «естественным отношениям» с помощью прислуги и проституток, с целью профилактики онанизма, в практическом. Вместе с тем уже с 60-х гг. стал формироваться новый подход, ставший весьма востребованным с 90-х гг. XIX в. Суть его заключалась в признании необходимости полового воздержания до брака и для юношей как единственного средства сохранения их физического здоровья и формирования необходимых для жизни в обществе морально-нравственных качеств.

На рубеже веков все большее число родителей приходило к признанию необходимости половой информированности детей в области сексуальных отношений, но не будучи готовыми сами заняться решением этой задачи, они пытались поручить ее «специалистам», т. е. школе и другим общественным учреждениям. Наконец, в конце исследуемого периода подавляющая масса отечественных педагогов и гигиенистов пришла к выводу (и стала его пропагандировать) о том, что сексуальным воспитанием должна заниматься семья и прежде всего матери. Вместе с тем этот профессиональный подход не находил в реальной жизни особой поддержки. Редкие матери-дворянки, пытавшиеся реализовать данную теорию на практике, почти всегда подвергались осуждению со стороны представителей самых разных социальных групп.

During the second half of XIX – early XX century there were several approaches in relation to the sex education of young men in the nobility and intellectual environment. These approaches, on the one hand, reflected a certain evolution of attitude to this issue, and on the other hand, the earlier forms continued to coexist with the later ones.

The traditional form of sex education of boys in a noble family, the most popular one until the 80s–90s of the XIX century, was, in theoretical terms, the boycott of this subject, and, in practical terms, consent to the “training” of young men to “natural relations” with the help of servants and prostitutes, in order to prevent onanism. However, already since the 1860s a new approach started to develop, it became very popular since the 90s of XIX century. Its essence was about the recognition of the need of sexual abstinence before

marriage for boys, as the only means of maintaining their physical health and formation of moral qualities necessary for life in society.

At the turn of the century an increasing number of parents came to the recognition of the need for sexual awareness in sexual relations among children. But not being prepared themselves to deal with this problem, these parents tried to delegate it to the “experts”, i.e. schools and other public institutions. Finally, at the end of this period, the majority of local educators and hygienists came to the conclusion (and became to propagandize it) that sex education should be given by the family and primarily by mothers. However, this professional approach was not supported in real life. Rare mothers-noblewomen who tried to implement this theory in practice almost always were condemned by representatives of different social groups.

Ключевые слова: пореформенная Россия, дворянско-интеллигентские семьи, юноши, половое воспитание, сексуальные отношения, педагоги, гигиенисты, родители.

Key words: post-reform Russia, aristocratic and intellectual family, young men, sex education, sexual relations, teachers, hygienists, parents.

В традиционной дворянской семье, господствовавшей в России в первой половине XIX в. и предполагавшей крайне редкие и малоэмоциональные отношения между родителями и детьми [1; 2], проблема сексуального воспитания детей в теоретическом плане вообще не ставилась ни воспитателями, ни, тем более, родителями, а в практическом же по-разному решалась в зависимости от пола ребенка.

Теоретические рассуждения о воспитании стремления к «нравственной чистоте помыслов и сдержанности чувственных проявлений» [3, с. 15], очевидно, не только не поощряли преждевременное посвящение молодых людей в половой вопрос, но и требовали оттянуть знакомство с ним до брака (как единственное гарантированное средство сохранения их морально-нравственной чистоты). На практике данное правило неукоснительно соблюдалось исключительно в отношении девушек, целью воспитания которых было поддержание «невинности», суть которой трактовалась как «незнание».

В наиболее четкой и емкой форме, высказанной одной из воспитательниц, в идеальном случае «взрослая девушка, невеста» должна была «производить впечатление такой невинности ... будто она убеждена, что между ней и ее женихом только такая разница, что у него есть растительность на лице, а у нее нет; что он шьет платье у портного, а она – у портнихи...» [4, с. 208].

Вместе с тем отношение к половому взрослению юношей даже в традиционной дворянской семье было несколько сложнее. С одной стороны, никто из воспитателей не собирался давать им на этот счет каких-либо объяснений, с другой – волновала опасность увлечения юношей онанизмом. В дореформенной России данная проблема обычно разрешалась приставлением к молодому человеку крепостной девки (реальное семейное положение в расчет не принималось, учитывались только

«опытность» и здоровье женщины), а так как во многих дворянских усадьбах из «сенных девушек» формировались целые «гаремы», найти подходящую «учительницу» не составляло труда [5; 6].

С отменой крепостного права подобные обязанности нередко стали перекладываться на официально свободную, но на практике во многом столь же бесправную, как и дворня, прислугу. Внимание взрослого сына родители, часто матери, специально привлекали к горничной или няни, аргументируя свои действия тем, что «он, по крайней мере, останется при этом, здоров» [7, с. 44]. В большинстве случаев прислуга молча терпела подобные приставания, боясь потерять «хорошее место», а те, кто возражал или кого увольняли в связи с беременностью, оказавшись на улице, вскоре пополняли армию проституток. Недаром бывшая прислуга составляла до половины легальных проституток, а продолжавшие служить – до половины тайных. Главными причинами стали широкой вовлеченности прислуги в проституцию традиционно назывались: недостаточный заработок, *домогательство хозяев* [курсив наш – В.В.] и «одинокость» (под последним понималось как отсутствие социальной помощи, так и социального контроля) [8, с. 33; 9, с. 5].

Крайне редко сознательная или неосознанная сводническая деятельность родителей становилась достоянием публики, а то и фигурировала в материалах уголовного дела. В Минске, например, девушка 15 лет, была изнасилована гимназистом, сыном адвоката, у которого она состояла в услужении [10, с. 12].

Определенное представление о степени распространенности именно такого способа «полового образования» юношей можно получить из материалов «Половой переписи студенчества». В 1904 г. Студенческое медицинское общество Московского университета под руководством М. Членова распространило анкету среди студентов, на которую ответили около половины всех студентов; всего было получено 2150 заполненных анкет [11]. Респондентами были молодые мужчины в возрасте 19–21 г., преимущественно городского происхождения (80 %), из обеспеченных слоев общества (имущественное положение своих семей средним назвали 67 %, ниже среднего – 20 % опрошенных). Начальное образование дома получили 82 %; в гимназиях до университета обучались 96 %. Подавляющее большинство начали свою половую жизнь до университета, причем 69 % опрошенных сделали это между 14–17 годами; 22 % – в 18 лет. Первым партнером у 41 % была проститутка, у 39 % – прислуга, у 10 % – замужняя женщина [11, с. 67; 12, с. 6].

Как видим, помимо прислуги значительную роль в половом «просвещении» молодых представителей привилегированных слоев российского общества играла проституция. Последнее обстоятельство не только не было особой тайной для основной массы родителей, но многие отцы нередко самостоятельно отводили сыновей к проституткам, спасая юношей, таким образом, от кажущейся еще большей опасностью

возможности «заболеть онанизмом» [13, с. 63]. Современники постоянно отмечали «половую распущенность» как одну из отличительных черт городского быта второй половины XIX – начала XX в., указывая, что разврат стал обычным явлением среди мальчиков, о нем «открыто говорят на улицах, в кинематографах и т. д.» [14, с. 98], а связано это преимущественно «с влиянием дурных примеров товарищей, своеобразного молодечества и широко развитой проституции», а также с развлечениями, «недоступными сельской жизни» [15, с. 465].

Характерно, что во многих семьях умудрялись реализовывать оба подхода к «сексуальному образованию» детей разного пола одновременно. Показательно в этом плане воспоминание одной из корреспонденток журнала «Свободное воспитание», которая сама удивлялась как могла до восемнадцати лет (!) сохранить полное неведение в отношении сексуальной стороны взаимоотношений между полами и это при том, что: «живали мы всяко – сначала недурно, а потом и в меблированных комнатах, в которых жили семейные люди, но также и офицеры, водившие к себе проституток. Напротив, брат мой познакомился с грязью очень рано и, кажется, рано стал посещать публичные дома, но на это смотрелось сквозь пальцы, так как его не оберегали как девочку, да и с ним говорили откровеннее, и кроме того, много значит гимназия в этом отношении – один мальчик посвящает другого...» [16, с. 15].

Вместе с тем, даже если убрать за скобки нравственные последствия приучения молодого поколения представителей привилегированных слоев пользоваться услугами проституток и прислуги для удовлетворения своих половых потребностей, серьезные опасения воспитателей вызывала существовавшая для юношей возможность заразиться сифилисом или другими подобными болезнями. А реальность и распространенность такого исхода демонстрируют материалы уже упомянутой нами переписи. Из 2150 опрошенных студентов 543 оказались жертвами венерических заболеваний [11, с. 67]. Приводились и еще более шокирующие цифры, согласно которым переломом страдало до 3/4 студентов [17, с. 23].

Те же из педагогов и общественных деятелей, для которых вопросы морали и нравственности не были пустым звуком, видели в самом факте изменения полового воспитания мальчиков одно из основных средств борьбы с проституцией. Так, например, редактор-издатель журнала «Женский вестник», М.И. Покровская считала, что «забота о правильном воспитании мальчиков в половом отношении, развитие нравственного чувства у детей и юношества, борьба с ранним пробуждением у них полового инстинкта, а также убеждение их в том, что половой инстинкт не должен удовлетворяться беспорядочно, а тем более проституцией», как раз и являются одни из главных способов борьбы с этим социальным злом [18].

В любом случае, всё большее число родителей, по моральным или иным причинам не желавших привлекать к услугам по «воспитанию» своих сыновей прислугу и, тем более, проституток, приходили к выводу о важности «чистоты» до брака и для молодых людей, понимая при этом, что только «проснется в человеке половой инстинкт, как ему уже предлагается городом готовая пища в самых разнообразных и соблазнительных формах» и задаваясь вопросом: «Как вам, сравнительно слабому, одинокому родителю или воспитателю, привязать к себе нравственными узами дорогого вам сына или воспитанника, оттянуть его от целого сонма городских сирен, которые отовсюду манят и зовут его к себе?» [19, с. 31].

При всем этом сохранялся и страх увлечения юношами онанизмом, ради профилактики которого так активно использовалось раннее знакомство молодых людей с «естественным способом» половых взаимоотношений. А масштабы распространения данного «извращения» оценивались современниками как эпидемия. Для подтверждения обычно приводили статистику одного из анонимных опросов начала XX в. Из 24 мальчиков, поступивших в первый класс среднего учебного заведения (возраст 10 лет), 23 признались, что они онанисты. К пятому же классу число их становилось минимальным, так как в этом возрасте – 15–16 лет, юноши начинали вступать в отношения с женщинами [см. подробнее: 20, с. 13].

В поисках разрешения всего комплекса проблем, связанных с физиологическим здоровьем юношей и борьбой с увлечением онанизмом, воспитатели активно обращались к врачам-гигиенистам. Последнее обстоятельство во многом было связано с широким распространением в среде российского дворянства в 80-е гг. XIX в. группы так называемых «новых родителей», которые по разным причинам как материального, так и морально-нравственного характера предпочитали сами заниматься уходом за своими детьми, осуществляя его под контролем врачей и с привлечением специализированной литературы [1; 2]. Сформировалась целая система «рационального» воспитания с упором на «натуралистические тенденции», лелеявшая идею создать «нормального человека». «Веровалось, что если ребенок правильно ест, по книжке пьет, по теории спит, нормально болеет, растёт, из отрока делается юношей и т. д., то с правильным развитием тела будет правильно идти и правильный рост духа» [21]. Понятно, что при таком внимании к физиологической стороне бытия обойти стороной проблему сексуального воспитания было уже невозможно.

В ответ на широкий запрос публики в конце XIX – начале XX в. значительными тиражами выходит литература по «половому вопросу современности» [22; 23; 24]. В качестве основной идеи выдвигалось положение о необходимости для воспитателя сделать все возможное «для предупреждения преждевременного полового развития, для сдер-

живания появляющихся в молодежи половых инстинктов» [25, с. 154]. Широкой известностью пользовались рекомендации Е.Н. Водовозовой, которая утверждала, что дети «гибнут» не от того, что им в детстве не объясняли «эмбриологических» вопросов, а от ненормальных условий общественной жизни, когда разврат становится обычным делом, и от неправильного семейного воспитания, подготовившего почву для преждевременного полового возбуждения и распущенности, когда сами родители являют своим детям дурной пример. Педагог доказывала, что задачей родителей является не половое просвещение детей, а укрепление их тел и душевных способностей, направленных против преждевременного пробуждения полового инстинкта в детях. Делать это рекомендовалось через воспитание воли детей, развитие добрых привычек и чувства долга. Также Е.Н. Водовозова советовала занимать свободное время ребенка какой-нибудь нравственной обязанностью: физическим трудом, домашними быденными обязанностями, помощью нуждающимся ближним, больным, родственникам, наблюдением за миром природы, рукоделием и т. д. [26, с. 139, 152–154, 157, 190, 212–213, 224, 229].

В целом сформированный к концу XIX в. отечественными педагогами и гигиенистами комплекс мер, нацеленных на предупреждение раннего полового влечения юношей, включал как педагогические, воспитательные приемы, так и соблюдение гигиены школьного возраста, распространение физкультуры и правильного питания. В педагогической области предполагалось обратить особое внимание на формирование в детях ответственности, воспитывать в них «с самого раннего возраста сознание своих обязанностей и приучать к исполнению последних», установив «определенный уклад жизни и порядок дня, ... приучать к соблюдению его без всяких отступлений, за исключением редких случаев», наконец, «в основание всего воспитания» необходимо «положить *трудовое начало в самом широком смысле этого слова...*» (выделено в источ. – В.В.) [25, с. 149–154]. Занятия физическим производительным трудом должны были, по мнению многих педагогов и гигиенистов, дать детям здоровье и силу, стать «наилучшим средством» против «угрожающих юношеству в период полового созревания опасностей» [27, с. 13], помогая выкинуть из головы «порочные мысли», появление которых, как и любая подростковая сексуальность среди имущих слоев рассматривалась как патология и приписывалась излишествам и подавленным желаниям [28, с. 114; 29, с. 442].

Наиболее подходящей формой физического производительного труда признавались «огородничество и садоводство, так как эти работы требуют обязательного пребывания на чистом воздухе», а в том случае, если это было недоступно, то следовало «прибегнуть к плотничеству, столярному ремеслу и т. д.». Гигиенисты настаивали, что «такие мастерские должны быть обязательны для всех учебных заведений, не ис-

ключая и женских», и «только при полной невозможности устроить упомянутые столярные и слесарные станки, на выручку должны явиться гимнастика и игры...» [30, с. 7].

На практике подобные мастерские существовали либо в наиболее привилегированных учебных заведениях, либо в тех, которые, не давая своим воспитанникам особых прав и преимуществ, специально создавались как поле педагогических экспериментов. В большинстве же средних учебных заведений страны практиковался ручной труд (лепка, вырезание из бумаги и т. д.), как способ своего рода «трудового воспитания» и гимнастика. Впрочем, это редко смущало родителей, которые, как правило, считали вполне достаточным для недопущения «порока», чтобы мальчики были как можно больше заняты и переменяли умственный труд физическими занятиями [31; 32].

Важность соблюдения режима дня, особенно отказ от «валяния» в кровати, объяснялись не только педагогическими мотивами формирования у ребенка организованности и умения обуздать свои желания, но и чисто практической стороной борьбы с онанизмом. Многие авторы, говоря «о половом пороке», полагали, что «мальчики часто наталкиваются на него совершенно самостоятельно, т. е. без всякого постороннего вмешательства» [33, с. 14]. А провоцирует их к нему бесцельное лежание в кровати. Поэтому родители должны были «строго следить, чтобы ребенок, проснувшись, тот час же одевался», а не привыкал «к дурной привычке – онанизму, оставаясь в теплой постели» [34, с. 44]. Да и сам рекомендуемый режим дня с подъемом в 6–7 ч и отбоем в 10 ч при интенсивной нагрузке должен был обеспечить крепкий сон и способствовать тому, что «юноша совершенно забудет о половой функции» [33, с. 107]. Ведь «человек, утомленный физическим или умственным трудом, далеко не так легко поддается раздражениям и возбуждениям» [33, с. 107].

Что касается питания, то подростков предлагали кормить преимущественно растительной пищей, с добавлением разнообразных молочных продуктов. Мясо следовало ограничить, а для уже «больных онанизмом» полностью исключить. Всем юношам запрещалось употреблять спиртные напитки и курить [33, с. 43–57].

Исполнение всех этих рекомендаций должно было отвлечь молодых людей от интереса к сексуальной стороне жизни, а следовательно, и не предполагало каких-либо объяснений со стороны родителей, кроме традиционных морально-нравственных сентенций о важности соблюдения «чистоты и целомудрия» до брака.

Развернувшаяся в конце XIX – начале XX в. общественная дискуссия о проблемах полового воспитания шла параллельно с ростом интереса в обществе к «женскому вопросу», одной из сторон которого было определение задач женского образования и выяснение допустимости совместного обучения полов в школах разного уровня [см. 35]. Харак-

терно, что какая бы позиция по проблемам женского и совместного образования ни высказывалась тем или иным автором, в качестве одного из аргументов обязательно приводилась мысль о необходимости «нормализации» отношений между мужчинами и женщинами, о важности решения «полового вопроса современности». Так, например, противники идеи совместного образования обязательно указывали на то, что сам характер обучения будет еще более способствовать распространению «разврата» в молодежной, и тем более, подростковой среде. Их оппоненты же оценивали подобные аргументы как «дань тому же предрассудку, который заставляет взрослых выдумывать басню об аисте, приносящем новорожденных» и видели истинную причину обособления полов в системе образования – в «пресловутом» охранении «невинности», отождествляемым с «неведением» [36, с. 156]. Полемизируя с подобными оценками, сторонники идеи со-обучения утверждали, что в «отдельных школах заметно гораздо более сильное напряжение половой жизни; при совместных школах это напряжение замещается равнодушием» [37, с. 140]. В развитие данной темы отдельные педагоги указывали на связь раздельного образования с появлением, особенно в закрытых учебных заведениях, гомосексуальных и гомоэротических проявлений. Интересно, что такая опасность связывалась именно с мужскими учебными заведениями, в которых рекомендовалось «обратить особое внимание на замеченную в "переходном возрасте" у наиболее чувственных юношей склонность к преследованию наиболее красивых товарищей (дают им прозвища "мазочек", "помпонов", "институтки", сажая их на колени, целуют)» [38, с. 34]. В то же время широко распространенное в женской школе явление «обожания» рассматривалось как исключительно целомудренное «предчувствие любви» и не вызывало особых опасений [см. подр.: 39, с. 142–151].

На фоне роста обсуждения тандема «полового» и «женского вопросов», о чем писало практически любое общеполитическое и тем более педагогическое издание, увеличивалась группа интеллигентных родителей, признававших, что одной гигиеной и трудовым воспитанием нельзя противостоять окружающему «разврату». Поэтому, по их мнению, необходимо было давать подросткам, прежде всего мальчикам, определенную информацию о сексуальной стороне жизни людей, по крайней мере в старших классах школы. Ведь даже если дети не живут в крупных городах, или смогут, «ничего не поняв», пройти мимо проститутки или публичного дома, крайне сложно купировать влияние «друзей-развивателей», ведь «... более осведомленные дети, сплошь и рядом, так или иначе уже узревшие разврат, являются авторитетами и настоящими учителями в сфере знаний, на которые родителями и воспитателями так необдуманно наложен запрет» [40, с. 14]. Да и интерес к выставленным на видных местах в аптеках и магазинах контрацептивам, и тем более, продававшимся даже в отделах детских товаров разного

рода «игрушкам для взрослых» [41, с. 184], а особенно, к «порнографической литературе»¹, которая, как нередко отмечалось, «становится теперь легко доступной каждому и слишком часто попадает в руки школьников», должен был быть тем большим, чем меньше дети «имели возможности получить правильные сведения по половому вопросу и чем меньше они умеют критически отнестись к книгам» [16, с. 12].

В результате количество родителей, сознававших важность полового просвещения, увеличилось, но основанная масса их не была готова сама пойти на столь ответственный шаг, предпочитая препоручить дело «специалистам». Как справедливо отмечали современники, указывавшие на взаимосвязь подъема накала дискуссии с ростом «теоретического», но не практического «полового просвещения», «появилось много статей, посвященных этому вопросу, и достаточно есть уже педагогов и родителей, решивших положительно вопрос о том, что пора оставить умалчивания, но и между ними немало таких, которые, несмотря на свое согласие в принципе с этим вопросом, не решают провести то, что ими решено в теории, и, в лучшем случае они, побеседовав с детьми иной раз о размножении растений и животных, останавливаются как раз там, где бы следовало без страха идти дальше» [16, с. 12].

Таким образом, родители-теоретики стремились получить от учебных и общественных учреждений то, что не могли сделать сами. В этой связи росла востребованность в школьном преподавании гигиены, а в рамках естественно-научных дисциплин – научного знания о происхождении жизни, и в ориентированной на молодежную аудиторию литературе по сексуальному просвещению. Наконец, для части родителей отправка детей в совместные учебные заведения была своего рода способом переложить их половое воспитание на плечи педагогов.

К началу XX в. преподавание гигиены в старших классах мужской, а затем и женской школы, перестало быть явлением исключительным, характерным только для элитных и экспериментальных учебных заведений. Даже там, где данный предмет не предусматривался учебной программой, отдельные учителя вводили его в качестве факультатива, очень нужного и важного, с их точки зрения, для охраны здоровья нынешних подростков и помощи им в будущей семейной жизни. Но возмо-

¹ Под термином «порнографическая литература» имелась в виду не только собственно таковая, но и художественная литература, в сюжетах которой значительное место занимали вопросы эротики и телесности (Л.Н. Толстой «Крейцерова соната» (1890), Л. Андреев «В тумане» (1902), М. Арцыбашев «Санин» (1907), А. Куприн «Яма» (1908 и др.). Борцы с развратом утверждали, что «вся современная литература почти сплошь есть проявление полового акта». В этот же разряд включалась реклама интим-услуг, контрацептивов и средств против импотенции. Объявления, рекламирующие подобные услуги и предметы, повсеместно встречались как в столичной, так и в провинциальной прессе. Одна мать утверждала, что видела рекламу средств от «бессилия» в изданиях для юношества (!) [См.: 39, с. 162–163, 190–193; 16, с. 14; 42, с. 319, 441–457, 552].

жен был (а если верить педагогическим журналам и сетованиям родителей, встречался значительно чаще) и прямо противоположный вариант преподавания, когда на уроках анатомии умудрялись проходить «человека – не женщину, не мужчину, а какое-то бесполое существо». В результате, как отмечала одна из успешно прослушавших подобный гимназический курс, «понятия о значении половых отправлениях у нас не было настолько, что одна моя соученица в последнем классе думала, что дети при рождении выходят из пупка матери» [16, с. 14].

Критика «сухости», отсутствия «практических знаний» в преподавании гигиены и одновременно необязательности данного предмета во многих учебных заведениях стимулировала педагогов к различного рода предложениям по «оживлению» обучения этой дисциплине. Так, на съезде по борьбе с проституцией единогласно была принята следующая резолюция: «Съезд считает своим долгом обратить внимание министерства народного просвещения и других министерств, имеющих в своем ведении средние учебные заведения, что разумное и осторожное ознакомление старших воспитанников средних учебных заведений с основами половой жизни и с венерическими заболеваниями настоятельно вызывается жизнью и является насущно необходимым, при чем ознакомление это можно было бы производить или вводя вопросы эти в курс школьной гигиены, или путем прочтения специалистами нескольких лекций, а также при помощи специально составленного для этой цели краткого популярного руководства» [17, с. 17].

Чтобы приготовить из молодых людей будущих «новых родителей», предполагалось дополнить гигиену и анатомию изучением «гигиены детей». Новый курс, своего рода «школа родителей и воспитателей», должен был ставить своей задачей «*изучение ребенка* по возрастам, изучение не только его *тела*, начиная с момента рождения, но также и его *души*, т. е. развитие чувств, мышления и воли» (выделено в источнике – В.В.). Характерно, что подобную дисциплину предполагали преподавать совместно мальчикам и девочкам, воспитывая из них будущих отцов и матерей [43].

В первое десятилетие XX в. разговоры о роли совместной средней школы в половом воспитании учащихся перешли из теоретического в практическое русло. В стране действовало уже несколько десятков учебных заведений подобного типа [44]. Позитивный опыт всячески подчеркивался и рекламировался в педагогической прессе. Типичными в этом плане являются воспоминания М.А. Быковой, одной из первых еще в 1870-е гг. открывшей совместную школу, где учились преимущественно дети российских оппозиционеров. Оценивая результаты со-обучения для мальчиков, педагог писала: «Впоследствии, когда мои ученики были взяты родителями, после закрытия школы, и их поместили в учебные заведения, они писали мне, как их поразила разнузданность товарищей в половом отношении, какое отвращение вселяли в них грязные шутки и

остроты. На всю жизнь они сохранили заветы школы и вынесли оттуда отношение к девушке как к человеку» [45, с. 74].

С другой стороны, противоположный, неудачный опыт педагоги стремились максимально затушевать, а если удавалось, и скрыть, как опасный прецедент, могущий негативно отразиться на жизнеспособности новой совместной школы. Подобная история произошла с гимназией Е.А. Кирпичниковой. Это учебное заведение вело свое начало с 1894 г., когда в Москве была открыта приготовительная школа для детей обоего пола. В 1904 г. при учебном заведении появилась мужская гимназия, а с 1905 г. с согласия родителей (но не официальных властей) эта школа была преобразована в совместную. Наконец, в 1908 г. учебное заведение получило и официальный статус, став первоначально «частной прогимназией», а затем и гимназией «для лиц обоего пола с правами для учащихся» [46. Л. 8–9]. Интересующий нас эпизод произошел в данном учебном заведении в декабре 1911 г. и стал известен только после обращения матери пострадавшей девочки – Александры Николаевны Терентьевой, медички VI курса Высших женских курсов, – в прессу. Вот как она описывала подробности данного инцидента: «5 декабря 1911 около восьми вечера ко мне на квартиру была доставлена в целях изоляции по поводу кори моя дочь семи с половиной лет из пансиона госпожи Е.А.К. Дочь моя была платной воспитанницей пансиона госпожи Е.А.К. и училась в Лосиноостровском среднем учебном заведении для детей обоего пола, состоя ученицей младшего приготовительного класса. На белье были обнаружены засохшие пятна крови; мной и медичкой VI курса Л.Н. Яковлевой было установлено растление. Виновным оказался воспитанник пансиона госпожи К. ученик VI класса ее гимназии в Москве для детей обоего пола, оставленный в пансионе госпожи К. в ее кабинете вместе с моей дочкой без надзора. На мое сообщение на следующей день о данном факте госпоже К. она сказала, что ранее мальчик был замечен в порнографии, произнесении грязных слов. Он сын очень богатых родителей, сказать в чем дело отцу она не может; подумает как быть и посоветуется со своим братом Ю.А.К., преподавателем естественной истории и классным наставником VI класса ее гимназии» [47, с. 10].

Далее автор письма сообщала, что Кирпичникова даже не интересовалась состоянием здоровья девочки, а 8 декабря у них состоялся разговор, в ходе которого Кирпичникова заявила, что ничего особенного в этом факте не видит. 12 декабря по требованию Терентьевой Кирпичникова прибыла в Гинекологический институт, матери ребенка «было выдано официальное свидетельство с печатью института, в котором был зафиксирован разрыв hymen». Терентьева потребовала удалить мальчика из гимназии, но Кирпичникова сказала, что сделает это только после того, как мать девочки даст гарантии не предавать дело огласке. Только после обращения к попечителю 13 декабря ученик был удален

школьной комиссией из гимназии. Затем родители девочки заявили на родительском собрании, что обвиняют Кирпичникову «не за сам факт, а за последующее отношение». В заключение мать писала: «К судебному процессу против мальчика прибегать не хочу. Пусть судит общество виноват ли 16-летний мальчик, которого Е.А.К 6 лет воспитывала в своем пансионе? Я вполне разрешаю принцип совместного обучения и воспитания. Я думаю, что этот принцип должен и может проводиться в жизнь, но только с большой осторожностью, с большим умением, людьми нравственно чистыми и не ценой искалеченных детских жизней» [47, с. 21].

После огласки скрыть инцидент было уже невозможно, и в школе была проведена проверка, которая выяснила, что действительно «мальчик (16 лет) дал волю рукам, в результате чего у девочки (7 лет) произошло механическое повреждение девственной плевы» [48]. Сохранить учебное заведение удалось только путем смены учредителя и обязательства принимать в первый класс либо только девочек, либо только мальчиков, так чтобы постепенно учебное заведение стало «однополым» [49. Л. 2–6].

Таким образом, данный случай, активно обсуждавшийся в печати, продемонстрировал родителям и воспитателям, что сам факт обучения мальчика в совместной школе еще не может гарантировать его правильное половое воспитание, и этим вопросом все-таки необходимо специально заниматься.

Начало XX в. ознаменовалось также изданием и переизданием значительного числа отечественной и переводной литературы, содержащей ответы на основные вопросы в области полового воспитания в доступной форме. Как правило, данные книги предназначались для родителей и воспитателей, которые должны были использовать их при организации бесед с детьми и подростками [см. напр.: 50–53]. Но в большинстве случаев, родители не решались вести разговоры сами и ограничивались выдачей детям подобных книг для самостоятельного ознакомления. Среди «специалистов» были и те, кто поддерживал родителей в выборе именно такого подхода. Так, в одном серьезном много-томном коллективном переводном труде о половом вопросе, вышедшем в 1911 г., указывалось, что «обсуждение грубо-чувственных половых отношений неуместно между родителями и детьми», так как это может привести к падению авторитета родителей [54, с. 608–609]. Иное дело, если обсуждением данных тем на серьезном уровне будет заниматься школа, которая, «давая каждому ученику определенный объем знаний по вопросу происхождения человека, зарождения жизни, способствует привнесению научных начал в половое воспитание, помогает ребенку выработать нормальное отношение к взаимоотношению полов» [3, с. 17].

Вместе с тем росло число отечественных врачей и педагогов, которые все-таки склонялись к мысли о том, что семья должна кардинально

изменить свое отношение к важнейшим вопросам в жизни своих детей [55], и главная роль в начальном половом воспитании должна принадлежать родителям, особенно матери. Место матери мог занять учитель, но лишь в том случае, если он пользовался у детей такой же любовью, как и родители. Беседы на тему половой жизни педагоги советовали начинать лучше раньше, чем позднее [56]. При этом содержание таких бесед рекомендовалось приравнивать к уровню развития ребенка, чтобы оно не способствовало пробуждению нездорового интереса к проблеме, обязательно сопровождая новую информацию моральными советами [57], а сами беседы должны были носить интимный характер и щадить стыдливость ребенка [3, с. 17–18].

Однако эти теоретические разработки находили очень мало практического применения. Лишь редкие матери-дворянки стремились использовать подобные идеи в жизни (и то, как правило, с определенной коррекцией), подвергаясь за это осуждению со стороны представителей самых разных социальных групп. Свой опыт такие матери пытались популяризировать, публикуя своеобразные родительские дневники полового воспитания собственных детей. В большинстве случаев речь шла о следующих этапах домашнего полового воспитания. Прежде всего, детей приучали не стесняться своего тела, легко и не конфузясь обнажаться перед представителями противоположного пола, причем не только родителями и родными братьями и сестрами, но и другими, более отдаленными родственниками, медиками и вообще во всех случаях, когда это необходимо. С другой стороны, их приучали и к чужой наготы, которая, будучи обыденной, должна была перестать вызывать интерес. Вот, например, как описывала свои практики одна из матерей – сторонниц полового воспитания в семье: «Я ... беру с собой своего мальчика в ванну и купальню, и он меня часто видел раздетой» [16, с. 18].

Наряду с воспитанием спокойного отношения к наготы как своей, так и чужой, матери, решавшиеся сами осведомить своих детей в половом вопросе, начинали готовить своего ребенка к усвоению данной темы постепенно лет с пяти. Делали они это либо отвечая на конкретные вопросы ребенка, увидевшего что-то в окружающем его мире (окотившуюся кошку, быка в стаде коров и т. д.), либо же целенаправленно, но «когда это бывало кстати», указывая, где он находился до своего рождения [58, с. 107–108].

Подобные практики встречали в целом непонимание и неодобрение со стороны самого разного окружения «новых матерей». Вот, например, что приходилось слышать одной из них: «"Господи, барыня, что это вы детям говорите!"», – ужасалась одна добродушная няня, а ее ужас мог внушить детям, что они говорят действительно о чем-то запретном. В другой раз слуги забавлялись, спрашивая моего мальчика: "А ну-ка, Алешенька, покажи, откуда дети рождаются!" А знакомая моя, услышав из уст моего ребенка подобный вопрос, подняла крик ужаса, и когда я

прибежала на шум, она вскричала: "Послушай, он у тебя Бог знает что говорит!" И я, чтобы не дать испуганному ребенку подумать, что он действительно совершил преступление, должна была серьезно и резко ответить, что объяснение дала я сама» [16, с. 21].

Пропагандируя свой опыт, такие матери надеялись постепенно изменить ситуацию, будучи убежденными, что именно осуществляемое ими семейное половое воспитание может стать главным средством для сохранения целомудрия мальчиков на фоне разврата, так как половой вопрос, «если не избегать объяснений, интересует детей до наступления половой зрелости не больше других явлений, а при своевременном знакомстве с ним он теряет жгучий интерес запретного» [16, с. 22].

Таким образом, в течение второй половины XIX – начала XX в. в отношении к половому воспитанию юношей в дворянско-интеллигентной среде сформировалось несколько подходов, которые, с одной стороны, отражали определенную эволюцию отношения к данному вопросу, а с другой – более ранние формы активно продолжали сосуществовать с более поздними.

Традиционной формой полового образования мальчиков в дворянской семье, являвшейся наиболее популярной вплоть до 80–90-х гг. XIX в., был бойкот этой темы в теоретическом плане и согласие на их «обучение естественным отношениям» с помощью прислуги и проституток, с целью профилактики онанизма, в практическом. В отношении же девочек задачей воспитания являлась сохранение максимально долго их «невинности», что предполагало полное «незнание». Вместе с тем уже с 1860-х гг. стал формироваться новый подход, ставший весьма востребованным с 90-х гг. XIX в. Суть его заключалась в признании необходимости полового воздержания до брака и для юношей, как единственного средства сохранения их физического здоровья и формирования необходимых для жизни в обществе морально-нравственных качеств. Отсюда предлагалось решить проблему полового воспитания мальчиков через физический производительный труд, формирование воли и ответственности, спорт, гигиену, правильное питание и т. д.

На рубеже веков все большее число родителей приходило к признанию необходимости половой информированности детей в области сексуальных отношений, но, не будучи готовыми сами заняться решением этой задачи, они пытались перепоручить ее «специалистам», т. е. школе и другим общественным учреждениям. Половое воспитание предполагалось осуществлять при помощи преподавания гигиены в школе, издания специализированной подростковой литературы, введения принципа совместного обучения в школе и пр. Наконец, в конце исследуемого периода подавляющая масса отечественных педагогов и гигиенистов пришла к выводу (и стала его пропагандировать) о том, что сексуальным воспитанием должна заниматься семья и прежде всего матери. Вместе с тем этот профессиональный подход не находил в реаль-

ной жизни особой поддержки. Те редкие матери-дворянки, которые пытались реализовать данную теорию на практике, почти всегда подвергались осуждению со стороны представителей самых разных социальных групп.

Список литературы

1. Верременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Европейский дом, 2009. – 684 с.
2. Верременко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.): моногр. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 204 с.
3. Мижева С.Р. Проблемы полового воспитания в отечественной школе и педагогике конца XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Пятигорск, 2011. – 23 с.
4. Авилова Е. В избранном обществе // Вестн. Европы. – 1904. – № 1.
5. Верременко В.А. Дворян в деревенском социуме России (первая половина XIX века) // Российская деревня в XVIII–XXI века: социокультурное измерение: сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. – Оренбург: ОГПУ, 2014. – С. 56–59.
6. Верременко В.А. На острие домашнего пространства: хозяева и прислуга в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди: сб. ст. – СПб.: Лики России, 2013. – С. 58–77.
7. Флеров Н.А. Белые рабы в России. – М.: Заря будущего, 1907. – 56 с.
8. Статистика Российской империи. XIII. Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. / под ред. А. Дубровского. – СПб.: М-во внутр. дел, 1890. – XXXVI, 39 с.
9. Ельцина З.Я. О заболеваемости венерическими болезнями между проститутками на Нижегородской ярмарке в 1886 г. // Протоколы Российского сифилитического общества. – Т. 2. – СПб., 1888.
10. Броннер В.М., Елистратов А.И. Проституция в России. Проституция в России до 1917 года. Борьба с проституцией в РСФСР. – М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927. – 108 с.
11. Членов М.А. Половая перепись московского студенчества // Русский врач. – 1907. – № 31.
12. Ильинский В. Переутомление и сексуальный вопрос в школе. – СПб.: Тип. Монтвида, 1908. – 23 с.
13. Сообщение // Женский вестн. – 1913. – № 2.
14. Женщина. Чего хотят женщины // Женский вестн. – 1912. – № 4.
15. Кони А. Ф. Самоубийство в законе и жизни // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Юрид. лит., 1976. – Т. 4. – 610 с.
16. Н-н О.Л. Из опыта одной матери (К вопросу о половом воспитании детей) // Свободное воспитание. – 1908–1909. – № 2.
17. Либерман Б.Н. Что необходимо знать родителям учащихся. – Новгород: Газ. «Старорусс. жизнь», 1911. – 31 с.
18. Покровская М.И. О проституции малолетних (продолжение) // Женский вестн. – 1912. – № 10. – С. 194–197.
19. Накашидзе И. Борьба с низшими инстинктами человека (К вопросу о половом самовоспитании) // Свободное воспитание. – 1908–1909. – № 4.
20. Турутина Е.С. Социокультурный и образовательный контекст возникновения вопроса полового воспитания детей в дискурсе русской педагогики // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2010. – № 10. – С. 10–14.

21. Амфитеатров Ал. Наши дети // Семья: еженедельный илл. журн. – 1892. – 6 дек. – № 4. – С. 2.
22. Вирениус А.С. Причины половых аномалий в детском возрасте и меры к предупреждению их и устранению в семье и школе. – СПб.: Рус. шк., 1892. – 13 с.
23. Либерман Б.Н. Что необходимо знать родителям учащихся по вопросу о половом воспитании. – Новгород: Газ. «Старорусс. жизнь», 1912. – 35 с.
24. Форель А. Половой вопрос: Естеств.-ист. психол., гигиен. и социал. этюд, предназначенный для образов. читателей. – СПб.: EOS, 1906. – 644 с.
25. Обухов А. Как мы портим наших детей (К съезду по семейному воспитанию) // Рус. мысль. – 1912. – Кн. 12. – С. 147–155.
26. Водовозова Е.Н. Умственное и нравственное воспитание детей от первого проявления сознания до школьного возраста. Кн. для воспитателей. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. – VIII. – 364 с.
27. Вентцель К. Как бороться с проступками и недостатками детей // Свободное воспитание. – 1907–1908. – № 4.
28. Зоргенфрей Г. К вопросу о совместном обучении обоих полов // Рус. шк. – 1904. – № 9.
29. Зоргенфрей Г. Вопросы современной школы // Пед. сборник. – 1907. – № 11.
30. Д-р А.М. Гигиена школьного возраста // Семья: еженедельный илл. журн. – 1892. – 15 ноябр. – № 1.
31. Верременко В.А. Трудовое воспитание в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Верременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 361–370.
32. Верременко В.А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 4. – С. 62–75.
33. Золотарев А.А. Опасный враг юности. Половой порок (онанизм). Причины и последствия его. Борьба с ним. – М.: Тип.-лит. И.Н. Кушнерев, 1906. – 112 с.
34. Дернова-Ярмоленко А. Азбука матери // Свободное воспитание. – 1909–1910. – № 3.
35. Верременко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб.: ВАШ, 2004. – 150 с.
36. Лебединцев К. Наша молодежь и вопросы половой этики // Вестн. воспитания. – 1907. – № 8.
37. Рубинов И. О совместном обучении в Америке // Вестн. воспитания. – 1900. – № 6.
38. Симонов И.С. Школа и половой вопрос: [Из дневника б. офицера-воспитателя]. – СПб.: В. Березовский, 1909. – 67 с.
39. Мицюк Н.А. Рождение матери: субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. – Смоленск: Изд-во Смоленск. гор. тип., 2015. – 384 с.
40. Сидорович К. Дети и половой вопрос. – СПб.: Свет и разум, 1909. – 227 с.
41. Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. – М.-Харьков: Брейтгам, 1908. – XVI, 285 с.
42. Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апр. 1910 г. Т. 1–2. – СПб., 1911–1912. – Т. 2. – 624 с.
43. Дернова-Яковенко А. К вопросу о «школе родителей и воспитателей» // Свободное воспитание. – 1908–1909. – № 11. – С. 17–23.

44. Верременко В.А. Идея совместного обучения и ее реализация в средней школе России в начале XX века // *Духовная жизнь региональных сообществ: история, культура, повседневность: сб. докладов межд. науч. конф.* – Казань: Изд-во Казанск. гос. архитектур.-стр. ун-та, 2014. – С. 251–254.
45. Дурылина С. История одной свободной школы. Педагогическая деятельность М.А. Быковой (1841–1907 гг.) // *Свободное воспитание.* – 1907–1908. – № 1. – С. 68–75.
46. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 196. Д. 234.
47. Терентьева А.Н. Открытое письмо к обществу. Письмо матери. – М.: Тип. В. Карякина, 1912. – 22 с.
48. Школа и жизнь. – 1912. – № 22.
49. РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 239.
50. Для наших сыновей, когда им будет 18 лет. – М.: Л.А. Золотарев, 1904. – 44 с.
51. Одна из обязанностей матери. Пособие по сексуальному воспитанию детей. – СПб.: Тип. П.П. Рябушинского, 1907. – 40 с.
52. Синицкий Л.Д. Психология юношеского возраста / Л.Д. Седов [псевд.]. – М.: Тип.-лит. В. Рихтер, 1897. – 67 с.
53. Родительская забота. – Вып. 1–3. – М., 1897–1902.
54. Мужчина и женщина. Их взаимные отношения и положение, занимаемое ими в соврем. культур. жизни. Коллектив. труд, в котором приняли участие: проф. Т. Ахелис, В. Бельше, И. Блох, Боринский, Лили Браун, Ю. Вейс, В. Габерляндт, Т. Геллер, И. Коллер, Р. Коссман, Альб. Молль, Фр. Цанн, Э. Цуккеркандль и др. / авториз. пер. с нем. под ред. и с доп.: проф. А.С. Догеля, Д.С. Клеменца, женщины-врача А.Н. Шабановой и М.А. Энгельгардта. – Т. 1–3. – СПб.: Книгоизд. товарищество «Просвещение», 1911. – Т. 2. – 760 с.
55. Покровская М.И. О внеклассном надзоре за учащимися // *Женский вестн.* – 1912. – № 1. – С. 18–20.
56. Грицай Л.А. Нравственные аспекты проблемы полового воспитания детей в семье в педагогическом наследии Н.Е. Румянцева и его современников // *Вестн. Томск. гос. ун-та.* – 2013. – № 374. – С. 156–159.
57. Лозинский Е. Новые проблемы воспитания: в 2 ч. – СПб., 1912. Т. 1. – 287 с.
58. Е.П. К вопросу о половом воспитании // *Свободное воспитание.* – 1907–1908. – № 12.

References

1. *Veremenko V.A. Dvoryanskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Noble family and the state policy of Russia (second half XIX – beginning of XX centuries)].* Izd. 2-e, ispr. i dopoln. – SPb.: Evropejskij dom, 2009. – 684 s.
2. *Veremenko V.A. Deti v dvoryanskih sem'yah Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): monogr. [Children in noble families of Russia (second half of XIX – beginning of XX century): monograph]* – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2015. – 204 s.
3. *Mizheva S.R. Problemy polovogo vospitaniya v otechestvennoj shkole i pedagogike konca XIX – nachala XX vekov. Avtoref. dis ... kand. ped. nauk. [Problem of sex education in the Russian pedagogics and school of the late XIX – early XX centuries. Author. dis.... candidate. ped. sciences]* – Pyatigorsk, 2011. – 23 s.
4. *Avilova E. V izbrannom obshchestve [In the chosen society]* // *Vestnik Evropy.* 1904. № 1.

5. *Veremenko V.A.* Dvornya v derevenskom sociume Rossii (pervaya polovina XIX veka) // Rossijskaya derevnya v XVIII–XXI veka: sociokul'turnoe izmerenie: sb. statej IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / nauch. red. G.E. Kornilov, V.A. Labuzov. – Orenburg: OGPU, 2014. – S. 56–59.

6. *Veremenko V.A.* Na ostrie domashnego prostranstva: hozyaeva i prisluga v dvoryanskijh sem'yah Rossii (XIX – nachalo XX v.) // Rossijskaya istoriya XIX–XX vekov: Gosudarstvo i obshchestvo. Sobytiya i lyudi. Sb. statej. – SPb.: Liki Rossii, 2013. – S. 58–77.

7. *Flerov N.A.* Belye raby v Rossii. – M.: «Zarya budushchego», 1907. – 56 s.

8. Statistika Rossijskoj imperii. XIII. Prostituciya po obsledovaniyu na 1 avgusta 1889 g. Pod red. A. Dubrovskogo. – SPb.: Min-vo vnutr. del, 1890. – XXXVI, 39 s.

9. *El'cina Z. YA.* O zabolevaemosti venericheskimi boleznyami mezhdru prostitutkami na Nizhegorodskoj yarmarke v 1886 g. // Protokoly Rossijskogo sifiliticheskogo obshchestva. – T. 2. – SPb., 1888.

10. *Bronner V.M., Elistratov A.I.* Prostituciya v Rossii. Prostituciya v Rossii do 1917 goda. Bor'ba s prostituciej v RSFSR. – M.: izdat. Narkomzdrava RSFSR, 1927. – 108 s.

11. *CHlenov M.A.* Polovaya perepis' moskovskogo studenchestva // Russkij vrach. 1907. № 31.

12. *Il'inskij V.* Pereutomlenie i seksual'nyj vopros v shkole. SPb.: tip. Montvida, 1908. – 23 s.

13. *Soobshchenie* // ZHenskij vestnik. – 1913. – № 2.

14. *ZHenshchina.* CHego hotyat zhenshchiny // ZHenskij vestnik. – 1912. – № 4.

15. *Koni A.F.* Samoubijstvo v zakone i zhizni // Sobranie sochinenij v 8 t. T. 4. M.: YUridicheskaya literatura, 1976. – 610 s.

16. *N-n O.L.* Iz opyta odnoj materi (K voprosu o polovom vospitanii detej) // Svobodnoe vospitanie. – 1908–1909. – № 2.

17. *Liberman B.N.* CHto neobhodimo znat' roditelyam uchashchihsya. Novgorod: Gaz. «Staroruss. zhizn'», 1911. – 31 s.

18. *Pokrovskaya M.I.* O prostitucii maloletnih (prodolzhenie) // ZHenskij vestnik. – 1912. – № 10. – S. 194–197.

19. *Nakashidze I.* Bor'ba s nizshimi instinktami cheloveka (K voprosu o polovom samovospitanii) // Svobodnoe vospitanie. – 1908–1909. – № 4.

20. *Turutina E.S.* Sociokul'turnyj i obrazovatel'nyj kontekst vznikoveniya voprosa polovogo vospitaniya detej v diskurse ruskoj pedagogiki // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2010. – № 10. – S. 10–14.

21. *Amfiteatrov Al.* Nashi deti // Sem'ya. Ezhenedel'nyj illyustrirovannyj zhurnal. – 1892. – 6 dekabrya. – № 4. – S. 2.

22. *Virenius A.S.* Prichiny polovyh anomalij v detskom vozraste i mery k preduprezhdeniyu ih i ustraneniyu v sem'e i shkole. – SPb.: «Russkaya shkola», 1892. – 13 s.

23. *Liberman B.N.* CHto neobhodimo znat' roditelyam uchashchihsya po voprosu o polovom vospitanii. – Novgorod: Gaz. «Staroruss. zhizn'», 1912. – 35 s.

24. *Forel' A.* Polovoj vopros: Estestv.-ist. psihol., higien. i social. ehtyud, prednaznachayushchijsya dlya obrazov. chitatelej. – SPb.: EOS, 1906. – 644 s.

25. *Obuhov A.* Kak my portim nashih detej (K s"ezdu po semejnomu vospitaniyu) // Russkaya mysl'. – 1912. – Kn. 12. – S. 147–155.

26. *Vodovozova E.N.* Umstvennoe i npravstvennoe vospitanie detej ot pervogo proyavleniya soznaniya do shkol'nogo vozrasta. Kn. dlya vospitatelej. – SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1891. – VIII, 364 s.

27. *Ventcel' K.* Kak borot'sya s prostupkami i nedostatkami detej // Svobodnoe vospitanie. – 1907–1908. – № 4.
28. *Zorgenfrej G.* K voprosu o sovместnom obuchenii oboih polov // Russkaya shkola. – 1904. – № 9.
29. *Zorgenfrej G.* Voprosy sovremennoj shkoly // Pedagogicheskij sbornik. – 1907. – № 11.
30. *D-r A.M.* Gigiena shkol'nogo vozrasta // Sem'ya. Ezhenedel'nyj illyustrirovannyj zhurnal. – 1892. – 15 noyabrya. – № 1.
31. *Veremenko V.A.* Trudovoe vospitanie v dvoryansko-intelligentских sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. Sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. / pod obshch. red. prof. V.N. Skvorcova, otv. red. V.A. Veremenko. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. – S. 361–370.
32. *Veremenko V.A.* Podgotovka dvoryanok k hozyajstvennoj deyatel'nosti v sem'e v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. – 2014. – № 4. – S. 62–75.
33. *Zolotarev A.A.* Opasnyj vrug yunosti. Polovoj porok (onанизm). Prichiny i posledstviya ego. Bor'ba s nim. – M.: tip.-lit. I.N. Kushnerev, 1906. – 112 s.
34. *Dernova-YArmolenko A.* Azbuka materi // Svobodnoe vospitanie. – 1909–1910. – № 3.
35. *Veremenko V.A.* Zhenshchiny v russkih universitetah (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). – SPb.: VASH, 2004. – 150 s.
36. *Lebedincev K.* Nasha molodezh' i voprosy polovoj ehtiki // Vestnik vospitaniya. – 1907. – № 8.
37. *Rubinov I.* O sovместnom obuchenii v Amerike // Vestnik vospitaniya. – 1900. – № 6.
38. *Simonov I.S.* Shkola i polovoj vopros: [Iz dnevnika b. oficera-vospitatelya]. – SPb.: V. Berezovskij, 1909. – 67 s.
39. *Micyuk N.A.* Rozhdenie materi: subkul'tura materinstva v vysshih sloyah obshchestva industrial'noj Rossii. – Smolensk: izdat. Smolenskaya gorodskaya tipografiya, 2015. – 384 s.
40. *Sidorovich K.* Deti i polovoj vopros. SPb.: «Svet i razum», 1909. – 227 s.
41. *Drentel'n E.S.* Ehtyudy o prirode zhenshchiny i muzhchiny. M.–Har'kov: Brejtingam, 1908. – XVI, 285 s.
42. *Trudy Pervogo vserossijskogo s"ezda po bor'be s torgom zhenshchinami i ego prichinami, proiskhodivshego v S.-Peterburge s 21 po 25 aprelya 1910 goda.* T. 1–2. – SPb., 1911–1912. – T. 2. – 335–624 s.
43. *Dernova-YAkovenko A.* K voprosu o «shkole roditelej i vospitatelej» // Svobodnoe vospitanie. – 1908–1909. – № 11. – S. 17–23.
44. *Veremenko V.A.* Ideya sovместnogo obucheniya i ee realizaciya v srednej shkole Rossii v nachale XX veka // Duhovnaya zhizn' regional'nyh soobshchestv: istoriya, kul'tura, povsednevnost'. Sb. dokladov mezhd. nauch. konf. – Kazan': Izd-vo Kazansk. gos. arhitekt.-str. uni-ta, 2014. – S. 251–254.
45. *Durylina S.* Istoriya odnoj svobodnoj shkoly. Pedagogicheskaya deyatel'nost' M.A. Bykovej. (1841–1907 gg.) // Svobodnoe vospitanie. – 1907–1908. – № 1. – S. 68–75.
46. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 733. Op. 196. D. 234.
47. *Terent'eva A.N.* Otkrytoe pis'mo k obshchestvu. Pis'mo materi. – M.: Tipografiya V.Karyakina, 1912. – 22 s.
48. *Shkola i zhizn'.* – 1912. – №22.
49. RGIA. F. 733. Op. 168. D. 239.
50. *Dlya nashih synovej, kogda im budet 18 let.* – M.: L.A. Zolotarev, 1904. – 44 s.

51. *Odna iz obyazannostej materi.* Posobie po seksual'nomu vospitaniju detej. – SPb.: tip. P.P. Ryabushinskogo, 1907. – 40 s.
52. *Sinickij L.D.* Psihologiya yunosheskogo vozrasta / L.D. Sedov [psevd.]. – M.: tip.-lit. V. Rihter, 1897. – 67 s.
53. *Roditel'skaya zabota.* – Vyp. 1–3. – M., 1897–1902.
54. *Muzhchina i zhenshchina.* Ih vzaimnye otnosheniya i polozhenie, zanimaeomoe imi v sovrem. kul'tur. zhizni. Kollektiv. trud, v kotorom prinyali uchastie: prof. T. Ahelis, V. Bel'she, I. Bloh, Borinskij, Lili Braun, YU. Vejs, V. Gaberlyandt, T. Geller, I. Koller, R. Kossman, Al'b. Moll', Fr. Cann, EH. Cukkerkandl' i dr / Avtoriz. per. s nem. pod red.i s dop.: prof. A.S. Dogelya, D.S. Klemenca, zhenshchiny-vracha A.N. SHabanovoj i M.A. EHngel'gardta. – T. 1–3. – SPb.: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911. – T. 2. – 760 s.
55. *Pokrovskaya M.I.* O vneklassnom nadzore za uchashchimisya // ZHenskij vestnik. – 1912. – № 1. – S. 18–20.
56. *Gricaj L.A.* Nravstvennye aspekty problemy polovogo vospitaniya detej v sem'e v pedagogicheskom nasledii N.E. Rumyanceva i ego sovremennikov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 374. – S. 156–159.
57. *Lozinskij E.* Novye problemy vospitaniya: v 2 ch. – SPb., 1912. T. 1. – 287 s.
58. *E.P.* K voprosu o polovom vospitanii // Svobodnoe vospitanie. – 1907–1908. – № 12.

Работа трудовых огородных ученических дружин в 1916 г.

В статье речь идет об истории создания трудовых дружин учащихся, работавших на школьных и общественных огородах в годы Первой мировой войны. Массовая организация подобных дружин относится к 1916 г. К этому моменту, с одной стороны, стал ощутимым продовольственный кризис, а с другой – появился положительный опыт деятельности ученических трудовых дружин, работавших на полях семей военнослужащих. Однако не все учащиеся могли быть привлечены к полевым работам в силу отсутствия необходимых трудовых навыков и физической готовности к тяжелому сельскому труду. Огородные работы (посадка, полив, прополка, сбор урожая) были посильны для детей 10 лет и старше, независимо от пола. В статье раскрываются особенности организации огородных работ, в том числе их финансирования. Описывается повседневная жизнь дружинников. Оценивается экономическое и педагогическое значение деятельности ученических дружин.

The article concentrates on the history of formation labor squads of pupils who were working in school plots and public gardens and fields during World War I. Mass organization of labor squads of pupils was in 1916. By that time, there was an economical crisis but labor squads of pupils working experience on the on the soldiers' family fields was positive. However, not all the students could participate in field work, they did not have necessary working skills and physical training to do difficult agricultural work. Field work (planting, watering, weeding, harvesting) was possible to be done by 10-year-old children or older children regardless of the sex. The article shows the ways of organizing field works and their funding. The article discusses the issue of economical and pedagogical importance of labor squads of pupils' activity.

Ключевые слова: трудовые дружины учащихся, школьные огороды, благотворительность, Первая мировая война, гимназия, реальное училище, высшее начальное народное училище, П.Н. Елагин.

Key words: labor squads of pupils, school plots, charity, World War 1, high school trade school (non-classical secondary school), elementary public school, P.N. Yelagin.

С началом войны патриотический подъем охватил, в том числе, и учащуюся молодежь. Регулярно отмечались попытки бегства юношей на фронт. Большую актуальность приобрела организация посильной помощи учащихся в тылу. Одним из направлений благотворительной деятельности учащихся с 1915 г. стало создание трудовых дружин, которые помогали крестьянам в осуществлении сельскохозяйственных работ в летний период [1; 2]. Однако при несомненном педагогическом значении данной деятельности, ее экономическую целесообразность оценивали весьма неоднозначно [3]. Работа дружин требовала больших расходов на питание, проезд к месту работ, приобретение инвентаря и т. п. К тому же, такой труд, как например, косьба трав или уборка урожая был до-

вольно тяжел для подростков и требовал специальных умений. В результате к работе в дружинах преимущественно привлекались юноши в возрасте от 15 лет и старше.

Вместе с тем оставалось значительное количество младших школьников, которые могли оказывать посильную помощь при создании соответствующих условий. Возможно, что еще в 1915 г. были единичные случаи работы учащихся на огородах. Так, газета «Школа и жизнь» в июле 1915 г. сообщала, что около 20 учащихся Архангельской Ломоносовской мужской гимназии начали с 30 мая работу на огородах под руководством правительственного инструктора по огородничеству и садоводству Сергунина [4]. Однако были ли это общественные или частные огороды – непонятно. В 1916 г. началось массовое привлечение учащихся к организации школьных огородов и работе на общественных огородах. Циркуляром от 19 марта 1916 г. № 2473 министр народного просвещения П.Н. Игнатъев обратил внимание деятелей школы на устройство общественных огородов, в чем могли бы принять участие как педагоги, так и учащиеся [5. Л. 97–98]. 20 апреля 1916 г. Департаментом народного просвещения были разосланы попечителям учебных округов примерные правила организации трудовых дружин для оказания помощи в полевых работах семьям призванных на войну, где были предусмотрены и работы на общественных огородах [5. Л. 126].

В марте 1916 г. последовали аналогичные рекомендации и от других ведомств. Министерство земледелия 19 марта 1916 г. ввиду высоких цен на продукты предложило заложить летом общественные огороды для снабжения населения овощами, используя заброшенные участки, парки, выгоны, обочины дорог и т. п. К этому делу предполагалось привлечь земские и общественные силы, чиновников Министерства земледелия и других ведомств, учебный персонал и всех желающих, не исключая и учащихся [6, с. 20–21]. В определении Св. синода от 8–9 марта 1916 г. № 1704 «О привлечении церковных школ к заготовке овощей для продовольствия войск» указывалось: «...принимая во внимание, что при многих церковных школах, при которых имеются удобные участки огородной земли, могла бы быть организована путем усиления развития огородничества в предстоящее лето трудовая помощь в сем деле учащихся детей, которые могли бы быть привлечены к добровольным работам по уходу за небольшим школьным огородом и снабжению выращенными овощами вышеупомянутых сушильных заведений и местных лазаретов...» [6, с. 23]. Помощь в организации огородов должны были оказать инспекторы сельского хозяйства и другие специалисты на местах, предоставляя школам семена, рассаду, инструмент, пособия и непосредственные указания. Школам были обещаны пособия в размере 100 р., при условии возмещения этих сумм из стоимости выращенных овощей. Примерные правила участия церковных школ в заготовке овощей предусматривали возможность материального поощрения как уча-

щихся, так и учителей, принявших участие в огородных работах. Часть вырученных от поставленных овощей сумм направлялась на благотворительные цели: пособия приютам для сирот воинов, помощь раненым воинам и т. п. [6, с. 23–25].

Огородные дружины требовали гораздо меньших расходов, поскольку работа чаще всего организовывалась недалеко от дома (сокращались или вовсе отсутствовали затраты на дорогу), посменно (по 3–5 ч), что не требовало больших расходов на питание. Родители более охотно отпускали детей на огороды, так как сохранялся постоянный родительский контроль. Кроме того, к работам на огороде можно было привлекать не только мальчиков, но и девочек. По мнению П.Н. Елагина, одного из организаторов общественных огородов в Петрограде, большинство огородных работ были посильны учащимся в возрасте от 10 лет [5. Л. 90 об.]. Официальные инстанции предлагали включать в дружины учащихся 12 лет и старше [6, с. 9].

Отметим, что еще в 1915 г. по желанию ее императорского высочества княгини Марии Павловны Старшей в Петрограде при 16 госпиталях и лазаретах военного ведомства под наблюдением ученого-агронома, заведующего организацией сельскохозяйственных занятий в войсковых частях и лечебных местах П.Н. Елагина были устроены огороды, в основном на целинных или залежных землях: «...в 6 случаях места для огородов были даны совсем неудобные: дворовые места с большой примесью обломков кирпичей и разного строительного мусора, вообще почва для огородов крайне неподходящая, и даже сорные травы там не росли». Главной целью было обучение раненых воинов, преимущественно из крестьян, наилучшим приемам выращивания овощей, но при этом удалось получить неплохие урожаи исключительно силами самих раненых. В двух случаях (в лазаретах при 150 и 200 раненых) своими огородными овощами пользовались до января [5. Л. 93–93 об.]. В связи с обострением продовольственной проблемы в 1916 г. возникла идея приобщить к организации общественных огородов в Петрограде широкие слои населения, прежде всего учащуюся молодежь. К заведению этим делом Елагин предлагал привлечь земскую и городскую общественность, местные чины Министерства земледелия, а при госпиталях – офицеров и чиновников военного ведомства [5. Л. 93 об.].

Отчеты попечителей учебных округов за 1916 г., а также материалы периодической печати дают неполные сведения о количестве созданных огородных дружин. Данные по некоторым учебным округам (например, Московскому), а также о дружинах при сельскохозяйственных и церковных учебных заведениях отсутствуют. Очевидно, однако, что работа школьников на общественных огородах получила широкое распространение. Так, по Виленскому учебному округу поступили сведения о работе трех огородных дружин: Быховской мужской гимназии (37 чел.), Поневежской учительской семинарии (8 семинаристов и 30 детей из

приютов), Минского частного еврейского реального училища Э.М. Хайкина (20 учеников) [7. Л. 101 об., 107 об., 122]. В Оренбургском учебном округе обрабатывали огороды дружины восьми учебных заведений: Уфимской частной мужской гимназии (36 чел.), Бирского реального училища (17 чел.), Пермской второй мужской гимназии (16 чел.), Ирбитской мужской гимназии (8 чел.), Кунгурского реального училища (12 чел.), Камышловской мужской гимназии (не менее 20 чел.), Соликамской мужской гимназии (108 чел.), Осинского реального училища (25 чел.) [7. Л. 171 об., 172, 175 об., 176, 178 об. – 181, 188 об. – 190]. В отчете по Одесскому учебному округу отмечено, что «...отличительной особенностью текущей летней компании является то обстоятельство, что некоторые учебные заведения организовали особые трудовые дружины для работ на виноградниках и для закладки и обработки общественных огородов и озаботились получением в свое распоряжение участков городской земли под означенные огороды. Весной текущего года многие учащиеся уже работали на общественных огородах, и в этом отношении первое место занимают учащиеся низших и средних учебных заведений г. Екатеринослава» [7. Л. 214].

В г. Юрьеве были устроены два общественных огорода, на которых работали смешанные дружины, составленные из учащихся разных учебных заведений: юноши из Рижской гимназии императора Николая I, Рижской городской гимназии, Юрьевской гимназии императора Александра I Благословенного, Юрьевского реального училища и ученицы Рижской Ломоносовской и Юрьевской А.С. Пушкина гимназий, отдельные учащиеся Дуббельнской гимназии Ф. Шмидтхена и Л. Берзина, Юрьевского частного женского среднего учебного заведения А. Грасса и др. [8, с. 245].

Из отчета по Петроградскому учебному округу видно, что наиболее активно огородные дружины создавались в Псковской губернии (Псковская мужская гимназия Александра I Благословенного (52 чел.), Псковская учительская семинария (16 чел.), Великолукская женская гимназия (19 чел.), Новоржевская женская гимназия (60 чел.), Холмское реальное училище совместно с учащимися других училищ, проводящих лето в г. Холм (около 100 чел.) [7. Л. 35 об. – 38] и Олонецкой губернии (Ильинское двухклассное министерское училище (10 чел.), Лодейнопольское высшее начальное училище (20 чел.), Подпорожское министерское училище (8 чел.), Олонецкое высшее начальное училище и Екатерининское двухклассное женское училище) [7. Л. 34 об. – 36].

Однако отчеты не содержали исчерпывающих сведений, что видно из данных по Петроградской губернии: в работе на огородах, судя по приведенным сведениям, были задействованы всего три учебных заведения [7. Л. 37 об. – 43]. Вместе с тем из книги П.Н. Елагина известно, что только под его началом при содействии Комиссии по организации трудовых дружин при обществе «Народная Помощь» были организова-

ны 13 школьных огородных дружин из учащихся средних и низших учебных заведений: училища при реформатских церквях, Первого и Второго Охтенских, Владимирского, Сампсониевского, Колпинского высших начальных училищ, Царскосельского, Колпинского, Кронштадтского реальных училищ, Мариинско-Сергиевской женской учительской семинарии, а также учащихся приюта Общества попечения о больных и бедных Синего креста, беженков приюта при Педагогическом обществе окончивших высшие женские курсы, воспитанниц Дома милосердия на Пороховых [9, с. 2]. Эта цифра подтверждается и материалами периодической печати [10, с. 93].

Точное число школьных огородных дружин, созданных в 1916 г., подсчитать не представляется возможным. Однако приведенные выше сведения наглядно показывают, что такие отряды создавались при учебных заведениях разных типов как мужских, так и женских.

Определим некоторые особенности работы данных дружин. Как уже говорилось, земли под огороды выделялись самые разные, в т. ч. замусоренные, истощенные, лишённые плодородного слоя, т. е. непригодные, на первый взгляд, для обработки. Например, в Петрограде местный купец Андреев уступил под огород пустырь, где были развалины старого завода, поросшие травой. «Обвалившиеся стены, раскрытый потолок, снятая крыша... Кирпичные стены торчат зубцами, в стенах проломы и обвалы и сорная трава покрывает их своей темной зеленью. Все кругом заросло бурьяном, пышным цветом цветет крапива, раскинулся лопух, желтеют цветы цикория. Стоят купою бледные березы и у самых развалин блестит тихой гладью заросший травой полувысохший пруд» [11. Л. 2]. Но, по мнению П.Н. Елагина, опубликовавшего руководство по организации школьных огородных дружин и устройству огородов в городской черте, «нет неудобных земель, а есть лишь несведущие хозяева» [9, с. 41].

Обычно перед посадкой приходилось расчищать территорию будущего огорода, снимать дерн, возить почву. Для этих целей требовались юноши постарше, а также взрослые. Иногда отмечались случаи привлечения посторонней помощи. Так, на юрьевских огородах работы начались довольно поздно (18 мая), а один из участков был сильно засорен, поэтому на первые два дня для очистки участков от мусора и перекопки земли была привлечена помощь взрослых: на Красноярском участке (имение «Яма») помогли 10 солдат Латышского запасного батальона, на Мариенгофском – на помощь были взяты две поденщицы [8, с. 247].

В Петрограде в 1916 г. из созданных Елагиным школьных дружин восемь имели собственные огороды, обрабатывавшиеся исключительно силами учеников, пять дружин работали на огородах при лазаретах, причем четыре из них были «летучими», обрабатывая поочередно десять огородов. Один из огородов был устроен прямо в центре города при содействии инспектора народных училищ Петроградского учебного окру-

га П.К. Мягкова на Бассейной улице у дома 58 на плохой замусоренной почве и попеременно обрабатывался силами трех «летучих» дружин [9, с. 2, 4].

В целом земли под огороды могли предоставляться как безвозмездно учреждениями, частными лицами, земствами, так и сдаваться в аренду. Такой пример описан в обращении в Департамент земледелия инспектора сельского хозяйства в Псковской губернии Эдуарда Августовича Дидрикиля, сообщавшего об открытии 26 апреля 1916 г. учебного огорода в черте Пскова (площадью 1 дес. 1750 кв. саж.) на земле, арендованной у Псковской каторжной тюрьмы за 200 р. [5. Л. 145].

Традиционно на огородах выращивали овощи: картофель, морковь, свеклу, репу, салат, редиску, редьку, капусту, лук, горох, иногда огурцы, зелень. На юрьевских огородах были разбиты даже небольшие цветники [8, с. 247].

Безусловно, дети, преимущественно городские, нуждались в обучении основам огородного дела, в опытном руководителе. В каждом отдельном случае эта задача решалась по-разному. В Юрьеве профессор С.В. Давид организовал две беседы по огородничеству. Дружинникам были выданы книжки Е. Горбуновой «Как развести маленький огород». В дальнейшем по просьбе Юрьевской комиссии школьных огородов Департамент земледелия прислал бесплатно еще несколько книг об обработке почвы и растениеводстве. В качестве непосредственных руководителей огородных работ были приглашены начальные учителя В.П. Кеннапу и Г.И. Карт [8, с. 247–249].

В Петрограде весной 1916 г. были проведены шесть часовых чтений по огородничеству и раздавалась соответствующая литература. Общее руководство дружинами и наблюдение за работами взяли на себя П.Н. Елагин и специалист по огородничеству, агроном Н.П. Спиченко, при этом у каждой дружины был свой руководитель от учебного заведения [9, с. VII, 2, 22]. Агрономы прежде всего оказывали помощь в планировании огорода и распределении работ [11. Л. 2 об.].

Руководство огородом в Пскове было возложено на инструктора садоводства В.И. Миронова, в помощь которому были привлечены садовод Псковского уездного земства Ковтун и один из учеников Псковского среднего сельскохозяйственного училища [5. Л. 145 об.]. Часто работами руководили педагоги образовательного учреждения, на базе которого была создана дружина. Так, работы дружины Кунгурского реального училища возглавили инструктор по огородничеству и домоводству и преподаватель естествознания этого училища [7. Л. 179 об. – 180], Соликамской мужской гимназии – директор гимназии и все ее преподаватели [7. Л. 188 об.], Быховской мужской гимназии – директор гимназии и преподаватель естествознания [7. Л. 101 об.].

Как уже отмечалось, расходы на организацию деятельности огородных дружин были значительно меньше, чем полевых. В отчетах по неко-

торым учебным заведениям можно увидеть, что расходов не было вообще, так как учащиеся выходили на работы со своим инвентарем, сами обеспечивали себя питанием, добирались до огорода пешком [7. Л. 31 об. – 32, 37 об. – 38, 101 об.]. Однако нередко организаторы дружин планировали обеспечить их участников спецодеждой, инвентарем, организовать хотя бы чаепитие. В этом случае деньги обычно выделялись из специальных средств учебных заведений [5. Л. 146; 7. Л. 33 об. – 35, 36 об. – 37, 40 об. – 41, 171 об. – 172, 175 об. – 176, 178 об. – 179, 188 об.; 8, с. 244, 253]. Поскольку часто их было недостаточно, организаторы обращались за помощью к земствам [7. Л. 36 об. – 38, 188 об.], благотворительным обществам [7. Л. 107 об., 122] (в частности, в Татьянинский комитет), непосредственно в Департамент земледелия. Сохранились документы, подтверждающие выделение Департаментом земледелия по ходатайству Дидрикия 500 р. на псковский школьный огород [5. Л. 146–151].

Как правило, расходы на огород могли быть действительно минимальными, например на работы дружины Маловишерской женской гимназии в составе 16 чел. было затрачено всего 8 р. 75 к. [7. Л. 33 об. – 34], Лодейнопольского высшего народного училища (20 чел.) – 50 р. [7. Л. 34 об. – 35], тогда как работы 11 дружинников Петроградского Третьего реального училища на огороде при школьной даче обошлись в 2 тыс. р., выделенных родительским комитетом училища [7. Л. 37 об. – 38]. При организации работ на псковском школьном огороде, помимо платы за аренду земли, 200 р. было потрачено на устройство двух клозетов и сторожки с кладовой для хранения орудий, 170 р. – на приобретение инструментов и кипяtilьника, 60 р. в месяц уходило на оплату труда руководителей работ [5. Л. 145 об.]. Отметим, что эти цифры были названы весной, при открытии огорода, и могли значительно увеличиться в ходе работ.

Как отмечалось, нередко организаторы работ заранее предусматривали расходы на питание. Так, для организации питания учащихся юрьевских дружин на каждого выделялось по 15 к. в день, однако в реальности организовать питание на эти деньги оказалось сложно: огороды находились в отдалении от центра города, собственных перевозочных средств у комиссии не было, а цены на продовольствие были достаточно высоки. В результате по окончании работ в Мариенгофе ученики отправлялись на университетскую ферму в имении «Яма» – в специально отведенное арендатором помещение, где им предоставлялись чай, молоко или простокваша с хлебом, квас и поспевшие овощи [8, с. 245]. В Петрограде дружины, работавшие при лазаретных огородах, обычно получали от лазаретов чай, а иногда и молоко, с хлебом или булками. Дружина училища при реформаторских церквях проживала в общежитии около лазаретного огорода и получала питание непосредственно в лазарете, внося за это плату [9, с. 2, 4]. В итоге на работы

12 чел. с 23 мая по 22 июня было затрачено 196 р. 23 к. (из них 136 р. 23 к. – из специальных средств училища и 60 р. – личных средств руководителя и дружинников) [7. Л. 40 об. – 41].

Как правило, огородные дружины не требовали расходов на проезд к месту работ. Однако и здесь можно было увидеть исключения из правил. Так, П.Н. Елагин отмечал, что в Петрограде, чтобы добраться до огорода, дружинникам приходилось делать 2–3 пересадки на трамвае. Поскольку эти затраты часто не компенсировались, ученики в целях экономии шли пешком и на огород приходили уже уставшими, что отражалось на продуктивности работ [9, с. 6].

Учитывая, что в работах часто принимали участие дети из бедных семей, а производимые работы приводили к преждевременному износу одежды и обуви, иногда для учащихся предусматривалась спецодежда. Елагин пишет, что для девочек, работавших в передвижных дружинах, были сшиты передники и куплены белые платки, чтобы избежать солнечного удара [9, с. 6]. А.Н. Троицкий, директор Юрьевской учительской семинарии, тоже отмечал специально сшитые для юрьевских дружинников передники, а также специальную обувь. Юрьевской уездной тюрьмой были изготовлены особые башмаки на деревянных подошвах с брезентовых верхом, наподобие тех, что употребляли на полевых работах крестьяне Литвы. Однако пара таких башмаков обошлась в 1 р. 80 к., что вынудило искать варианты дешевле. Из кустарного склада Костромского губернского земства была приобретена партия лаптей, стоимость которых с доставкой составила 51 к. за пару. «Молодежь очень полюбила эту обувь и охотно приходила в ней из города на работы» [8, с. 246].

Работы дружинами, как правило, производились посменно, продолжительность смены составляла 3–5 ч. Если численность дружины была велика, то работы отдельного ученика не были ежедневными. Некоторые дружины совмещали работы и учебные занятия [7. Л. 181; 9, с. 4].

Выращенный на огородах урожай передавался в лазареты, на нужды армии, нередко просто продавался населению. Например, дружина Кронштадтского реального училища выращенные на собственном огороде овощи продала с аукциона, выручив 400 р. Деньги были внесены в сиротский училищный фонд для помощи детям жертв войны [9, с. 2].

Юрьевские дружины первоначально планировали придержать урожай до времени максимального повышения цен, после чего пустить в продажу по сниженным ценам, а самим дружинникам – на льготных условиях. Но продолжительная холодная и ненастная погода, заставившая спешить с уборкой урожая, отсутствие рабочей силы, помимо учащихся, которые уже приступили к занятиям, перевозочных средств для доставки овощей на место хранения – все это заставило поменять планы. В итоге овощи на корню продали по сниженным ценам РОКК при условии, что треть урожая поступала в распоряжение Юрьевской комиссии школьных огородов для продажи дружинникам за половину рыноч-

ной стоимости «и потрудившимся на пользу дела» за 75 %, а вырученные деньги оставались комиссии. Всего от продажи овощей было выручено 911 руб. 2 к., истрачено на нужды огородов 932 р. 93 к. Наибольшие суммы были потрачены на питание (138 р. 12 к.), инвентарь (225 р. 35 к.), семена и рассаду (102 р. 37 к.). На первый взгляд, работа двух дружин оказалась нерентабельной, однако следует учесть некоторые обстоятельства. Во-первых, овощи были проданы не по рыночным, а по сниженным ценам. Во-вторых, часть овощей была отдана дружинникам бесплатно: горох, морковь, укроп, салат, редис потреблялись еще летом, картофель, капуста, свекла частично раздавались уже осенью. В-третьих, дружинникам не удалось обеспечить должную охрану огородов, находившихся на открытом месте у людных дорог, в результате часть овощей была разворована. В-четвертых, отсутствие опыта огородных работ не позволило получить высокие урожаи. Вместе с тем приобретенный инвентарь можно было использовать и на следующий сезон [8, с. 251–252, 254].

Показательной оказалась работа юрьевских дружин в другом плане. Изначально было решено, что работы дружин должны иметь и образовательное значение. Учащиеся ежедневно вели дневники, фиксируя в них явления огородной жизни, проводились еженедельные беседы с профессором Давидом, занятия по гербаризации. Были организованы экскурсии в ближайшие имения для ознакомления с образцами огородных культур. Уже в мае было принято решение об организации заключительной выставки, чтобы познакомить с жизнью школьных огородов и обеспечить пропаганду нового дела. Экспонаты (фото, образцы овощей, инвентаря, диаграммы, планы участков, чучела вредных и полезных птиц, иллюстрированные таблицы вредителей, гербарии и семена вредных растений, отражение жизни огородов в местной печати, краткий очерк жизни дружин на русском и эстонском языках) были представлены на Юрьевской эстонской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 10–12 сентября 1916 г. Оформление выставки обеспечил учитель рисования Юрьевской учительской семинарии, художник-декоратор П.Н. Красильников. Дежурство у витрин несли сами дружинники. Комиссии была присуждена в качестве первого приза серебряная медаль за овощи, огородные планы и литературу [8, с. 250–251].

В целом современники положительно оценивали результаты деятельности огородных дружин как с экономической, так и с педагогической точки зрения. Огородные работы «научили детей любить природу, научили уважать физический труд, внесли незаметно для дружинников в их головы в высшей степени полезные знания, сплотили дружину в одно целое сильное, доброе и дружное ядро, которое представляет собою действительно "дружину"», – отметил в своем докладе член Юрьевской комиссии школьных огородов П.Д. Осипчук [8, с. 254]. Начатое в 1916 г. дело виделось весьма перспективным. К сожалению, сведений о деятельности огородных дружин в 1917 г. практически не сохранилось.

Список литературы

1. Карпова В.В., Семенова Л.Н. Молодежные трудовые дружины в годы Первой мировой войны // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с международ. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 5. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 148–157.
2. Минакова В.П. К истории организации в России движения трудовых ученических дружин. – Воронеж: АОНО «ИММиФ», 2002. – 15 с.
3. Карпова В.В. К вопросу о рентабельности деятельности ученических трудовых дружин в годы Первой мировой войны (1915–16 гг.) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 370–377.
4. Школа и жизнь. – 1915. – № 28. – 13 июля. – С. 7.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 196. Д. 949.
6. Трудовые дружины учащихся и их устройство. Сборник справочных сведений, составленных Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте Земледелия. – Пг.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1916. – 36 с.
7. РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948.
8. Троицкий А. Юрьевские школьные огороды // Изв. по нар. образованию. – 1917. – Март-апрель. – С. 243–254.
9. Елагин П.Н. Трудовые огородные детские дружины. Основы огородничества. – Пг.: Тип. училища глухонемых, 1917. – VIII+182+VI стр.
10. Трудовые дружины общества «Народная Помощь» // Сельскохозяйственное образование. – 1917. – № 2. – С. 93–94.
11. РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 639.

References

1. *Karpova V.V., Semenova L.N. Molodezhnye trudovye druzhiny v gody Pervoi mirovoi voyny.* [The youth labor squads in the period of The First World War.] *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii* [The capital and the provinces: the relations between the center and the regions in Russian history]: *materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchast.* [the materials of the National scientific conference allowing international participants] / *otv. red. V.V. Karpova. Vyp. 5.* – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2014. – S. 148–157.
2. *Minakova V. P. K istorii organizatsii v Rossii dvizheniya trudovykh uchenicheskikh druzhin.* [To the question of the history of the pupils labor squads movement organization in Russia]. – Voronezh: AONO «IMMiF», 2002. – 15 s.
3. *Karpova V. V. K voprosu o rentabel'nosti dejatel'nosti uchenicheskikh trudovykh druzhin v gody Pervoj mirovoj vojny (1915–16 gg.)* [To the question of profitability activities of pupils' labor squads of World War I period (1915-16)] // *Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost'.* [The material factor and business in everyday life the population of Russia: the history and modernity]: *Sbornik materialov mezhdunar. nauch. konf.* [the materials of the International scientific conference] / *pod obshh. red. prof. V.N. Skvorcova, otv. red. V.A. Veremenko.* – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. – S. 370–377.
4. *Shkola i zhizn'.* [The school and the life]. – 1915. – № 28. – 13 iyulya. – S. 7.
5. *Rossiyskiy gosudarstvenny istoricheskiy arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. F. 733. Op. 196. D. 949.
6. *Trudovye druzhiny uchashchikhsya i ikh ustroistvo.* [The labor squads of pupils

and their organization.] *Sbornik spravochnykh svedenii, sostavlennykh Komissiei po vneshkol'nomu sel'skokhozyaistvennomu obrazovaniyu, sostoyashchei pri Departamente Zemledeliya*. [The handbook compiled by The Committee on the Extracurricular Agricultural Education, working by The Department of Farming]. – Pg.: Tip. V.F. Kirshbauma, 1916. – 36 s.

7. RGIA. F. 733. Op. 196. D. 948.

8. *Troickij A. Jur'evskie shkol'nye ogorody* [Yuryev school plots] // *Izvestija po narodnomu obrazovaniju*. – 1917. – *Mart-aprel'*. – S. 243–254.

9. *Elagin P. N. Trudovye ogorodnye detskie druzhiny. Osnovy ogorodnichestva*. [The labor garden squads of juveniles. The basics of gardening]. – Pg.: Tipogr. Uchilishcha glukhonemykh, 1917. – VIII+182+VI s.

10. *Trudovye druzhiny obshchestva "Narodnaya pomoshch"* [The labor squads of the society "People help"] // *Sel'skokhozyaistvennoye obrazovaniye* [Agricultural education]. – 1917. – № 2. – Pp. 93–94.

11. RGIA. F. 398. Op. 75. D. 639.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 504.75 (091)

Г.Ю. Афанасьев

Экологическая проблема загрязнения больших городов в истории повседневности Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Окончание промышленного переворота в России и переход развития её экономики в новую фазу незамедлительно отразился на росте населения главных индустриальных центров страны. Увеличение численности жителей и площади застройки, усложнение внутренней инфраструктуры вместе с применением новых, разрушающих окружающую среду технологий делало вопрос загрязнения жизненного пространства российских столиц и крупных городов чрезвычайно актуальным. Медленное освоение полезного европейского опыта в благоустройстве мегаполисов, недостаточная санитарная оснащённость, организационная нерасторопность и просчеты в муниципальной политике правительства империи довели экологическое состояние Петербурга и Москвы до критического. Несмотря на отдельные позитивные сдвиги на местах в суммарном освоении зарубежных санитарно-экологических наработок, коренному пересмотру принципов и форм управления хозяйством крупных российских городов в индустриальную эпоху мешали политические страсти и партийные противостояния 1900-х гг., участие в этих неконструктивных, зачастую антиправительственных процессах представителей городского самоуправления и общественности. Общегосударственный кризис власти в России находил своё отражение, в частности, и здесь – в отсутствии действенного решения острой экологической проблемы.

The end of the first wave of industrial revolution and appearing the new phase of technological progress influenced increasing growth of the population of the big cities. Increasing growth of the population and urban development, complication of the city's infrastructure by using the new technologies of the end of 19th century – all this made the problem of urban pollution to be one of the most actual problems of the municipal control of capital and industrial centers. In case of bad sanitation, structural problems and miscalculations of the main authorities, bad tempo in accumulation of European experience of urban planning the ecological situation in the big cities of Russia became critical. In spite of positive changes in ecological monitoring, a necessity of solving the problem of increasing urban pollution makes actual for the authorities the fundamental changes in urban politics and control, but the political situation in the country and involving the municipal management makes it unrealizable. Cause of these reasons problems of urban pollution in Russian big cities before revolution weren't solved.

Ключевые слова: экология, загрязнения, санитарные условия, города, Российская империя, водоснабжение, охрана водных ресурсов.

Key words: ecology, pollution, sanitation, cities, Russian Empire, plumbing, water waste secure.

Во второй половине XIX – начале XX в. Россия испытывала бурный рост экономики, реализуемый преимущественно за счет новой промышленно-технической базы. По всей стране открывалось множество предприятий, начинали формироваться на другой технологической основе первые индустриальные районы добывающей (Донбасс, Баку, Кузбасс), тяжелой (Урал), легкой промышленности (Московский центр, Юго-Западный край). Развитие и освоение новейшей инфраструктуры происходило прежде всего в крупных городах – старых и новых производственных, транспортно-узловых и военно-стратегических центрах Российской империи. Открытие в связи с этим иного потенциала занятости и заработка для населения, преобразования в социальной сфере, вызванные Великими реформами 1860-х гг., сказались на увеличении численности городского населения страны. Если в 1860 г. горожан Российской империи было 8.157 тыс. чел., то к 1897 г. их число увеличилось до 16.785 тыс. чел. [1, с. 25]. Население Петербурга достигло к 1863 г. 540 тыс. и выросло, за предшествующие шесть с половиной десятилетий с 1800 г., всего в 2,5 раза, прибавляя в среднем за 10 лет по 50 тыс. чел., тогда как между 1863 и 1891 гг. прибавление составляло 175 тыс. чел. в десятилетие, т. е. в 3,5 раза больше, чем в предшествующие годы, и достигло к 1895 г. 1,1 млн жителей [2, с. 15]. В 1890–1910-е гг. Петербург пережил еще более резкий рост населения: с 954 тыс. в 1890 г. до 1 млн 418 тыс. в 1900 г., 2 млн в 1912 г. и 2 млн 420 тыс. в 1917 г. [3, с. 10]. Подобные же интенсивные прибавления происходили и в других крупных центрах империи [4, т. 38, с. 932; т. 10, с. 555; т. 42, с. 727; т. 29, с. 318; т. 52, с. 680; т. 73, с. 109; т. 56, с. 409].

Умножение численности жителей больших городов, скученность проживания массы людей объективно порождали естественные сопутствующие сложности их биологическому существованию: проблемы с качественным водоснабжением, влиянием на самочувствие горожан результатов скопления промышленных и бытовых нечистот и организации своевременного удаления последних для предотвращения распространения эпидемических заболеваний (прежде всего, являющихся прямым последствием нарушения экологического равновесия среды – дизентерии, холеры, брюшного тифа). Эти эпидемии подчас становились главными городскими бедствиями (например, эпидемии холеры в Санкт-Петербурге в 1866–72 и 1908–10 гг., в Харькове в 1909–10 гг. и Саратове в 1893 г.). Существенно усложняли эти проблемы перегруженность городского жилого фонда столиц, старые подходы в логистике при размещении предприятий на городском пространстве (многие из крупнейших заводов и фабрик Санкт-Петербурга, Москвы, Харькова, Киева, Саратова, открытые во второй половине XIX в. на новой энергетической основе, размещались, тем ни менее, по устаревшим принципам доиндустриальной эпохи на берегах рек и водоемов или в непосредственной близости от густонаселенных жилых кварталов), а также старых методов прове-

дения организации ассенизационных и очистительных мер [5, с. 29–30; 6, с. 116]. В связи с этим экологическая обстановка в крупных центрах России оказывалась даже более худшей, нежели в европейских мегаполисах, осуществивших в течение второй половины XIX в. значительное переустройство городских пространств [7. Л. 152 об.; 4, т. 44, с. 802–803]. Например, только общий объем среднесуточного выброса нечистот в реки Санкт-Петербурга в период 1896–1908 гг. увеличился в 3,7 раза, составив 960 тыс. т [8. Л. 116], что было только в 1,8 раза меньше среднесуточного объема сброса нечистот в Лондоне, крупнейшем на тот момент мегаполисе мира, превосходившем население Петербурга в 3,4 раза [7. Л. 152 об.]¹. Согласно санитарному обследованию районов города медицинской полицией, произведенному согласно распоряжению градоначальника генерала-адъютанта Н.В. Клейгельса в 1896 г., петербургская почвенная вода в сравнении с водами 1872 г. отхожих и промышленных стоков 16 крупнейших городов Англии, включая Лондон, оказалась более загрязненной, чем английская, а в сравнении с общей загрязненностью рек и каналов Петербурга – сопоставимой [9, с. 283]. О трудностях экологического состояния городов Поволжья конца XIX в. указывал в своем отчете сенатор В. Лихачев, посланный на место высочайше утвержденной под председательством принца Ольденбургского комиссией по предупреждению занесения в империю чумной заразы в 1897 г.: «...население в буквальном смысле тонет в собственных нечистотах, отравляя ими воздух, безжалостно загрязняя городскую почву и почвенные воды, или более-менее открыто спускает их в Волгу и ее притоки» [10, с. 7].

Согласно данным управления главного врачебного инспектора МВД, основными источниками загрязнения городской среды в начале XX в. выступали: бытовые отбросы в 146 городах и поселениях, фабричный и промышленный сток – в 86, сточные воды улиц и бань – в 55, бань – 2, поглощающих колодцев и отстойников – 24, стоянок судов и сплава – 19, мельничных запруд – 11, свалок – 9, наносного слоя ила – 7, кладбищ – 6, боен – 4. В 90 из 1078 городских поселений России удаление загрязнений вовсе не производилось [11. Л. 172]. При этом затраты на бытовую ассенизацию и очистку оказывались для городских бюджетов гораздо большими (!), нежели в городах Европы. По расчетам 1894 г. вывоз бытовых нечистот из центральной и южной частей Петербурга обходился казне города в 4 млн 274 тыс. р. в год, что было в три раза больше, чем затраты на все очистительные меры Берлина, к тому моменту в три раза превышающего по численности город на Неве [9, с. 131].

В крупных промышленных и транспортных центрах России в конце XIX в. происходило увеличение загрязнений за счет более опасных для экологической среды промышленных отходов. Так, на полный объем

¹ Составлявшего на 1907 г. 1.380.945 т при населении в 5 млн 428 тыс. чел.

среднесуточного отхожего стока Санкт-Петербурга на 1908 г. объем отходов промышленных предприятий составлял 720 тыс. т, что в доленом отношении составляло 3/4 от всех загрязнений [12, с. 29–31]. С начала 1880-х гг. для многих районов города возникает проблема загрязнения воздуха от токсичных выбросов в атмосферу заводов и фабрик, а также железнодорожной сети и активного речного пароходного сообщения, в связи с чем увеличивалась смертность от легочных заболеваний, составляя 11,5 % (до 3.500 чел. в год) от смертности за год, располагаясь на 3-й позиции в рейтинге распространенных смертельных недугов по статистике Городской думы на 1900 г. Характерным явлением рабочих районов столицы стал смог или запах газа [4, т. 44, с. 806; 13, с. 259]. Рост промышленных загрязнений водной и воздушной среды проявлялся и в других городах складывающихся промышленных центров (Москвы, Баку, Харькова) [14, с. 272].

Наиболее показательным следствием общего загрязнения городского пространства было понижение качества водно-питьевых ресурсов городов. В ходе анкетирования городских и земских органов в 1911 г., проведенного управлением главного врачебного инспектора МВД Л.Н. Малиновского, качество воды в 44 городских поселениях Российской империи, признавалось крайне загрязненным, еще в 127 населенных пунктах – весьма посредственным [15. Л. 9–11]. Проблема организации правильного городского водоснабжения и канализации отходов с учетом новых технических реалий являлась одной из самых актуальных для городского хозяйства России. С 1870 по 1914 г. в русских городах Европейской части было построено 135 водопроводов и 13 канализационных систем, однако лишь шесть крупных городов империи (Одесса, Ростов-на-Дону, Варшава, Москва, Тифлис, Киев) были оборудованы полным комплексом. Не во всех городах водопроводы и канализация имели полный охват, фактически удовлетворяя лишь от 30 до 70 % населения. По данным переписи 1920 г. в 13 городах Европейской России в квартирах без санузлов проживало 73 чел. из 100 [16, с. 328].

Основной пик строительства водопроводной и канализационной сети в российских городах падает на 1890–1910 гг. После этого центральное водоснабжение получили 65 губернских городов империи, причем до 70 % из них брали ее из близлежащих общедоступных водоемов, канализацией были оснащены только 13 губернских и уездных городов [15. Л. 11–11 об.]. Происходивший на этом фоне резкий рост численности населения в городах значительно снижал эффективность от этих позитивных мер. К примеру, построенные в 1889–98 гг. на столичном водопроводе фильтры ежесуточно способны были очищать до 4.971.300 т воды ежегодно, при среднем городском годовом потреблении воды в 1899 г. 99.972.843 т [4, т. 44, с. 806]. Необходимость радикальной перестройки городского хозяйства на модернизированной технической основе с учетом возникновения новых проблем существенно тормозилась

отсутствием общей законодательно-нормативной базы в санитарной, природоохранной и экологической и других областях, а также особенностями пореформенного городского управления.

Ухудшающееся во второй половине XIX – начале XX в. экологическое состояние многонаселенных центров России и в связи с этим необходимость противодействия ширящемуся загрязнению городских пространств, находили отклик в действиях центральной и муниципальных властей, а также городской и научной общественности. И если в период 1870–80-х гг. их действия не выходили за рамки отдельных частных жалоб и научного просветительства, а также частных регламентаций в нормативной базе муниципального законодательства, то в 1890-х гг. действия общественности и властей активизировались в более значительных инициативах [17, с. 56; 18, с. 262]. В 1879–85 гг. санитарной комиссией московского земства под руководством врачей-гигиенистов Московского университета Ф.Ф. Эрисмана, А.В. Погожева и Е.М. Дементьева было проведено обследование санитарного состояния фабрик и заводов Москвы и губернии [19, с. 287]. В 1889 г. по настоянию Петербургской городской думы и городского головы В.И. Лихачева при Обществе естествоиспытателей под руководством академика В.В. Докучаева образовалась Комиссия для исследования экологической ситуации Невского бассейна и столицы в целом («Невская комиссия»). Одним из направлений её деятельности было санитарно-гигиеническое состояние города и изучение качества водоснабжения [20].

18 марта 1894 г. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте была учреждена «Комиссия для составления проекта Положения об устройстве и содержании промышленных заведений и складов и о надзоре за производством в них работ». На заседаниях комиссии специально рассматривался вопрос о вреде, причиняемом промышленными предприятиями городскому населению. Для доработки этого законоположения в 1897 г. было создано совещание при департаменте торговли и промышленности Министерства финансов. В письме московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу С.Ю. Витте сообщал, что им «обращено особое внимание означенного департамента на вопрос об определении в законе существа требований, которые могут и должны быть предъявляемы промышленникам по части обезвреживания сточных грязных вод [21. Л. 1; 14, с. 270].

7 февраля 1898 г. в г. Москве была создана «Комиссия для изыскания средств к предупреждению загрязнения Москвы-реки спускаемыми в нее с различных фабрик и заводов отработанными водами», которую возглавил губернатор А.Г. Булыгин. Комиссия обсуждала как общие принципы по порядку спуска отработанных вод, так и конкретные меры по отношению к фабрикам и заводам, спускавшим отработанную воду в Москву-реку. Санитарная обстановка в Москве ухудшилась настолько, что генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович вынужден

был просить высшую власть разрешить наказывать виновных в нарушении обязательных постановлений городской думы своей властью, минуя ряд промежуточных инстанций. «Москва, – писал великий князь Сергей Александрович министру внутренних дел И.Л. Горемыкину, – расположенная на гористой местности и раскинутая своим населением, представляла бы, казалось, лучшие данные для обеспечения обывателям вполне гигиенических условий жизни, тем не менее столица по развитой в среде жителей болезненности и смертности в процентном отношении стояла в течение многих лет в ряду с городами, расположенными при самых неблагоприятных условиях». Великий князь задумался о качестве воды Москвы-реки, издав указ о запрете слива отработанных фабричных вод, но благодаря усилиям московского фабриканта Н.А. Найдёнова, не желавшего закрытия таких крупных своих фабрик, как Трёхгорная мануфактура, этот указ так и не был приведён в фактическое исполнение [21. Л. 1; 14, с. 270]. В 1900 г. направленная на Волгу специальная медицинская комиссия под предводительством члена Совета Министерства внутренних дел статского советника К.М. Шидловского для изучения ситуации с загрязнениями реки Волги, в состав которой наряду с должностными лицами входили известные русские ученые-гигиенисты Ф.Ф. Эрисман и Г.В. Хлопин, установили значительные загрязнения нефтью реки в районах портов Нижнего Новгорода, Астрахани, Царицына, а также окрестностей Баку, где «извержения нефти носят стихийный характер и нефтяные фонтаны, выбрасывая в день иногда миллионы ведер, образуют целые озера, попадание нефти в море почти неустранимо, тем более, что там имеются даже естественные выходы нефти с морского дна» [22. Л. 3 об.].

В 1901 г. при Министерстве внутренних дел было создано Особое совещание по управлению врачебно-санитарным делом в городах под председательством товарища министра князя А.Д. Оболенского. В 1902 г. по инициативе промышленников-сахарозаводчиков и властей Юго-Западного края (Киевская, Волынская, Подольская губернии) при поддержке генерал-губернатора М.И. Драгомирова начала работу экспертная комиссия для обследования промышленного загрязнения водных ресурсов и выработки точных правил для предприятий по степени очистке отработанной воды для этого района [23. Л. 329–333].

12 июля 1911 г. при Министерстве торговли и промышленности был образован «Комитет по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района» (Московская, Владимирская, Тверская губернии) от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов. В обе комиссии входили научно-технические представители на положении постоянных экспертов, представители местной муниципальной и центральной власти, а также промышленники и фабриканты [24. Л. 85–86 об.]. В 1912 г. по настоянию члена Московской городской думы Н.В. Щенкова, обратившегося с соответствующей докладной запиской к городскому го-

лове Н.И. Гучкову, была создана городская оздоровительная комиссия, занимавшаяся вопросами предотвращения загрязнения и выбросов на территории Москвы. В состав входили И.И. Вавилов и городской архитектор Р.И. Клейн. В круг вопросов комиссии попадали и городские экологические вопросы. Это был фактически первый орган, который возглавил борьбу за экологическую чистоту второго по величине города России [18, с. 264–265]. Таким образом, к началу XX в. в России происходит постепенное образование первых органов государственного контроля и общественного мониторинга за экологической ситуацией на местах в активно индустриализирующихся регионах России.

Возникшие проблемы городского пространства вызывали необходимость подготовки общероссийских комплексных законодательных мер в области санитарно-эпидемической и экологической сферы. Начало XX в. было ознаменовано разработкой на основе отечественного и зарубежного опыта ряда комплексных законопроектов в сфере охраны окружающей среды. Особо важное место заняли проекты законов «О санитарной охране воздуха, воды и почвы» (1913) и «О санитарной охране воздуха от загрязнения дымом» (1914), касающиеся прежде всего переустройства городского хозяйства и активного внедрения новых технологий водоснабжения и канализации населенных пунктов. Тем не менее, утвердить эти проекты в качестве законов до 1917 г. так и не удалось [25, с. 18].

К началу XX в. качественное санитарно-гигиеническое и экологическое оздоровление жизненно необходимого пространства больших городов империи требовало коренного пересмотра принципов и форм управления городским хозяйством в России, чему, однако, не способствовала кризисная политическая обстановка в стране, своеобразная вовлеченность в антиправительственную деятельность представителей городского самоуправления и общественности в виде саботажа многих конструктивных начинаний со стороны власти по рассматриваемому в данной статье вопросу.

Сопутствующее промышленному перевороту и активной урбанизации агрессивное воздействие на окружающую среду привело к возникновению первых трудностей экологического характера, ощутимых для жителей мегаполисов – промышленному и бытовому загрязнению городского пространства. Стоит отметить, что в результате объективных и субъективных просчетов в оценках и подходах, методах и способах решения, с одной стороны, государственной администрации на местах и, с другой – оппозиционно настроенного городского самоуправления, вопрос загрязнения больших российских городов стоял для простого населения гораздо острее, нежели у горожан индустриальных центров Западной Европы и Северной Америки. Все это создавало дополнительный источник народного недовольства центральной и муниципальными властями Российской империи в весьма непростой общественно-политической ситуации 1900–10-х гг.

Список литературы

1. Лисичкин С.М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. – М.: Гостоптехиздат, 1954. – 404 с.
2. Сухорукова А. «Кризис большого города» и городское самоуправление Петербурга в начале XX в. // Город и горожане в России XX века: материалы рос.-франц. семинара 28–29 сент. 2000 г. – СПб.: КОНТРФОРС, 2001. – С. 15–17.
3. Материалы по статистике Петрограда. – Вып. 1. – Пг., 1920. – 141 с.
4. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Терра, 1992.
5. Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы, 31 января 1902 г. Вып. 2. – М., 1902. – 64 с.
6. Араловец Н.А. Смертность городского населения России в 90-е годы XIX в. – 20-е годы XX в.: социально-экологический аспект // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 113–125.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 565. Оп. 5. Д. 20397.
8. РГИА. Ф.1298. Оп. 1. Д. 2184.
9. Город Санкт-Петербург с точки зрения медицинской полиции / под ред. ст. врача И. Еремеева. – СПб., 1897. – 740 с.
10. Лихачев В. Всеподданнейший отчет и санитарное описание мест Поволжья. – СПб., 1898. – 152 с.
11. РГИА. Ф. 1288. Оп. 16. 1911. Д. 40.
12. Рашкович С.Л. К вопросу о влиянии фильтрованной воды на уменьшение инфекционных заболеваний и вообще заболеваний холерой. – СПб., 1909. – 39 с.
13. Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Записки очевидцев. – Л.: Лениздат, 1991. – 269 с.
14. Давыдов А.Н. Государственная политика России по защите окружающей среды от загрязнения в контексте решения демографических проблем в конце XIX начале XX веков // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 268–276.
15. РГИА. Ф.1288. Оп. 16. 1911. Д. 40.
16. Труды Центрального Статистического управления. – Вып. 8. – М., 1922. – Т. 2. – 588 с.
17. Малинова О.Ю. Бегство от грязи. Санкт-Петербург и дачи вокруг него во второй половине XIX – начале XX вв. // Отечественные записки. – 2007. – № 2(38). – С. 56–67.
18. Истомина Э.Г. Природоохранное законодательство в сфере благоустройства городов России в XVIII – начале XX в. // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 254–263.
19. Волков В.А., Куликова М.В. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Естественные и технические науки. – М.: Янус-К, 2003. – 293 с.
20. Янин Е.П. К истории экологических исследований города Санкт-Петербурга и его окрестностей // История науки и техники. – М., 2010. – № 1. – С. 47–55.
21. Центральный Государственный исторический архив г. Москвы. Ф. 16. Оп. 13. Д. 250.
22. РГИА. Ф.1149. Оп. 13. 1904. Д. 55-а.
23. РГИА. Ф.1288. Оп. 16. 1911. Д. 40.
24. РГИА. Ф.1288. Оп.16. 1910. Д. 18.
25. Насонова А.В. Правовое регулирование охраны природы в Российской империи (XVIII – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – 28 с.

References

1. *Lisichkin S.M.* Ocherki po istorii razvitiya otechestvennoi neftyanoi promyshlennosti. [Sketches about history of the oil industry]. – M.: Gostoptekhizdat, 1954. – 404 p.
2. *Sukhorukova A.* «Krizis bol'shogo goroda» i gorodskoe samoupravlenie Peterburga v nachale XX v. ["Crisis of the big city" and the self-government of St-Petersburg at the beginning of the 20-th century]. // Materialy rossiisko-frantsuzskogo seminara 28–29 sentyabrya 2000 goda. [City and citizens. Material of Russian-France workshop September 28-29 of 2000]. – St-Petersburg. "CONTROFORSE" Publ. 2001. – P. 15–17.
3. *Materialy po statistike Petrograda.* Vyp.1. [Petrograd's statistic materials. Vol. 1]. – Petrograd, 1920. – 141 p.
4. *Entsiklopedicheskii slovar' F.A.Brokgauza i I.A.Efrona.* [Encyclopedia F.A.Brokgauz and I.A.Efron. Reprinted Edition]. – St. Petersburg, "Terra" Publ, 1992.
5. *Glavneishie predvaritel'nye dannye perepisi g. Moskvy, 31 yanvarya 1902 g.* Vip. 2. [The main preliminary dates of census of city of Moscow, 31-th of January. Volume 2]. – Moscow, 1902. – 64 p.
6. *Aralovets N.A.* Smertnost' gorodskogo naseleniya Rossii v 90-e gody XIX v. – 20-e gody XX v.: sotsial'no-ekologicheskii aspekt [The mortality of the urban population in Russia in 90-s of 19-th century – 20-s of 20-th century: socio-ecological aspect] // Istoricheskaya ekologiya i istoricheskaya demografiya. Sb. nauchnykh statei. Pod red. Yu.A. Polyakova [Historical ecology and historical demography. Volume of reviews edited by Y.A. Poliakov]. – M.: ROSCPEN Publ., 2003. – P. 113–125.
7. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). [The Russian State Historical Archives]. F. 565. Op. 5. D. 20397.
8. RGIA. F.1298. Op.1 D.2184. L.115.
9. *Gorod Sankt-Peterburg s točki zreniya meditsinskoj politsii.* Pod red. star. vracha I. Eremeeva [The city of St.-Petersburg from point of medical police. Edited by the chief surgeon I. Eremeev]. – St.-Petersburg, 1897. – 740 p.
10. *Likhachev V.* Vsepoddanneishei otchet i sanitarnoe opisanie mest Povolzh'ya. [A humbly report and a health description of the places of Povolgie]. – St-Petersburg, 1898. – 152 p.
11. RGIA. F. 1288. Op.16. 1911. D. 40.
12. *Rashkovich S.L.* K voprosu o vliyanii fil'trovannoi vody na umen'shenie infektsionnykh zabolevanii i voobshche zabolevanii kholeroy. [In case of influence of filtered water on decreasing of infected diseases and cholera at all]. – St.-Petersburg, 1909. – 39 p.
13. *Zasosov D.A., Pyzin V.I.* Iz zhizni Peterburga 1890–1910-kh godov. Zapiski ochevidtsev. [From the life of St.-Petersburg. Eyewitnesses note's.]. – Leningrad, Lenizdat Publ., 1991. – 269 p.
14. *Davydov A.N.* Gosudarstvennaya politika Rossii po zashchite okruzhayushchei sredy ot zagryazneniya v kontekste resheniya demograficheskikh problem v kontse XIX nachale XX vekov [States policy of Russia in environmental secure in case of salvation of demographical problems at the end of 19-th – beginning of 20-th century] // Istoricheskaya ekologiya i istoricheskaya demografiya. Sb. nauchnykh statei. Pod red. Yu.A.Polyakova. [Historical ecology and historical demography. Volume of reviews edited by Y.A.Poliakov]. – M.: ROSCPEN Publ., 2003. – P. 268–276.
15. RGIA. F. 1288. Op. 16. 1911. D. 40.
16. *Trudy Tsentral'nogo Statisticheskogo upravleniya.* Vyp.8. T. 2 [Proceedings of the Central service of statistics. Vol. 8. Book 2]. – Moscow, 1922. – 588 p.
17. *Malinova O.Y.* Malinova O.Yu. Begstvo ot gryazi. Sankt-Peterburg i dachi vokrug nego vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Escape from dirt. St-Petersburg and suburbs around in the second part of 19-th beginning of 20-th century] // Otechestvennye zapiski [Native notes]. – St-Petersburg. – 2007. – № 2 (38). – P. 56–67.

18. *Istomina E.G.* Prirodookhrannoe zakonodatel'stvo v sfere blagoustroistva gorodov Rossii v XVIII- nachale XX veka. [Environmental legislation in case of urban improvement in Russia in 18–20 centuries] // *Istoricheskaya ekologiya i istoricheskaya demografiya*. Sb. nauchnykh statei. Pod red. Yu.A. Polyakova. [Historical ecology and historical demography. Volume of reviews edited by Y.A. Poliakov]. – Moscow. ROSPEN Publ., 2003. – P. 254–263.

19. *Volkov V.A., Kulikova M.V.* Moskovskie professora XVIII – nachala XX vekov. Estestvennye i tekhnicheskie nauki. [Moscow professors of 18-th – beginning of 20-th centuries. Natural and exact sciences]. – Moscow, Yanus-K Publ., 2003. – 293 p.

20. *Yanin E.P.* K istorii ekologicheskikh issledovaniy goroda Sankt-Peterburga i ego okrestnostei [To the question of the ecological researchers of the St-Petersburg and suburbs] // *Istoriya nauki i tekhniki*. [History of science and technology]. – Moscow. – 2010. – № 1. – P. 47–55.

21. Central'nyj Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv g. Moskvy (CIAM). F. 16. Op. 13. D. 250.

22. RGIA. F. 1149. Op. 13. 1904. D. 55-a.

23. RGIA. F. 1288. Op. 16. 1911. D. 40.

24. RGIA. F. 1288. Op. 16. 1910. D. 18.

25. *Nasonova A.V.* Pravovoe regulirovanie okhrany prirody v Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka). Avtoref. dissert. kand. ist. nauk. [Legal regulation of the nature's protection in Russian empire. Abstract of PhD work]. – Moscow, 2012. – 28 p.

Как в Ленинграде в 1932 г. искали смокинг и вечернее платье

Настоящая статья касается одного из эпизодов повседневной жизни Ленинграда начала 1930-х гг., а именно, отправке молодых пианистов из Ленинградской консерватории на Международный конкурс им. Ф. Шопена в Варшаву в 1932 г. Частный случай позволяет показать ситуацию товарного «голода» и проблемы советской распределительной системы в контексте политической и экономической ситуации в Советском Союзе в начале 1930-х гг. Также затрагиваются вопросы использования культурных ресурсов в международных отношениях, роль Всесоюзного общества по культурным связям с границей (ВОКС) в пропаганде советского искусства. Статья основана на материалах Центрального архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, а также источниках личного происхождения – дневниках, частной переписке и мемуарах.

This article is devoted to one episode of everyday life in Leningrad in early 1930s – the dispatch of young pianists from Leningrad Conservatory to International Fryderyk Chopin Piano Competition in Warsaw in 1932. Special case allows to show Soviet system of distribution and problems with goods shortage in Soviet Union in early 1930s. This work addresses the issues of using of cultural resources in international relations and the All-Union Society of Cultural Relations with Abroad (VOKS) activity on Soviet art propaganda. The article is based on archive material from Central archive of literature and art in St. Petersburg and personal sources – diaries, correspondence, memoirs.

Ключевые слова: Центральный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), Международный конкурс пианистов им. Ф. Шопена, Ленинградская консерватория, Ленинградское представительство ВОКС, 1930-е годы, «товарный голод», советская распределительная система, культурная политика, советское искусство.

Key words: Central archive of literature and art in St. Petersburg (TsGALI SPb), International Fryderyk Chopin Piano Competition, Leningrad Conservatory, Leningrad branch of All-Union Society of Cultural Relations with Abroad (VOKS), 1930s, goods shortage, Soviet system of distribution, cultural policy, Soviet art.

Эта история связана с повседневной жизнью Ленинграда начала 1930-х гг. и касается подробностей материальной культуры переломного исторического времени для СССР, конца НЭПа и начала индустриализации. Упор на развитие тяжелой промышленности при абсолютном упадке легкой привели к тотальному «товарному голоду» в стране с началом первой пятилетки, появлению карточек, талонов, специальных распределителей. Проблема дефицита и системы распределения товаров в СССР в начале 1930-х гг. с чертами «чрезвычайности» и аномальности повседневной жизни была затронута в работах Н.Б. Лебиной [1], Е.А. Осокиной [2], Ш. Фицпатрик [3] и др.

К многочисленным исследованиям этого вопроса хочется дополнить еще один эпизод. Он связан с проведением в Варшаве Второго Международного конкурса пианистов им. Ф. Шопена с 6 по 23 марта 1932 г. В конкурсе участвовали 89 пианистов из 18 стран, в числе участников были и представители Советского Союза. Первый конкурс состоялся в 1927 г., конкурсы проводились каждые 5 лет. Инициатором проведения конкурса стал Ежи Журавлев (1887–1980), выдающийся польский пианист, педагог и композитор, профессор Варшавской консерватории. В Шопеновском конкурсе 1927 г. первую премию получил девятнадцатилетний советский пианист Лев Оборин, что вызвало большой резонанс, поэтому Наркомпрос считал обязательным участие во втором конкурсе советских музыкантов, поручив ВОКС всю организаторскую работу.

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было создано в 1925 г. с целью «культурного сближения» с иностранными государствами. ВОКС старался привлечь в СССР возможно больше крупных деятелей западной культуры для демонстрации достижений социалистического строительства, а также познакомить население СССР с достижениями культуры зарубежных стран. Одной из задач ВОКСа была популяризация советской культуры за границей. С этой целью ВОКС организовывал гастроли, выставки, занимался представлением советского искусства в зарубежных фестивалях. Поэтому сообщение о Международном конкурсе им. Ф. Шопена было отправлено из Москвы в другие отделения ВОКСа. Уполномоченный Ленинградского представительства (ЛП) ВОКС В.В. Покровский получил информацию о конкурсе 18 ноября 1931 г., а уже 30 декабря необходимо было сообщить в Варшаву точный список советских участников. Для подготовки пианистов практически не было времени, тем более что они должны были играть обязательную конкурсную программу.

В конце ноября срочно был объявлен общественный показ молодых советских пианистов в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Тифлисе. Каждому пианисту давали 30 мин для выступления, составленного из произведений, включенных в программу Варшавского конкурса. Оговаривалось, что в жюри к оценке молодых пианистов должна быть привлечена «широкая рабочая и музыкальная общественность». Считалось весьма желательным участие в составе жюри представителей Наркомата просвещения или полпредств республик, ректоров консерваторий, а также представителей общественных и художественных организаций и активистов рабочих музыкальных кружков. [4. Л. 27]. Лучшие пианисты, прошедшие региональный отбор, отправлялись на Всесоюзный показ молодых советских пианистов в Москву 20 декабря 1931 г.

В Ленинграде прослушивание по отбору кандидатов на Всесоюзный показ состоялось в консерватории 17 декабря 1931 г. В жюри вошли не только преподаватели консерватории и педагоги, но представители партийных, профсоюзных и общественных организаций, так как отбору при-

давалось большое политическое значение. После прослушивания нескольких пианистов, для показа в Москве было намечено из Ленинграда семь кандидатов: И.М. Рензин, В.Х. Разумовская, Н.Е. Перельман, П.А. Серебряков, З. Виткинд, Б.М. Мадорская, М.Я. Хальфин. После показа в Москве от Ленинграда для конкурса были отобраны только три пианиста: Перельман, Серебряков и Разумовская. Это было молодое поколение пианистов: Вере Харитоновне Разумовской было 27 лет, Натану Ефимовичу Перельману 25 лет, Павлу Алексеевичу Серебрякову – 22 года. Они должны были быть в Варшаве к 2 марта. На сборы оставалось два месяца. Отправкой кандидатов должно было заниматься Ленинградское представительство ВОКС.

Несомненно, советские руководители прекрасно понимали значение культуры в международных отношениях как важного дипломатического ресурса, и культурные контакты с другими странами, даже с теми, с которыми не было официальных дипломатических отношений, практически никогда не прерывались. Искусство стало одним из самых конкурентоспособных «экспортных товаров» Советского Союза, одним из главных «брендов» СССР, сыграв свою роль в формировании имиджа страны. Исполнительское мастерство российских музыкантов всегда находилось на высоком уровне, поэтому участие в международном конкурсе советских пианистов было необходимо для демонстрации в Европе достижений нового, советского высшего музыкального образования.

Это был важный пропагандистский ход: показать, что СССР не только не является «разрушителем культуры», но, наоборот, прилагает все возможные усилия к всемерному ее развитию – конечно, в «социалистическом духе». В случае с конкурсом им. Ф. Шопена появилась возможность продемонстрировать уровень «художественного молодняка», поколения, «воспитанного революцией». Однако следует заметить, что Ленинградская консерватория сохранила старые преподавательские кадры и первоклассную фортепианную школу, несмотря на «укрепление» штатов консерватории коммунистами. Так, все отобранные для конкурса участники из Ленинграда были из класса известного педагога и музыканта Л.В. Николаева, его учениками были В.В. Софроницкий, М.В. Юдина, Д.Д. Шостакович, А.Д. Каменский. Все участники конкурса – В. Разумовская, Н. Перельман, П. Серебряков – стали впоследствии известными пианистами, педагогами, профессорами Ленинградской консерватории, гордостью отечественного искусства.

Подготовка к отправке музыкантов на конкурс им. Шопена обнаружила большое количество проблем: выезд за границу сопровождался массой формальностей, согласований с «органами», срочно нужно было оформить паспорта, купить билеты, достать валюту и проч. Посылали музыкантов в спешке, полусекретно. Решение вопроса о выезде за границу, как правило, затягивалось. Н.Е. Перельман вспоминал, что до последней минуты не было разрешения на выезд: «Наконец кто-то

обратился к всемогущему Кагановичу, и тот распорядился, чтобы мы выехали» [5, с. 38]. К тому же Ленинградское представительство ВОКС не имело достаточных средств. Так, например, валюту конкурсантам должны были передать в Варшаве через представителя ВОКС. Между ведомствами шли споры – кто должен оплачивать билеты участникам конкурса: Наркомпрос, консерватория, Интурист или ВОКС.

Но самые большие проблемы возникли с приобретением одежды для конкурсантов. Оказалось, что буквально «надеть нечего». Со свертыванием НЭПа и началом индустриализации в Ленинграде, как и по всей стране, остро встала проблема снабжения промышленными товарами, которые с 1930 г. начали выдавать по карточкам. Но даже по талонам или ордерам достать одежду было непросто. Уполномоченному ЛП ВОКС В.В. Покровскому и его заместителю также полагалось «спец-снабжение» по карточкам, но часто и они не могли получить нужные товары, а ведь сотрудники ВОКС постоянно общались с иностранцами и должны были выглядеть респектабельно. Так, в письме В.В. Покровского в Москву в ВОКС 22 ноября 1932 г. говорилось о необходимости «прилично одеваться», а также о трудностях в получении всего необходимого «без хождения по мукам». «Нельзя выглядеть "голодными индусами", работая с иностранцами!», – подчеркивал Покровский [6. Л. 21–22]. Даже председатель ВОКСа А.Я. Аросев, снабжавшийся по высшему разряду, записал в своем дневнике от 22 октября 1934 г.: «Мелочи бытия. Все время ездим за мехом и все никак не можем достать его. То заведующего нет, то меха!» [7, с. 108]. Лион Фейхтвангер заметил в своей книге «Москва. 1937» о проблемах советских людей: «Если кто-либо, женщина или мужчина, хочет быть хорошо и со вкусом одет, он должен затратить на это много труда, и все же своей цели он никогда вполне не достигнет» [8, с. 170].

Процесс ухудшения общего материального положения в стране и Ленинграде, в частности, можно наблюдать по переписке бывшей дворянки О.А. Толстой-Воейковой с дочерью и сыном, жившими в Харбине. В письмах в Харбин из Ленинграда – «городка, потерявшего свою физиономию, свой облик, свое имя, свое прошлое, свой дух и внешнюю опрятность», – Ольга Александровна подробно описывает повседневные хлопоты, быт ленинградцев, трудности ежедневной жизни начала 1930-х гг. и то, что О.А. Толстая-Воейкова иронически называла «очаровательные условия снабжения». Здесь и жалобы на нехватку товаров, и просьбы прислать из Харбина в Ленинград самые необходимые предметы быта, например: нитки, ножницы, перчатки, ленты, часы, чулки, носки. «Мы нуждаемся во всех мелочах: резинках, булавах, шпильках роговых и простых», – писала О.А. Толстая-Воейкова 7 октября 1931 г. дочери в Харбин [9, с. 93]. А 1 декабря 1931 г. сообщала ей о «ликновании» при получении посылки из Харбина с пуговицами, подвязками, платьями:

«наш вечер был поглощен разбором наших драгоценностей из посылки» [9, с. 108].

Современники в дневниках и воспоминаниях отмечали, что народ к 1930-м гг., как говорится, «пообносился», и улицы Ленинграда наполнили толпы плохо одетых людей. Замечательный пассаж содержится в дневнике А.Г. Манькова (запись от 21 апреля 1934 г.) – рассказ о его матери, интеллигентной даме, встретившей на Лермонтовском проспекте давнюю знакомую: «Между прочим, вспоминая прошлое, та спросила мать, очевидно, сраженная ее костюмом: – А помните, Маруся, как Вы блистали своими нарядами? (так и сказала "блистали"...) А мать в данный момент была одета примерно так (ибо не под силу мне точное воспроизведение ее костюма): повязана шерстяным платком, в отцовском засаленном макинтоше, в дырявых и скривленных галошах» [10, с. 143]. Иностранцы, приезжавшие в 1930-е гг. в СССР, непременно писали о непривлекательном и даже отпугивающем облике советской толпы в серой, бесформенной, неприглядной одежде. Андре Жид предположил, что однообразие одежды советских людей отражало социальное нивелирование, желание слиться с толпой, конформизм [8, с. 72].

Символическое значение одежды как выражение социальной иерархии отмечали многие исследователи. Н.Б. Лебина заметила, что предметы гардероба обладают «ярко выраженным знаковым содержанием, которое как бы кодирует принадлежность к той или иной социальной группе» [1, с. 205]. Подчеркнутое безразличие к одежде, как символу статуса или сексуальности, демонстрировало противопоставление буржуазному мещанству (хорошо одетый человек ассоциировался с буржуазными пережитками, «нездоровым уклоном» и приметам «упадочного быта»), иерархическим «дресс-кодам» старого режима. А.Я. Аросева, председателя ВОКС, по словам дочери, обвиняли в том, что он носит фрак и говорит на иностранных языках. Он отвечал, что знает, когда, где и что носить. «В 1917 году, – оправдывался он, – во время революции я носил шинель, а на приемах зарубежных гостей надевал фрак и говорил с ними на их родном языке, чтобы мы лучше понимали друг друга» [7, с. 39].

Молодежь в Ленинграде начала 1930-х гг. была одета по-пролетарски, без изысков. И.М. Дьяконов вспоминал о начале учебы в октябре 1932 г. в Ленинградском институте литературы и искусства (ЛИЛИ): «Поражала крайняя бедность одежды – ... в зале виднелись рубашки простые и косоворотки, клетчатые и серые, часто – штопанные свитеры. Конечно, ни одного галстука – это был признак буржуазности. Девочки были в дешевых блузках, в юнгштурмовках или дешевых ситцевых платицах, в свитерах, в каких-то мужских куртках с чужого плеча. Все было поношено, обмахрилось, засалилось, кое-что было и залатано. Мы были больше похожи на сцену из "На дне", чем на университетскую аудиторию» [11, с. 93].

Похожая картина была в то время и в Ленинградской консерватории. Разумеется, в таком виде появиться на международном конкурсе было невозможно, и В.В. Покровский предпринял все усилия для «экипировки» конкурсантов.

В ЦГАЛИ СПб сохранилась переписка В.В. Покровского с Ленинградским областным исполнительным комитетом (Леноблисполкомом), спецраспределителями, ВОКСом в Москве. Эти письма отражают его отчаянную попытку найти хоть какую-то приличную одежду, в которой можно было появиться в Варшаве. 28 января 1932 г. Покровский написал два письма: первое в военный распределитель ЛСПО (Ленинградского союза потребительских обществ), находившийся в «Пассаже»: «ЛП ВОКС просит отпустить предьявителю сего, пианистке Разумовской, командированной в Варшаву на конкурс им. Ф. Шопена, 4 метра креп-де-шину за наличный расчет из Вашего целевого фонда» [4. Л. 17]. Второе письмо было адресовано в Спецконтору по снабжению иностранных специалистов с просьбой «оказать содействие в приобретении необходимых вещей»: «теплое зимнее пальто, 4 метра креп-де-шина (фай-де-шина), открытые светлые туфли и 2 пары светлых чулок из целевого фонда, а также 2 смены белья». Кстати сказать, на обратной стороне записки осталась надпись карандашом сделанная, судя по всему, В.Х. Разумовской: «3 пары чулок, перчатки, 6 шт. носовых платков, 2 шелковые комбинации, 2 пары трико» [4. Л. 18].

Но письма уполномоченного ЛП ВОКС, видимо, не возымели никакого действия. Возможно, что и нужных товаров в спецраспределителях не оказалось, так как Ленинград снабжался гораздо хуже Москвы (но лучше, чем другие провинциальные города). Москва, по данным исследователя Е. Осокиной, была центром географии снабжения, получала 15–20 % всех фондов промтоваров, Ленинград же – около 10 % всех союзных городских товарных фондов [2, с. 149].

Когда до конкурса оставалось две недели, у конкурсантов еще не было нужной одежды. 16 февраля 1932 г. Покровский был вынужден послать несколько писем, стиль которых отражает его паническое состояние. Одно из них было адресовано уполномоченному Наркомторга в Ленинграде. В нем Покровский опять просил посодействовать в приобретении зимнего женского пальто, черного шелка на платье, женского белья, двух пар чулок [4. Л. 14]. Другие два письма предназначались председателю художественного сектора ВОКС С.М. Богомазову: «Вопрос с обмундированием конкурсантов разрешается в Облисполкоме. Они сообщили, что в Ленинграде ни смокингов, ни черных костюмов, ни лакированных полуботинок, ни демисезонного мужского пальто, ни зимнего дамского пальто, также как и черного шелку на вечернее платье – достать нельзя, и что Управляющий делами Ленсовета больше этим вопросом заниматься не будет, а считает, что это должно быть все полу-

чено в Москве из спец. фонда Наркоминдела для отъезжающих за границу [4. Л. 11].

Получив ответ из Смольного, Покровский, видимо, в отчаянии шлет еще одно письмо С.М. Богомазову с просьбой найти выход из положения: «Только что получил сообщение от Управления делами Ленсовета, что едва ли что-либо выйдет с обмундированием отъезжающих на Шопеновский конкурс, что обычно это делается в Москве за счет спецфонда НКВД.<...> Отъезжающим нужно: смокинг, черный костюм, черное женское платье, 2 пары лакированных полуботинок, 2 мужских пальто демисезонных, 1 женское зимнее пальто, 2 сорочки и галстуки» [4. Л. 12].

Дело с «обмундированием» конкурсантов не продвигалось. 21 февраля 1932 г. Покровский еще раз пишет письмо в спецконтору по снабжению иностранных специалистов в Ленинграде и просит для В.Х. Разумовской «зимнее пальто или демисезон, лакированные или замшевые туфли, 2 пары черных шелковых чулок, вязаную кофту, боты и галоши, шляпу» [4. Л. 19]. После этого письма В. Разумовской удалось таки купить там шубу из бурундука. Но вот с мужской одеждой дело обстояло гораздо хуже, и достать смокинг в Ленинграде не удалось. 23 февраля 1932 г. Покровский послал Богомазову в ВОКС письмо с пометкой «спешное», в котором сообщал размеры Серебрякова, чтобы заказать для него смокинг в Москве: «талия – 40, длина – 70, пол-спины – 20, рукава – 62, грудь – 91, талия – 81. Брюки: бок – 104, шаг – 75, кушак – 70, сиденье – 104, ляшка (так в тексте – М.К.) – 68, колено – 48, низок – 44» [4. Л. 7].

В конечном итоге экипировка участников конкурса после нервотрепки, по-видимому, была завершена успешно, так как на сохранившейся фотографии участников конкурса в Варшаве вместе с полпредом СССР в Польше В.А. Антоновым-Овсеенко (на снимке Т. Гутман, Н. Перельман, В. Разумовская, Л. Сагалов, П. Серебряков, Э. Гроссман) Разумовская в концертном платье, молодые люди в элегантных костюмах [5, с. 37]. Н.Е. Перельману даже достали меховую шубу и шапку, так что, по его воспоминаниям, при виде этой шубы варшавские извозчики кричали ему: «Барин, садись, подвезем!» [5, с. 39].

Еще один аспект этого эпизода касается качества одежды и отсутствия выбора. Надо сказать, что тема «негодных» товаров была весьма актуальной в 1930-х гг. Население было убеждено, что хорошие товары вывозятся за границу, а плохие остаются для населения. А. Жид замечал об ассортименте советских магазинов: «Можно даже подумать, что ткани, вещи и т.д. специально изготавливаются по возможности непривлекательными, чтобы их можно было купить только по крайней нужде, а не потому, что они понравились. <...>Люди в СССР, похоже, склонны покупать все, что им предложат, даже то, что у нас на Западе показалось бы безобразным» [8, с. 73–74]. Далее А. Жид продолжал: «Вкус, впрочем, развивается только тогда, когда есть возможность выбора и срав-

нения. Выбирать не из чего. Поневоле предпочтешь то, что тебе предложат, выхода нет – надо или брать, что тебе дают, или отказываться. Если государство – одновременно производитель, покупатель и продавец, – качество зависит от уровня культуры» [8, с. 78].

Показательно, что даже в инснабах – распределителях, созданных для снабжения иностранных специалистов, качество товаров было ужасающим. Об этом писала В.Х. Разумовская 19 апреля 1932 г. Покровскому уже после возвращения из Польши: «Перед отъездом на международный конкурс им. Шопена в Варшаве мною была куплена в конторе по снабжению иностранных специалистов – Морская ул. – меховая шуба из бурундука за 595 руб. Это было 25 февраля 1932 г., а уже 26 февраля, когда я приехала в Москву, шуба стала вся разлезаться. В настоящий момент она распорота и протерта во многих местах, несмотря на то, что я ее одела не более 5–6 раз. Считаю недопустимым, что мне, советской делегатке на конкурсе, продали за большие деньги совершенно негодную вещь. Прошу это дело расследовать, если возможно» [4. Л. 3–4].

Представленные документы прекрасно иллюстрируют дух той эпохи. В начале 1930-х гг. считалось, что дефицит товаров был естественным побочным продуктом пятилетнего плана, товары вывозились и обменивались на промышленное оборудование. Всё должно было приноситься в жертву индустриализации, в том числе одежда и вообще комфорт. Население призывали немного потерпеть: считалось, что через несколько лет наступит изобилие, и вторая пятилетка обеспечит небывалый рост потребления. Но оказалось, что достойной жизни пришлось ждать несколько десятилетий. Советская распределительная система позже трансформировалась, но никуда не исчезли неравенство, особое снабжение привилегированных слоев населения, бесконечное унижение в «добыче» предметов первой необходимости как часть повседневного существования, низкое качество продукции легкой промышленности.

Случай с отправкой пианистов на Международный конкурс им. Ф. Шопена, конечно, является частной историей, обнажающей болевые точки централизованной плановой экономики, дефицита товаров и предметов потребления. Бытовой аскетизм, признанный как временная мера, стал, однако, советской нормой и даже маркером советской идентичности, противопоставлявшей себя «загнивающей» западной буржуазности и пошлости. Символом Советского Союза на десятилетия стали плохо одетые люди, серость и убожество. И в дальнейшем в советской истории одежда играла непропорционально большую роль. К теме, вынесенной в заголовок статьи, необходимо добавить другой вопрос: где можно было носить смокинг и вечернее платье в Ленинграде? Ведь светской жизни в Советском Союзе в полном смысле этого слова не бы-

ло, понятия праздного путешествия тоже, к тому же выделяться среди однородной толпы было не принято и даже опасно.

Система распределения в СССР, сформировавшаяся в 1930-х гг. и связанная с выделением привилегированных групп, породила неравенство и ощущение несправедливости, особое отношение к вещам, которые стали больше, чем просто одежда, их символическая ценность только возрастала. Так, крепдешинное платье и хороший мужской костюм стали знаковыми вещами в 1930-х гг., принадлежностью элиты и исключительности. Символами власти и статуса в СССР были, таким образом, не деньги, к которым следовало относиться с презрением, а доступ к распределению товаров. Это, несомненно, сыграло свою роль в снижении восприимчивости разных слоев населения к советской пропаганде и привело в конечном итоге к постепенному «размыванию» советской идеологии.

Список литературы

1. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы // Нева, Летний сад. – СПб., 1999. – 320 с.
2. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. – М.: РОССПЭН, Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 351 с.
3. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М.: РОССПЭН, 2008. – 336 с.
4. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5.
5. Перельман Н.Е. Беседы у рояля. Воспоминания. Письма. – М.: Арт-Транзит, 2013. – 292 с.
6. ЦГАЛИ СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2.
7. Аросева О.А. Прожившая дважды. – М.: Аст, 2014. – 381 с.
8. Два взгляда из-за рубежа: Переводы. – М.: Политиздат, 1990. – 272 с.
9. Когда жизнь так дешево стоит... Письма О.А. Толстой-Воейковой, 1931–1933 гг. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 360 с.
10. Маньков А.Г. Дневники тридцатых годов. – СПб.: Изд-во Европейский дом, 2001. – 320 с.
11. Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. – СПб.: Изд-во Европейский дом, 1995. – 253 с.

References

1. *Lebina N.B.* Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody [Everyday life of Soviet Town: Norms and Anomalies. 1920s – 1930s]. – SPb: “Neva”, “Letniy sad”, 1999. – 320 p.
2. *Osokina E.A.* Za phasadom “stalinskogo izobiliya”: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941 [Behind the Facade of “Stalin Abundance”: Distribution and Market in Civilian Supply in the Years of Industrialization. 1927–1941]. – M.: ROSSPEN, Fond B.N. El'tsina, 2008. – 351 p.
3. *Sheila Fitzpatrick.* Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. – Moscow: ROSSPEN, 2008. – 336 p.
4. Central Archive of Literature and Art in St. Petersburg (TsGALI SPb). F. 4. Op. 1. D. 5.

5. *Perel'man N.E.* Besedy u royalya. Vospominaniya. Pis'ma. [Conversations at the Piano. Memoires. Letters]. – M.: Art-Tranzit, 2013. – 292 p.
6. TsGALI SPb. F. 4. Op. 1. D. 2.
7. *Aroseva O.A.* Prozhivshaya dvazhdy [Lived Twice]. – M.: Ast, 2014. – 381 p.
8. *Dva vzglyada iz-za rubezha: Perevody* [Two Views from Abroad: Translation]. – M.: Politizdat, 1990. – 272 p.
9. *Kogda zhizn' tak deshevo stoit...* Pis'ma O.A. Tolstoi-Voeikovoi, 1931–1933. [When Life Costs so Cheap... Letters of O.A. Tolstoi-Voeikovoi, 1931–1933]. – SPb.: Nestor-Istoria, 2012. – 360 p.
10. *Man'kov A.G.* Dnevnik tridtsatyh godov [Diaries of 1930s]. – SPb.: Evropeiskiy dom [European House], 2001. – 320 p.
11. *D'yakonov I.M.* Kniga vospominaniy [Book of Memoirs]. – SPb.: Evro-peiskiy dom [European House], 1995. – 253 p.

Полевой поединок – норма права в средневековой Руси

В статье рассматривается такой вид Божьего суда (ордалия), как полевой поединок («поле»). Достоверных данных о применении «поля» на Руси XI–XII вв. нет. Первое упоминание об участии русских людей в полевых поединках сохранилось в договоре Смоленска с Ригой и «Готским берегом» 1229 г. Сведения о «поле» есть в Псковской Судной грамоте, Новгородской Судной грамоте, «Записи о душегубстве» 1456–1462 гг., Белозерской уставной грамоте 1488 г., Судебниках 1497 и 1550 гг., Домострое, записках С. Герберштейна и Р. Ченслора, пословицах, сказках, преданиях русского народа. Анализ судебных и правых грамот конца XV – первой половины XVI в. показывает, что в это время Божьи суды проводились в разных регионах Московского государства. Автор статьи исследует судебные дела о разбоях 1521, 1525, 1528, 1540, 1541 и 1552 гг., в которых сохранились сведения о полевых поединках. На «поле» выходили истцы, ответчики, их свидетели – «послухи», которые с оружием в руках доказывали вину противника в делах об убийствах, разбоях, грабежах, кражах, займах, захватах земель.

The article is devoted to such type of God's judgment (the enemy) as the trial by ordeal ("pol'e"). Reliable data on the use of trial by ordeal in Rus XI–XII centuries is not. The first mention about the participation of Russian people in trial by ordeal survived in the agreement of Smolensk and Riga and "Gothic coast" 1229 year. The information about "pol'e" is in the Pskov judicial Charter, the Novgorod judicial Charter, "Entry about murder" 1456–1462 years. Bilozerskaya ustavnaya deed 1488 year, the Sudebnik 1497 and 1550 Sudebnik, the Domostroi, notes by S. Herberstein and R. Chanslor, proverbs, fairy tales, legends of the Russian people. Analysis of judgment and right-wing credentials of the late XV – first half XVI century shows that at this time the judgments of God were held in different regions of the Moscow state. The author examines the judgment of the cases about robberies 1521, 1525, 1528, 1540, 1541 and 1552 years, in which preserved information about trial by ordeal. On the "pol'e" were the plaintiffs, the defendants, their witnesses – "posluhy" that with arms in their hands had proved the guilt of the enemy in murder cases, robberies, thefts, borrowings, the land invasions.

Ключевые слова: право, суд, истец, ответчик, свидетель – «послух», ордалия, полевой поединок, преступление, тяжба по земельному делу, Псковская Судная грамота, Судебник 1497 года, Судебник 1550 года.

Key words: right, court, plaintiff, defendant, witness – "posluh", ordeal, trial by ordeal, crime, litigation because of land case, the Pskov judicial Charter, Sudebnik 1497, Sudebnik 1550.

До середины XVI в. в судебной практике Руси широко применялось «поле» – узаконенная вечевой и княжеской властью норма обычного права. Полевой поединок – это ордалия, Божий суд. Его проводили по распоряжению судьи, не решавшегося вынести окончательный приговор из-за противоречивых показаний свидетелей, отсутствия или малочисленности улик. Инициаторами вовлечения в судебный процесс сверхъестественных сил выступали истец, ответчик или свидетели, называвшиеся послухами, в делах о земельных тяжбах – старожильцами, которые считали процедуру расследования преступления неправильной или были не согласны с приговором.

Сведений о полевых поединках в Древней Руси нет, за исключением единственного упоминания о них в Мясниковском списке Пространной редакции Правды Русской. Здесь ст. 22 об испытании обвиняемого в совершении тяжкого преступления читается иначе, чем в других более ста списках Пространной редакции этого памятника: « ... дати им правду с железом на поле» [1, с. 48]. При этом следует учитывать, что Мясниковский список был составлен, по мнению В.П. Любимова, на рубеже XIV–XV вв., А.А. Зимина – в конце XV – начале XVI столетий [1, с. 48; 2, с. 163], когда полевые поединки стали повсеместно распространенной на Руси практикой, о чем свидетельствуют юридические памятники Псковской, Новгородской, Московской и других земель.

В.О. Ключевский также считал, что намек на «поле» содержится в записанной в начале XI в. второй статье Краткой редакции Правды Русской, требующей подтверждения очевидцем факта избияния «мужа», на теле которого не осталось ран, кровоподтеков и синяков, устанавливающей за этот вид преступления выплату «виры» потерпевшему и «мзды» лекарю [3, с. 61]. Это мнение признания в историографии не получило.

Первое достоверное сведение об участии русских людей в полевых поединках сохранилось в договоре («Правде») Смоленска с Ригой и «Готским берегом» 1229 г. Согласно ст. 10 этого соглашения «Русину же не лзе позвати Немчича на поле [в] Смоленське, ни Немчичю в Ризе [и] на Готьскомь березе» [4, ст. 10, с. 61]. В договоре тех же сторон 1230–1270 гг. это требование повторено [4, ст. 11, с. 73]. Оба соглашения также предусматривали возможность испытания обвиняемого железом, но только после добровольного согласия ответчика [4, ст. 9, с. 61, ст. 10, с. 73]. Запись об ордалиии с использованием металла отделена от следующей за ней статьи о полевом поединке. Создается впечатление, что жестокий способ доказательства вины человека путем прижигания его кожи раскаленным металлом постепенно сменился «боем» вооруженных противников на «поле».

Последний также зафиксирован в ст. 21, 27, 28, 36, 37, 92, 101, 107, 117 и 119 Псковской судной грамоты – памятника права, создававшегося с середины XIII или второй четверти XIV столетия в течение двух веков

и действовавшего до 1510 г., когда город на реке Великой вошел в состав единого Московского государства [5, с. 121–122; 6, с. 6–15].

В Псковской земле «поле» присуждали в делах об избиениях, сопровождавшихся грабежом. При этом в поединок с ответчиком вступал не физически и морально ослабленный потерпевший, а свидетельствующий в его пользу послух. Если ответчик был стариком, ребенком, калеккой, священником или монахом, он мог выставить вместо себя наемного бойца. Однако свидетелю использовать услуги «наймита» запрещалось [7, ст. 21, с. 333, ст. 27, с. 334]. В делах о «бое» без грабежа, который «многы люди видели в торгу или на улицы, или в пиру», выяснять отношения на «поле» не разрешалось, так как в распоряжении судьи были показания разных свидетелей. Но если на суде выяснялось, что публично избитый человек был еще и ограблен, а свидетели этого не подтверждали или князь и посадник вершили процесс о разбое несправедливо, послух истца был обязан сразиться с его обидчиком [7, ст. 27, с. 334].

Послуху также вменялось в обязанность биться с ответчиком, обесчестившем истца: «вырвавшим» у него бороду [7, ст. 117, с. 342]. С языческих времен борода считалась признаком зрелости, солидности, достоинства русского мужчины. На безбородого, похожего на женщину «мужа» смотрели как на человека слабого, беззащитного, не способного дать отпор неприятелю. Поэтому в Правде Русской, договоре Смоленска с Ригой и «Готским берегом», датируемом 30–70-ми годами XIII в., а также в ст. 9 Правосудия митрополичьего, юридического памятника XIII–XV вв., составленного в Великом Новгороде, содержатся предписания о выплате большой виры за вырывание или насильственное обрезание волос на лице свободного человека. Летописные статьи под 1071 и 1174 гг. свидетельствуют, что такого рода оскорбления наносились с целью не только унижить противника, но и лишить его силы и мужественности [подробнее об этом см.: 8, с. 67–68, 81; 9, с. 82–85]. Именно поэтому псковский послух был обязан с оружием в руках защищать честь опозоренного истца с поредевшей или укороченной бородой.

В Псковской земле XIII – начала XVI в. «поле» допускалось в делах «о торговли и о поруке» [7, ст. 101, с. 341], а также для разрешения некоторых тяжб, связанных с долговыми обязательствами. Псковские кредиторы ссужали земляков под залог при условии оформления «рядниц» – официальных документов о состоявшейся сделке. В том случае, если вернувшийся долг требовал «заклад», а кредитор, удерживая его у себя, отрицал совершенную сделку, и «рядниц» стороны не составляли (в соответствующей статье они не упоминаются), судья по желанию ответчика мог отправить его биться с истцом [7, ст. 107, с. 341]. Иногда сведения о ссуде и «закладе» записывали на «досках», не имевших официального характера. А.П. Куницын, И.М. Снегирев и И.Е. Энгельман, впервые в историографии подробно осветившие вопрос о письменных доказательствах вины правонарушителя, зафиксированных в Псковской судной

грамоте, представляли «доску» «в роде бирки, от которой каждая из договаривающихся сторон получала по половинке; на них нарезывалось число взятых кун или денег, и, может быть, мета, означавшая имя заемщика» [10, с. 125]. Термин, применявшийся для обозначения этого документа, указывает на его первоначальный внешний вид: это была деревянная дощечка или плотный лоскут бересты. Дело о возвращении «съсудного серебра» при наличии «досок» и отданного кредитором залога нельзя было доводить по полевого поединка [7, ст. 28, с. 334]. Тяжбу из-за долговых обязательств, оформленных только на «досках», без залога, напротив, требовалось вершить на основании результатов Божьего суда. При этом ответчик – ребенок, женщина, увечный или больной человек, чернец или монахиня – мог обратиться за помощью к наемному бойцу. Истец обладал правом сражаться сам или «противъ наймита... своего наймита» выставить [7, ст. 36, с. 335].

Если в полевом поединке сходились две женщины, что Псковской судной грамотой допускалось, ни одну из них нельзя было заменять наемником [7, ст. 119, с. 342]. Считалось, что побежденный на «поле» осужден Богом. Как проигравший процесс, он выплачивал виру и все судебные пошлины. Но с убитого денег не взымали, только снимали и передавали сопернику, одержавшему победу и выигравшему дело, доспехи или «иное што» из надетых на нем одежды, обуви, украшений, предметов культа [7, ст. 37, с. 335].

Сведения Псковской судной грамоты о полевом поединке подытожил И.Д. Беляев. Он отметил, что по псковским законам:

1) участники Божьего суда целовали крест в подтверждение своей правоты и могли вместо себя выставить наемных бойцов;

2) последнее запрещалось тяжавшимся женщинам. Они должны были выходить на «поле» сами, но в споре с мужчиной так же, как дети, старики, больные, увечные люди, священники или монахи, вместо себя могли отправить биться вооруженных «наймитов»;

3) судебное сражение всегда происходило в присутствии как княжеского, так и земского приставов, которые получали 6 денег с поверженного на «поле» или 3 деньги с виновного, если стороны мирились, не вступая в поединок;

4) правый соперник, кроме суммы иска, «брал с побежденного все то, в чем он вышел на бой»;

5) к тому же проигравшая сторона платила пенью князю [11, с. 349].

В XV в. «правду» «боем» доказывали и жители Новгородской земли. Об этом свидетельствует 6 статья Новгородской судной грамоты [12, ст. 6 с. 305], составленной в 1440, 1446 или 1456 гг., сохранившейся в редакции 1471 г. [12, с. 303].

В те годы Москва находилась в совместном управлении трех наместников: великокняжеского большого и двух представителей власти удельных Рюриковичей. В датируемой 27 марта 1456–1462 гг. «Записи,

что тянет душегубством к Москве», указаны судебные доходы большого наместника: «А у поля ему вяжщего треть, а пересуда треть же, да что посулять» [13, ст. 4, с. 168]. Начало этой записи свидетельствует об организации главным московским судьей полевых поединков. По мнению М.Н. Тихомирова, в XV в. местом их проведения «была площадка у церкви Троицы "на Старых полях", находившаяся в Китай-городе поблизости от того места, где теперь стоит памятник первопечатнику Ивану Федорову» [14, с. 176].

Сохранилось также известие о присуждении во второй половине 60 – начале 80-х гг. XV в. «поля» в Рязанской земле. Речь идет о тяжбе рязанских бортников, возглавляемых Сатей, с землевладельцем Остафием. Старатели жаловались, что сосед-земледелец лишил их права ловить рыбу в находившихся на территории его вотчины озерах. Они доказывали, что пользовались этим правом еще во второй четверти XV столетия. Суд решил дело в пользу Сати «съ товарищи». Но Остафий добился пересмотра приговора и настоял на проведении полевого поединка. В день Божьего суда «у поля обои исцы стали», и бортники заявили: «Мы готовы сбиты». Тем самым они признали себя побежденными [15, № XV.I, с. 242–243; 16, № 13, с. 14–15].

Обнаруженный А. Федотовым-Чеховским акт – доказательство аналогичной практики в уделе Михаила Андреевича Верейского и Белозерского (умер в апреле 1486 г., перед кончиной завещал княжество Ивану III [17, с. 64; 18, с. 605]). Во время тяжбы иноков Ферапонтова Белозерского и Кирилло-Белозерского монастырей из-за пожен «на Ергобуе речке, на усть Черные речки» старожильцы обеих сторон выразили желание биться на «поле». Дело было предано на рассмотрение князя Михаила Андреевича, который присудил спорную территорию старцам Кирилловой обители [19, № 4, с. 9, 11].

В соответствии со ст. 9 Уставной грамоты, в марте 1488 г. данной Иваном III жителям Белозерского края, уже уезда в составе единого Московского государства, здесь «полевая» пошлина зависела от тяжести преступления и усилий, затраченных местными управителями для его раскрытия и проведения судебного поединка. Если дело оценивалось в один рубль и доводилось до «поля», но стороны в «бой» не вступали, с виновного для обеспечения всего судебного аппарата брали гривну. Сумма пошлины пересчитывалась в зависимости от стоимости иска «выши рубля или нижи». Статьей также предусматривалось завершение состязательного процесса Божьим приговором: «... а побьются на поле, и наместники велят на виноватом истцово доправити, а на себя велят взяти противень противу истцова, а то им с тиуны и з доводчики» (исполнителями их распоряжений, сочетавшими функции средневековых «следователей» и «полицейских». – *И.М.*) [13, с. 172].

Статьи о полевого поединке тщательно прописаны в первом своде законов единого Московского государства – Судебнике 1497 г. Здесь

учтены три варианта исхода ордалии: «а досудятся до поля, а у поля не стояв, помиряться»; «а у поля стояв помирятся»; «а побьются на поли», причем различаются обвинения в разных по социальной значимости преступлениях – с одной стороны, «в заемном деле или в бою», с другой стороны, «в пожеге, или в душегубстве, или в разбои, или в татбе». В первом случае мелкие судебные агенты не получали «полевую» пошлину, потому что они не готовили место для «боя» и не следили за порядком во время проведения поединка. Если состязательный процесс заканчивался примирением противников «у поля» до начала «боя», сторона, признанная виновной, выплачивала им указанную в Судебнике пошлину. Ее сумма увеличивалась вдвое, если Божий суд завершался победой одного из бойцов. Проигравший дело о «пожеге», убийстве, разбое или краже был вынужден, кроме судебных выплат, отдать доспех, в котором сражался, а сам подлежал строгому наказанию, вплоть до лишения свободы [20, ст. 4–7, с. 19–20].

Вслед за Псковской судной грамотой Судебник 1497 г. предписывает биться на «поле» не только истцу и ответчику, но и их послухам. В соответствии со ст. 48, если послух истца давал показания в его пользу в делах об избиении, грабеже или долговых обязательствах, ответчик имел право: 1) сразу признать себя виновным – тогда он не платил «полевую» пошлину; 2) заявить о своем поражении стоя «у поля» – в таком случае он оплачивал труд судебных исполнителей, связанный с подготовкой к ордалии; 3) сражаться со свидетелем противника [20, ст. 48, с. 26]. Статья 49 Судебника 1497 г., основанная на ст. 21, 27 и 36 Псковской судной грамоты, предписывает: «А противу послуха ответчик будет стар, или мал, или безвечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, ино противу послуха наймит наняти волно, а послуху наймита нет...» [20, ст. 49, с. 26]. Статья 52 разрешает истцу – женщине, ребенку, старику, немощному или увечному человеку, священнику, иноку или монахине, а также их свидетелям, вызванным на поединок ответчиком, «наймита наняти волно». При этом обвиняемый имел право выбора: он мог сражаться «противу тех наймитов» сам или выставить вместо себя наемного бойца [20, ст. 52, с. 26].

Анализ судных и правых грамот конца XV – первой половины XVI в. показывает, что полевые поединки проводились в разных регионах Московского государства. В судном списке 1505–1533 гг., фиксирующем процесс по делу о «лужке» и хмельнике возле сельца Перовского Владимирского уезда [21, № 10, с. 18, 20], правых грамотах – суда В.И. Голенина 1498/1499 г. о спорной земле в окрестностях реки Горетовки в Московском уезде [22, № 15, с. 52–53], еще одной, подписанной тем же судьей в 1509/1510 г., подтвердившей право крестьян Троице-Сергиева монастыря на владение деревней Бурдуковой в Бежецком Верхе [21, № 57, с. 58–59], суда того же князя 1510 г., выданной троицким же крестьянам на починок Раменка в Бежецком Верхе [21, № 61, с. 65, 67], су-

да Ф.О. Сытина 1510/1511–1515/1516 гг. по делу о тяжбе между управителями Троице-Сергиева и Вознесенского монастырей о пожнях, болоте и лесе в Дмитровском уделе [21, № 77, с. 82], суда Ф.И. Домнина и П.Я. Языкова 1517/1518 г. по делу о тяжбе из-за земли деревни Струковское в Опольском стане Владимирского уезда [23, № 3, с. 93, 95], суда М.В. Елизарова и П. Микитина, составленной в апреле 1521 г. для приказчика Троицкого села Бестудницкого в Муромском уезде [21, № 194, с. 193, 195], в написанной 20 февраля 1530 г. по приговору суда Г. Кобякова и В. Негодяева о спорных озерах Болони и Волгани в Рязанском уезде [15, № VIII, с. 172, 175; 24, № 17, с. 25], суда Д.И. Волинского, 19 февраля 1531 г. передавшего земли в Дубровском стане Муромского уезда братии Борисоглебского монастыря [25, № 1, с. 48, 51], суда Г.Ф. Заболоцкого и Р.В. Унковского, 15 мая 1539 г. объявившего три починка в Клинском уезде вотчиной Успенской Изосиминой пустыни [26, № 6, с. 71], суда С.А. Плещеева и В.И. Беречинского, 18 января 1543 г. признавшего села Кормы и Еренецкое с окрестными полями и деревнями «в Ярославском уезде в Юхти» принадлежащими Спасо-Преображенской обители [15, № X, с. 195, 199 – 200; 27, № 4, с. 16], суда С.И. Гундорова, 12 февраля 1555 г. по приказу Ивана IV завершившего расследование дела о разбое в деревне Чернцово селище Гороховецкой волости Нижегородского уезда [28, с. 159, 160], суда Ф.М. Мезецкого и Т.М. Дубровина, 7 мая 1555 г. вынесшего решение об обращении с «докладом» к царю по поводу иска «посадцких» крестьян Переяславля Рязанского к борисоглебским владычным крестьянам о захвате последними государевой и их оброчной земли [24, № 26, с. 36], – во всех этих актах, а также в «отводной» грамоте П. Осютина и К. Игнатьева на земли Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря и жителей «раменских деревень» в Гороховецкой волости Нижегородского уезда, оформленной в ноябре 1529 г. [29, № 27, с. 57, 60, 62, 64, 66, 69–70, 75], упоминаются старожильцы, дававшие показания в интересах как истцов, так и ответчиков и выражавшие готовность биться друг с другом на «поле».

Интересные сведения о полевых поединках содержатся в судебных делах о грабежах и разбоях 1521 и 1525 гг. в Юрьевском уезде, 1528 г. на берегу озера Сеньга, 1540 и 1541 гг. о беглых холопках землевладельцев Колупаевых-Приклонских, а также в правой грамоте 1552 г. из архива Николаевского Амвросиева Дудина монастыря.

Первая детективная история началась с просьбы митрополита к вотчиннику Григорию Чюдину Иванову сыну Акинфому разрешить в его владениях рубку леса для постройки новой церкви. Получив отказ, митрополит снарядил своих слуг, которые захватили принадлежавшую Акинфому деревню Юрьеву, поселили в ней владычных крестьян и распахали окрестные поля. Григорий Чюдин обратился в суд, который выехал на место спора для разъезда границ земельных владений истца и ответчика с участием старожильцев. Но люди митрополита на суд не

явились. Вместо этого они ворвались в другую деревню Акинфова, Чудинову, и жившего там «человека» землевладельца «Якуша и жену его били и (их. – *И.М.*) животишко пограбили» на значительную сумму – 7 р. Кроме того, владыка и Г.-Ч.И. Акинфов претендовали на деревню Новую, каждый из противников считал ее своим владением. Поэтому той же весной 1521 г., через несколько дней после разбойного нападения на Чудинову, сын Григория Павлин, собрав множество крестьян и холопов, въехал в Новую, где налетчики «били и грабили» митрополичьих крестьян. Особенно сильно пострадал Онанка. Спустя два месяца, в июле 1521 г. он лежал «бит, а левая нога у него переломлена, а правая нога бита ж добре, в дву местех кость прошиблена, а на хрепте синева великая». Онанка не верил, что поправится и готовился к смерти. Сумма грабежа в деревне Новой составила 15 р. Теперь уже митрополит подал иск на Акинфовых. На суде Г.Ф. Давыдова и М.Ю. Захарьина митрополичьи крестьяне вызвались биться на «поле» с Павлином Григорьевым сыном. Но последний вместо себя отправил сражаться потерпевшего Якуша. Судьи велели «обоих истцов подавати на поруки да учинити срок стати им на Москве у поля, на другой неделе Петрова говенья, в пятницу лета 7029... А Павлина Чудинова сына Окинфова Григорей Федорович да Михайло Юрьевич в сех делех от поля отставили; а велели стояти у поля и битись на поле в обеих делех с митрополичими христианы Павлиновым людем Сухому да Якушу и его христианом». Последние в назначенный срок прибыли на место «боя», за исключением Якуша, который исчез, и его нигде не могли найти. Суд проявил терпение и неделю ждал возвращения пропавшего «полщика». На восьмой день, отклонив просьбу Павлина предоставить ему возможность «того человека добывать», суд оправдал митрополита и в деле о грабеже в Чудиновой, и в деле о разбое в деревне Новой.

На этом детектив в Юрьевском уезде не закончился. Через некоторое время Якуш нашелся. Его случайно обнаружил «человек» Акинфовых Гаврилко, который проезжал через одну из деревень митрополичьей Карашской волости и услышал, как кто-то «под овином ... провопил». Присмотревшись, Гаврилко узнал Якуша, изнывавшего в железных оковах. Он освободил узника, «взял да и повел ... его к государю своему к Чюдину». Но слуги митрополита догнали беглецов, избили обоих и «Якуша отняли».

Через несколько месяцев владыка обратился в суд с жалобой на крестьян Акинфовых, которые угнали с его пастбища 4 коровы и 20 овец, а на владельцев скота, пришедших к ним с просьбой вернуть животных, спустили псов. Потерпевшие разбежались, за исключением Добрынки Андреева, которого «собаками травили» и избили до смерти. Это дело рассматривал Василий III. На его суде «люди» Акинфовых отрицали факты угона скота и насилия над владычными крестьянами. В доказательство своей правоты они просили назначить «поле». На том же суде

Григорий Чудин обвинил митрополичьих слуг в похищении Якуша и избииении последнего и Гаврилки. Великий князь потребовал доказательств. Гаврилко признался, что подтвердить рассказ о поездке в Карашскую волость может только победа в полевом поединке. Василий III не присудил «поле». Вместо этого он обвинил рядовых служилых людей и оправдал митрополита, в совете и поддержке которого нуждался [30, № 1^а с. 13–17, № 2^а с. 17–19].

В 1528 г. «люди» Нероновых во главе с Андреем Лапиным совершили разбойное нападение на двор митрополита, стоявший на берегу озера Сеньги, в котором жили три рыбника. Ущерб от грабежа составил 33 р. с четвертью, не считая оценки сгоревших построек – двух изб, погреба, ледника и сушила. От имени трех потерпевших рыбников иск в суд подал один из них – Басалай Рагозин. Судебным исполнителям не удалось задержать всех разбойников: некоторые из них скрылись. Доставленные в суд отрицали выдвинутое против них обвинение, поэтому Басалай Рагозин предложил им «лезть на поле». В ответ «Андрейка Лапин так рек и в товарищей своих место: на поле, господине, нам с ними в том лести битись не мочно». На основании этих слов судья оправдал истцов и приказал взять с ответчиков сумму грабежа, 5 р. за сожженный двор и все надлежащие пошлины. Поскольку у виновных таких больших денег не нашлось, Андрей Лапин был объявлен холопом и отдан потерпевшим [15, № VI, с. 139–144].

Осенью 1540 г. от истцов Колупаевых-Приклонских сбежали две холопки Чернавка и Селюнка, украв у господ вещи на сумму «девять рублей с четвертиком». Слуги истцов и судебный агент Грач обнаружили беглянок в угличском селе Т.И. Волынского Тырычеево, где их «наехали в одних рубашках». У арестованных вещей не оказалось. Вскоре холопки показали, что их подговорили к побегу люди Т.И. Волынского, причем наибольшую активность проявил повар Микитка, влюбленный в Чернавку. По прибытии в Тырычеево, он на ней женился. Однако в момент задержания «девок» подстрекатели, в том числе и молодой супруг, скрылись. Холопок вернули владельцам, а их сообщников продолжали искать. В декабре 1541 г. Микитка был схвачен в Москве и предстал перед судом. Поскольку он отрицал предъявленные ему обвинения, был назначен полевой поединок, причем обе стороны должны были представить поручителей. Микитка поручителей «добыть» не смог, поэтому был вынужден признать себя виновным в увозе девиц и татьбе. На вопрос о местонахождении украденных вещей он ответил, что во время бегства в Тырычеево «на дороге ... приехали люди незнаемые да ту татбу у нас поотняли». Микитка был признан виновным и как муж рабыни отдан в холопы Колупаевым-Приклонским [31, № 228, с. 200–202].

В 1550–1551 гг. разгорелся конфликт между старцами Николаевского Амвросиева Дудина монастыря и вотчинниками Арбузовыми. Сначала иноки захватили и разграбили принадлежавшую служилым людям де-

ревню Ведихинскую, затем поставили двор в деревне Мачилище, право владеть которой оспаривали Арбузовы. Для разъезда земель служилых людей и обители прибыли судья Хомяк Чечелин и сошлись старожильцы. Не дожидаясь приговора суда, возможно, зная или предполагая, что он будет для них обвинительным, Арбузовы и «иные многие люди», поддерживавшие их, приехали в Мачилище, где «били и грабили» трех дудинских старцев, монастырских дьяка, «слуг и крестьян и крестьянок», старожильцев и судью «з детми боярскими, которые с ними были на земле». Затем погромщики отправились в монастырскую деревню Семиху, где также избивали местных жителей, у женщин вырывали из ушей серьги, «а иных крестьянок соромотили и силу над ними чинили». На суде Арбузовы попросили «дать» им «поле». Дудинские иноки согласились выставить против них «наймита». Но судья решил не проводить полевой поединок, а передать дело на «доклад» царю. Иван IV приказал дать правую грамоту монастырской братии [15, № XII, с. 220–231].

Ясное описание полевого поединка дал имперский посол С. Герберштейн, приезжавший в Россию в 1517 и 1526 гг. Он отметил, что участники Божьего суда «могут заpastись каким угодно оружием, кроме пищали и лука. Обыкновенно на них бывают продолговатые латы, иногда двойные, кольчуга, наручи, шлем, копье, топор и какое-то железо в руке [наподобие кинжала, но] заостренное с обоих концов; держа его в руке, они орудут им так ловко, что при любом столкновении оно не мешает и не выпадает из рук. Но по большей части его употребляют в пешем бою. Бой начинают прежде всего копьем, а потом пускают в ход другое оружие ... У каждой из сторон есть много друзей и сторонников, зрителей на поле боя, но у них нет никакого оружия, кроме кольев, которые иногда и пускаются в ход» [32, с. 119–120]. Последнее сопровождалось ненужными жертвами и влияло на исход поединка.

Судебник 1550 г. содержал новые статьи, дополнения и уточнения к старым законам о «поле». Так, взявший не положенную или большую полевую пошлину должен был вернуть ее в трехкратном размере. В то же время клеветник, обвинивший во взяточничестве праведных судебных агентов, наказывался «торговой казнью» и тюремным заключением [20, ст. 9–11, с. 143–144]. «Полщика», обвиненного в «пожеге», душегубстве, разбое или «тадбе», требовалось дать на поруки, при отсутствии поручителей «вкинути в тюрьму». Окольничему полагалась трехрублевая пошлина «за (его. – *И.М.*) доспех» [20, ст. 12, с. 144]. Статья 13 предписывала обязательное присутствие на месте поединка стряпчих и поручителей истца и ответчика, причем требовала от них «доспеху и дубин и ослопов ... у себя не дръжати». Всех прочих людей было велено к «полю» не допускать, а сопротивлявшихся «отсылати в тюрьму» [20, ст. 13, с. 144]. Статья 14 узаконила равенство сил «полщиков». Она предписывала: «А битися на поле бойцу з бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не битися; а похочет небоец з бойцом на поле битись, ино

им на поле битись» [20, ст. 14, с. 144–145]. Статья 15 фиксировала казус расхождения во мнениях послухов истца. В том случае, если одни из них «молвят в ысцевы речи», а другие «в ысцевы речи не молвят», разрешалось свидетелям «присужати поля». В зависимости от исхода их «боя» истец признавался правым или виноватым [20, ст. 15, с. 145]. Статьи 16, 17 и 19 повторяли ст. 48, 49 и 52 Судебника 1497 г. [20, ст. 16, 17, 19, с. 145–146].

О полевом поединке, проводившемся по законам 1550 г., писал английский капитан Р. Ченслор, побывавший в России в 1553/1554 г. Согласно Р. Ченслору, «перед тем, как стать на поле, оба (соперника. – *И.М.*) целуют крест, что они правы и что каждый заставит другого признать истину, прежде чем они уйдут с поля ... оба выходят в поле с оружием ... Они всегда сражаются пешими. Сами стороны бьются редко, если только они не из дворян. Последние очень стоят за свою честь и желают сражаться только с лицами, происходящими из столь же благородного дома, как они сами». Русские служилые люди, в отличие от «наймитов», бьются «без обмана». «Как только одна сторона одержит победу, она требует уплаты долга, ответчика же отправляют в тюрьму» [33, с. 80].

Русская православная церковь резко выступала против старинного обычая Божьего суда. Митрополит Петр требовал трупы убитых на «поле» бросать псам, а их счастливых соперников не причащать в течение 20 лет. Митрополит Фотий в послании 1410 г. в Новгород грозил лишением сана священнику, давшему причастие «полщнику» накануне боя или похоронившему погибшего в судебном поединке, а также напоминал о 18-летнем запрете для победителей-душегубов входить в церковь и принимать дары [34, с. 274]. В Стоглаве осуждаются те, кто, испытывая страх накануне полевого поединка, обращался к волхвам и чародеям с просьбой отвести от них поражение и смерть, а затем, поцеловав крест или икону, выходил биться с соперником. Духовенство выражало недовольство также тем, что «полщники», подобно язычникам, выясняют отношения «боем», в котором «кров(ь) проливают» [35, с. 310].

Протесты духовенства, а также губная реформа, сопровождавшаяся переходом от состязательного процесса к розыску, способствовавшая укреплению на местах внешне демократичных, в действительности полностью зависимых от царской власти и действовавших в ее интересах органов управления, обусловили отмену «поля» и крестного целования в делах о поджогах, убийствах, разбоях, грабежах, избиениях, «татьбе» и займах. В прочих делах истец и ответчик имели право биться друг с другом только по обоюдному согласию. Если одна из сторон в подтверждение своей правоты вместо участия в поединке выражала желание целовать крест, «поле» не присуждалось. Эти постановления отражены в Приговоре о губных делах от 22 августа 1556 г. [36, № 16 ст. 1, 2, 20, с. 39, 42]. Н.Е. Носов считал, что ст. 1 и 2 Приговора, предписывающие

раскрывать тяжкие преступления «без поля» и крестоцелования, «следует истолковывать в более широком плане – как новую форму следственного процесса по уголовным делам, ... выдвигающую данные повальных обысков (опрос местного населения. – *И.М.*) в числе решающих доказательств, которыми должны руководствоваться все судебные власти» [37, с. 40].

Представления и воспоминания о полевых поединках нашли отражение в заговорах [34, с. 275], пословицах и поговорках («В поле две воли – чья возьмет (чья правее), та и сильнее» [38, с. 423], «Кому на поле Божья помощь», «Кому на бою Божья милость» [39, с. 43], сказках и преданиях русского народа. Так, в сказке «Волшебный конь» два великана, оспаривающие право владения чудесными предметами – помелом и клюкой, на «большом зеленом лугу» «друг дружку кулаками потчуют, избились-исколотились до крови, а ни один другого осилить не может» [40, с. 20]. В сказке «о сильном и храбром непобедимом богатыре Иване-царевиче и о прекрасной его супружнице царь-девице» «дерутся промеж себя два леших». На вопрос Ивана-царевича о причине их ссоры один из леших ответил: «Шли мы двое дорогою и нашли шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и скатерть-самобранку ... Из этой находки сапоги да шляпу беру я себе, а скатерть отдаю моему товарищу; а он хочет всем овладеть и для того вступил со мной в драку» [41, с. 194]. Сказочные герои, как и тяглецы XV–XVI вв., доказывают принадлежность им оспариваемого предмета победой над соперником в равном честном поединке.

Исследователи считали, что представления о помощи Бога правому во время полевого поединка отражены в поверье о необычном судье, являвшемся в виде цепи (записано в Порховском уезде Псковской губернии, опубликовано в 1850 г.) и, возможно, в предании о церкви в селе Чермных Темниковского уезда Тамбовской губернии, которое в 1889 г. «слышал» от местных крестьян П.И. Астров. Жители Порховского уезда рассказывали, что в их краю «есть гора Судома», над которой «с неба спускалась цепь. Случались ли неразрешимые споры, предъявлялось ли бездоказательное обвинение, стороны шли к горе суда и каждая из них должна была поочередно достать цепь рукой, а цепь позволяла взять себя только руке праведной. Однажды сосед у соседа украл деньги и засыпал их в толстую палку, выдолбленную в середине». Потерпевший, обвиняя вора, взялся за цепь. Затем вор, передав истцу палку с деньгами, сказал, что невиновен. «Цепь и ему далась, но с тех пор неизвестно, как и куда исчезла». А.Н. Филиппов обнаружил здесь намек на прекращение Божьих полевых судов и замену состязательного процесса розыском [42, с. 70].

Согласно тамбовскому преданию «некогда, очень давно тому назад» крестьяне сел Чермных и Котельни, расположенных на берегу реки Мокши, молились в общей церкви, а потом решили перенести ее в одну из общин, а в другой построить новый храм. Каждая община пре-

тендовала на старую церковь, поэтому было решено «отдать дело на Божью волю». Храм разобрали на бревна, которые спустили в воду. «Бревна поплыли ... против течения», в сторону села Чермных. «Крестьяне поняли Божью волю, и старая церковь была перенесена в село Чермных, а в Котельне построили новую». Записавший это предание П.И. Астров указал, что его сближает с ордалией «существование спора между двумя сторонами, обращение к Божеству за его разрешением и действительное ... сверхъестественное решение этого последнего» [43, с. 53].

Итак, «поле» как разновидность ордалии, Божьего суда было широко распространено на Руси в XIII–XVI вв. Оно присуждалось в делах о тяжких уголовных преступлениях, займах, земельных тяжбах. Кроме истцов и ответчиков, на «поле» бились их свидетели–послухи. Постепенное прекращение практики вершения дел сверхъестественными силами обусловлено реформированием судебной системы, переходом от состязательного процесса к розыску. Круг источников, отражающих сведения о полевых поединках, представления их участников и очевидцев, не следует ограничивать сборниками и сводами законов, актами и записями современников. Интересные данные, полученные в процессе исследования этнографического материала, позволяют расширить знания о «поле» как явлении обычного русского права.

Список литературы

1. Любимов В.П. Списки Правды Русской // Правда Русская. Т. I. Тексты. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 505 с.
2. Зимин А.А. Правда Русская. – М.: Древлехранилище, 1999. – 424 с.
3. Правда Русская. Т. II. Комментарии. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. – 862 с.
4. Памятники русского права. Вып. 2. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. – 443 с.
5. Кафенгауз Б.Б. Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. – М.: Наука, 1969. – 136 с.
6. Михайлова И.Б. Отечественная историография XIX – начала XX в. о судебной организации Псковской земли в XIII – начале XVI в. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – 2014. – Сер. 2. – Вып. 3. – С. 5–16.
7. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 321–389.
8. Коллманн Н.-Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. – М.: Древлехранилище, 2001. – 463 с.
9. Михайлова И.Б. «Вы ль кудри, мои кудри»: волосы, человек, общество на Руси X–XVIII веков // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – М.: Нов. лит. обзор. – 2008. – Вып. 7. Весна. – С. 77–93.
10. Энгельман И.В. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. – СПб.: Тип. Э. Веймара, 1855. – 182 с.
11. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. – М.: Тип.-лит. С.А. Петровского и Н.П. Панина, 1879. – 728 с.
12. Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 300–308.
13. Памятники русского права. Вып. 3. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955. – 528 с.

14. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 320 с.
15. Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. I, II. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1895. – 271 с.
16. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собрал и издал А. Юшков. Ч. 1. – М.: Универ. тип., 1896. – 415 с.
17. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). – М.: Мысль, 1982. – 333 с.
18. Борисов Н.С. Иван III. – М.: Молодая гвардия, 2000. – 644 [12] с.
19. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I. – Киев: В тип. И. и А. Давиденко, 1860. – 407, 25, 15, 3 с.
20. Судебники XV–XVI веков. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 620 с.
21. Акты Русского государства. 1505–1526 гг. – М.: Наука, 1975. – 435 с.
22. Акты Российского государства. Акты московских монастырей и соборов. XV – начало XVII вв. – М.: Ладомир, Янус-К, 1998. – 734, 24 с.
23. Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 6. – М.: Памятники ист. мысли, 2000. – С. 90–147.
24. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. – М.: Наука, 1978. – 191 с.
25. Маштафаров А.В. Муромские монастыри и церкви в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 6. – М.: Памятники ист. мысли, 2000. – С. 43–89.
26. Антонов А.В. Клинские акты XV – XVI века // Русский дипломатарий. Вып. 4. – М.: Памятники ист. мысли, 1998. – С. 53–110.
27. Антонов А.В. Ярославские монастыри и церкви в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 5. – М.: Памятники ист. мысли, 1999. – С. 13–67.
28. Антонов А.В. Правая грамота 1555 года из архива Нижегородского Дудина монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 6. – М.: Памятники ист. мысли, 2000. – С. 155–167.
29. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. – М.: Памятники ист. мысли, 1998. – 640 с.
30. Акты феодального землевладения и хозяйства XV–XVI веков. Ч. 1. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 400 с.
31. Акты служилых землевладельцев XV–XVI века. Т. I. – М.: Археограф. центр, 1997. – 432 с.
32. Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 431 с.
33. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – Рязань: Александрия, 2007. – 400 с.
34. Афанасьев А.[Н]. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 2. – М.: Изд. К. Солдатенкова, 1868. – 784 с.
35. Емченко Е.Б. Стоглав: Исследование и текст. – М.: Индрик, 2000. – 504 с.
36. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. – Л.: Наука, 1986. – 263 с.
37. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Комментарии. – Л.: Наука, 1987. – 263 с.

38. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т.– СПб.: Диамант, 1996. – Т. 2. – 478 с.
39. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. – СПб.: Диамант, 1996. – Т. 1. – 479 с.
40. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 5 т. – М.: ТЕРРА, 1999. – Т. 2. – 320 с.
41. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 5 т. – М.: ТЕРРА, 1999. – Т. 3. – 304 с.
42. Филиппов А.Н. Народное обычное право как исторический материал // Русская мысль. – М., 1886. Год VII. Сент. – С. 56–71.
43. Астров П.И. Об участии сверхъестественной силы в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии // Тр. Этнограф. отдела императорского о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Кн. IX. – Вып. 1. – М.: Тип. А. Левенсонъ и К°, 1889. – С. 49–57.

References

1. *Ljubimov V.P.* Spiski Pravdy Russkoj [A List Of Russian Truth] // Pravda Russkaja [True Russian]. – Т. I. Lyrics. Moscow; Leningrad: Publisher of Academy of Sciences of the USSR. – 505 p.
2. *Zimin A.A.* Pravda Russkaja [True Russian]. – М.: "Archives", 1999. – 424 p.
3. *Pravda Russkaja* [True Russian]. Т. II. Comments. – Moscow; Leningrad: Publisher of Academy of Sciences of the USSR. – 862 p.
4. *Pamjatniki russkogo prava* [Monuments of Russian law]. Vol. 2. – М.: State publishing house of legal literature, 1953. – 443 p.
5. *Kafengauz B.B.* Drevnij Pskov. Oчерki po istorii feodal'noj respubliki [Ancient Pskov. Essays on the history of the feudal Republic]. – М.: Nauka, 1969. – 136 p.
6. *Mihajlova I.B.* Otechestvennaja istoriografija XIX – nachala XX v. o sudebnoj organizacii Pskovskoj zemli v XIII – nachale XVI v. [Russian historiography of XIX – beginning of XX century. on the judicial organization of the Pskov land in the XIII – beginning of XVI century] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Vestnik of Saint Petersburg University]. – 2014. – Ser. 2. Vol. 3. – Pp. 5–16.
7. *Pskovskaja Sudnaja gramota* [Pskov judicial Charter] // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation X–XX centuries]: in 9 t. Т. 1. – М.: Legal literature. – Pp. 321–389.
8. *Kollmann N.-Sh.* Soedinennye chest'ju: Gosudarstvo i obshhestvo v Rossii rannego novogo vremeni [United honor: the State and society in Russia and early modern times]. – М.: "Archives", 2001. – 463 p.
9. *Mihajlova I.B.* «Vy l' kudri, moi kudri»: volosy, chelovek, obshhestvo na Rusi X – XVIII vekov ["are You not the most perfect curls, my curls" the hair, man, society in Russia X – XVIII centuries] // Teorija mody. Odezhda. Telo. Kul'tura [Fashion Theory. Clothing. Body. Culture]. – М.: New Literary review. 2008. Vol. 7. Spring. – Pp. 77–93.
10. *Jengel'man I.V.* Sistematiceskoe izlozhenie grazhdanskih zakonov, sodержashhihsja v Pskovskoj Sudnoj gramote [Systematic presentation of the civil laws contained in the Pskov judicial deed]. – SPb.: Printing House E. Of Weimar, 1855. – 182 p.
11. *Beljaev I.D.* Lekcii po istorii russkogo zakonodatel'stva [Lectures on the history of Russian legislation]. – Moscow: Tipo-Lithography S. A. Petrovsky and N. P. Panina, 1879. – 728 p.
12. *Novgorodskaja Sudnaja gramota* [The Novgorod judicial Charter] // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation X – XX centuries]: in 9 t. Т. 1. – М.: Legal literature. – Pp. 300–308.

13. *Pamjatniki ruskogo prava* [Monuments of Russian law]. Vol. 3. – M.: State publishing house of legal literature, 1955. – 528 p.
14. *Tihomirov M.N. Srednevekovaja Moskva v XIV–XV vekah* [Medieval Moscow in the XIV – XV centuries]. – M.: Moscow University Publishing house, 1957. – 320 p.
15. *Lihachev N.P. Sbornik aktov, sobrannyh v arhivah i bibliotekah* [A collection of acts collected in archives and libraries]. Vol. I, II. – SPb.: Printing house V. S. Balasheva and K°, 1895. – 271 p.
16. *Akty XIII–XVII vv., predstavlenye v Razriadnyj prikaz predstaviteljami sluzhilyh familij posle otmeny mestnichestva* [Acts of the XIII–XVII centuries presented in the order of Bit representatives of the service class names after the abolition of mestnichestvo] / Collected and published by A. Yushkov. Part 1. – Moscow: University printing office, 1896. – 415 p.
17. *Zimin A.A. Rossija na rubezhe XV–XVI stoletij (očerki social'no-politicheskoj istorii)* [Russia at the turn of XV–XVI centuries (essays on socio-political history)]. – M.: Mysl', 1982. – 333 p.
18. *Borisov N.S. Ivan III [Ivan III]*. – M.: Young guard, 2000. – 644 [12] p.
19. *Akty, odnosjashiesja do grazhdanskoj raspravy Drevnej Rossii* [Acts related to civil punishment of Ancient Russia] / Collected and published by A. Fedotov-Chekhovskiy. T. I. Kyiv: printing house of A. I. and Davidenko, 1860. – 407, 25, 15, 3 p.
20. *Sudebniki XV–XVI vekov* [Sudebniks XV–XVI centuries]. – Moscow; Leningrad: Publisher of Academy of Sciences of the USSR. – 620 p.
21. *Acts of the Russian state. 1505–1526 gg.* [Acts of the Russian state. 1505 – 1526]. – Moscow: Nauka, 1975. – 435 p.
22. *Akty Rossijskogo gosudarstva. Akty moskovskih monastyrej i soborov. XV – nachalo XVII vv.* [Acts of the Russian state. Acts of the Moscow monasteries and cathedrals. The XV – beginning of XVII centuries]. – Moscow, "Ladomir", Yanus-K, 1998. – 734, 24 p.
23. *Kisterev S.N. Vladimirskij Rozhdestvenskij monastyr' v dokumentah XVI – nachala XVII veka* [The Vladimir Christmas monastery in the documents of XVI – early XVII century] // *Russkij diplomatarij* [The Russian diplomatarium]. Vol. 6. – Moscow: Monuments of historical thought, 2000. – Pp. 90–147.
24. *Pamjatniki ruskoj pis'mennosti XV – XVI vv. Rjazanskij kraj* [The monuments of Russian literature of XV – XVI centuries the Ryazan region]. – M.: Nauka, 1978. – 191 p.
25. *Mashtafarov A.V. Muromskie monastyri i cerkvi v dokumentah XVI – nachala XVII veka* [Murom monasteries and the Church in the documents of XVI – early XVII century] // *Russkij diplomatarij* [The Russian diplomatarium]. Vol. 6. – Moscow: Monuments of historical thought, 2000. – Pp. 43–89.
26. *Antonov A.V. Klinskie akty XV – XVI veka* [Klin acts XV – XVI century] // *Russkij diplomatarij* [The Russian diplomatarium]. Vol. 4. – Moscow: Monuments of historical thought, 1998. – Pp. 53–110.
27. *Antonov A.V. Jaroslavskie monastyri i cerkvi v dokumentah XVI – nachala XVII veka* [Yaroslavl monasteries and the Church in the documents of XVI – early XVII century] // *Russkij diplomatarij* [The Russian diplomatarium]. Vol. 5. – Moscow: Monuments of historical thought, 1999. – Pp. 13–67.
28. *Antonov A.V. Pravaja gramota 1555 goda iz arhiva Nizhegorodskogo Dudina monastyrja* [Right certificate 1555 from the archive of Dudin monastery of Nizhny Novgorod] // *Russkij diplomatarij* [The Russian diplomatarium]. Vol. 6. – Moscow: Monuments of historical thought, 2000. – Pp. 155–167.
29. *Akty Suzdal'skogo Spaso-Evfim'eva monastyrja 1506 – 1608 gg.* [Acts Suzdal Saviour monastery Evfimiev 1506–1608]. Moscow: Monuments of historical thought, 1998. – 640 p.

30. *Akty feodal'nogo zemlevladienija i hozjajstva XV – XVI vekov* [Acts of feudal tenure and management of the XV–XVI centuries]. Part 1. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. – 400 p.
31. *Akty sluzhilyh zemlevladel'cev XV–XVI veka* [Acts of service class of landowners of the XV – XVI century]. T. I. – M.: Archaeological center, 1997. – 432 p.
32. *Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovite Affairs]. – M.: Publisher of Moscow University, 1988. – 431 p.
33. *Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English travelers in the Moscow state in XVI century]. – Ryazan: "Alexandria", 2007. – 400 p.
34. *Afanas'ev A. [N]. Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izuchenija slavjanskih predanij i verovanij v svjazi s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennyh narodov* [Poetic views of Slavs on nature. Experience of comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with mythical tales of other kindred peoples]. Vol. 2. – M.: Izd. K. Soldatenkova, 1868. – 784 p.
35. *Emchenko E.B. Stoglav: Issledovanie i tekst* [Stoglav: Research and text]. – Moscow: "Indrik", 2000. – 504 p.
36. *Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI – pervoj poloviny XVII veka. Teksty* [Legislative acts of the Russian state in the second half of XVI – first half of XVII century. Texts]. – L.: Nauka, 1986. – 263 p.
37. *Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI – pervoj poloviny XVII veka. Kommentarii* [Legislative acts of the Russian state in the second half of XVI – first half of XVII century. Comments]. – L.: Nauka, 1987. – 263 p.
38. *Dal' V.I. Poslovicey russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]: in 2 t. T. 2. – SPb.: Diamond, 1996. – 478 p.
39. *Dal' V.I. Poslovicey russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]: in 2 t. T. 1. – SPb.: Diamond, 1996. – 479 p.
40. *Afanas'ev A.N. Narodnye russkie skazki* [Russian fairy tales]: in 5 t. T. 2. – Moscow: TERRA, 1999. – 320 p.
41. *Afanas'ev A.N. Narodnye russkie skazki* [Russian fairy tales]: in 5 t. T. 3. – Moscow: TERRA, 1999. – 304 p.
42. *Filippov A.N. Narodnoe obychnoe pravo kak istoricheskij material* [National customary law as a historical material] // *Russkaja mysl'* [Russian thought]. – M., 1886. Year VII. September. – Pp. 56–71.
43. *Astrov P.I. Ob uchastii sverh#estestvennoj sily v narodnom sudoproizvodstve krest'jan Elatomskogo uezda Tambovskoj gubernii* [About the involvement of supernatural forces in the national proceedings of peasants Elatomskogo County of Tambov province] // *Trudy Jetnograficheskogo otdela imperatorskogo obshhestva ljubitelej estestvoznanija, antropologii i jetnografii* [Proceedings of the Ethnographic Department of the Imperial society of naturalists, anthropology and Ethnography]. KN. IX. Vol. 1. – M.: Printing house of Levenson and K°, 1889. – Pp. 49–57.

УДК 94(47):659.4

Е.Н. Крылова

Формирование общественного мнения о власти в России в начале XX в. на примере газеты «Санкт-Петербургские ведомости»

В статье рассматривается деятельность газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в период с 1896 по 1905 гг. по формированию общественного мнения о власти. В указанный период на своих страницах газета формировала негативный образ власти, критикуя действия правительства. Особое внимание уделено деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел в отношении газеты в период пребывания на посту министра внутренних дел В.К. Плеве, П.Д. Святополк-Мирского и А.Г. Булыгина. В целом деятельность газеты в указанный период была охарактеризована как оппозиционная существующему правительственному режиму и предприняты попытки сменить издателя-редактора «Санкт-Петербургских ведомостей» Э.Э. Ухтомского. На примере «Санкт-Петербургских ведомостей» видна непоследовательность правительственной политики и отсутствие четкой и ясной позиции по отношению к прессе в начале XX в. со стороны власти.

The article is dedicated to the activity of a newspaper “The Saint-Petersburg Vedomosti” in forming of public opinion about authority from 1896 to 1905. The newspaper formed a negative image of authority and criticized the actions of the government. Particular attention is given to the activity of General Administration of Press to the newspaper when V.Pleve, P.Svyatopolk-Mirskiy, A.Bulygin were ministers of the Interior. The activity of “The Saint-Petersburg Vedomosti” at that time was considered to be opposing to the monarchy and attempts to supersede Uhtomskiy as editor were made. “The Saint-Petersburg Vedomosti” is an example of inconsistency of government policy to the press at the beginning of XX century in Russia.

Ключевые слова: общественное мнение, печать, «Санкт-Петербургские ведомости» в начале XX в., Главное управление по делам печати, Э.Э. Ухтомский, В.К. Плеве, П.Д. Святополк-Мирский, А.Г. Булыгин.

Key words: public opinion, the press, the media, “The Saint-Petersburg Vedomosti”, General Administration of Press in the Ministry of the Interior, E. Uhtomskiy, V. Pleve, P. Svyatopolk-Mirskiy, A. Bulygin.

Формирование общественного мнения является необходимым условием развития общества и требует времени. Распространение общественного мнения предполагает наличие соответствующих каналов, к которым «относились салоны, кружки, общества, клубы, театры, балы и другие места скопления людей» [1, с. 535]. Значительную роль играли церковь и пресса. Как отмечает Е.И. Пронин, «печать может достигнуть

любой цели, которую ставит перед собой, распространяя информацию, вклинивая ее в потоки сообщений, поступающих к людям от других источников. Этим она способствует переосмыслению в нужном направлении общего объема информации» [2, с. 86]. Печать больше, чем другие средства массовой информации, подходит для сообщений, «пытающихся изменить позицию путем предоставления новых фактов и аргументов. К содержанию газеты можно возвратиться, взвесить и обдумать все еще раз» [3, с. 34]. Таким образом, на страницах печатных СМИ, особенно ежедневных газет, можно наблюдать историю повседневной жизни и постепенное формирование общественного мнения, выразителем которого часто выступают сами СМИ.

«Регулярность распространения информации и повторяемость информации определяют высокую эффективность средств массовой коммуникации в процессе формирования общественного мнения» [4, с. 89]. Поэтому властные структуры заинтересованы в контроле над средствами массовой информации и создании своего потока информации, формирующего общественное мнение о власти. В начале XX в. функцию контроля за средствами массовой информации выполняло Главное управление по делам печати при Министерстве внутренних дел [подробнее см.: 5, 6], а правительственными изданиями были такие газеты, как «Правительственный вестник», «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости».

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» была создана в 1728 г. и находилась в ведении Министерства народного просвещения, так как издавалась при Академии наук. «Выпуск газеты часто был убыточным, – пишет Е.С. Сониная, – «и Академия наук иногда отдавала "Санкт-Петербургские ведомости" в аренду частным лицам, которых было довольно много» [7, с. 19]. Так, с 1847 по 1883 гг. сменилось пять редакторов, а в 1896 г. «Санкт-Петербургские ведомости» были переданы в арендное содержание на 12 лет князю Э.Э. Ухтомскому, сопровождавшему будущего императора Николая II в 1890–1891 гг. в его путешествии на Восток [8]. «Санкт-Петербургские ведомости» получали субсидию от правительства в виде оплаты государственных объявлений.

Казалось бы, первая российская газета, основанная на государственных средствах и получающая от него дотации, должна быть олицетворением проводимой правительством политики и рупором самодержавной власти, отстаивая правительственные интересы, однако в докладе, сделанном по Главному управлению по делам печати 5 июня 1903 г. по поводу «Санкт-Петербургских ведомостей», было отмечено, что издание «усвоило себе совершенно нежелательное с правительственной точки зрения направление» [9. Л. 17], и в целом направление «С.-Петербургских ведомостей» было охарактеризовано как оппозиционное существующему правительственному режиму.

Газета неоднократно привлекала к себе внимание Главного управления по делам печати, а министр внутренних дел В.К. Плеве считал, что «одной из отличительных особенностей газеты является ее постоянное стремление дискредитировать правительственную власть в глазах общества и подорвать доверие к действиям правительственных агентов, путем систематического указания на их непригодность и неспособность справиться с порученным им делом» [9. Л. 17].

Эта тенденция, по мнению Главного управления по делам печати, особенно явно проявилась в таких разделах газеты, как «провинциальная хроника» и «обозрения провинциальной печати». По мнению цензора, намеренно подбирались определенные «предвзято составленные корреспонденции» и перепечатки, «настойчиво и последовательно» сообщалось читателю о случаях нарушения закона должностными лицами, преимущественно административными, превышения ими власти до грубого произвола.

В газете периодически появлялись статьи, в которых правительство изображалось как главный виновник «переживаемых народом бедствий и затруднений, причем порою такое обвинение бросается правительству в резких и несдержанных выражениях. Все это, вместе взятое, проявляясь с упорным постоянством изо дня в день, не может не действовать на читателей "С.-Петербургских ведомостей" превратным образом, поселяя в них недоверие и недружелюбные чувства к действиям и мероприятиям правительства» [9. Л. 17 об.].

Но особую обеспокоенность цензора вызывал осуществляемый в газете подбор публикаций из других изданий. В этом отношении обзор, особенно провинциальной прессы, по мнению цензора, был настолько полон и обстоятелен, что в значительной степени облегчал Главному управлению по делам печати наблюдение за местной прессой.

Редактора-издателя Э.Э. Ухтомского неоднократно приглашали на беседы в Главное управление по делам печати. После них, как правило, «С.-Петербургские ведомости» принимали более сдержанный характер, не меняя, однако, своего общего направления.

Цензор, просматривающий эту газету, видел основную причину в свободном доступе в редакцию нежелательных сотрудников и слабом контроле и руководстве газетой со стороны Ухтомского, «личная благонамеренность которого стоит вне всякого подозрения». Вывод цензора гласил: «"С.-Петербургские ведомости" не только не содействуют правильному освещению существующего строя жизни и его текущих явлений и правильному разъяснению правительственных мероприятий, как этого следовало бы ожидать, но в большинстве случаев становятся в явно отрицательное отношение к правительству» [9. Л. 21–21 об.]. Подчеркивалось, что «если такое направление предосудительно в частном издании, то оно тем менее терпимо в издании, принадлежащем правительственному ведомству и субсидируемом казною» [9. Л. 21 об.]. По-

этому неудивительно, что за время редактирования газеты кн. Ухтомским «С.-Петербургские ведомости» с 1896 по 1902 гг. получили два предостережения и четыре раза подвергались запрету розничной продажи, а также сам Э.Э. Ухтомский, как уже отмечалось, неоднократно приглашался в Главное управление по делам печати [9. Л. 21 об.].

Став министром внутренних дел, В.К. Плеве поднял вопрос об отстранении кн. Ухтомского от издания «С.-Петербургских ведомостей», как «единственно правильном выходе из сложившейся ситуации». Для этого осенью 1902 г. министр внутренних дел поручил начальнику Главного управления по делам печати Н.А. Звереву обсудить этот вопрос с министром народного просвещения, так как газета числилась за Министерством народного просвещения. Последний выразил свое согласие.

Однако прежде, чем отстранить Э.Э. Ухтомского от должности, В.К. Плеве предпринял несколько попыток повлиять на изменение направления газеты в желательном для правительства направлении. С этой целью он дважды вызывал на личные беседы Ухтомского и давал ему необходимые указания, неоднократно то же самое делал и начальник Главного управления по делам печати. Данные беседы не имели результата, и в декабре 1902 г. министр внутренних дел объяснил Ухтомскому, что «видит себя вынужденным потребовать от него расторжения контракта по арендованию газеты». Князь согласился. Тогда было решено, что расторжение контракта состоится через три месяца. «Впоследствии этот срок был продлен до 1 июля 1903 г., как даты удобной, с практической точки зрения, для передачи газеты в другие руки» [9. Л. 22].

По инициативе В.К. Плеве Э.Э. Ухтомскому было предложено выяснить условия, при которых он мог бы оставить занимаемую должность. 5 мая 1903 г. Э.Э. Ухтомский представил министру прошение о единовременной выдачи ему при расторжении контракта 90 тыс. р. за напечатанные, но еще не оплаченные государственные объявления и предоставить правительственную гарантию в уплате квартирных денег домовладельцу (приблизительно 30 тыс. р.). В письме от 7 мая кн. Ухтомский дополнительно указал на необходимость выдачи ему документа, удостоверяющего, что он оставляет управление газетой по требованию правительства как гарантии против возможных исков, ввиду заключенных им условий с типографией и писчебумажной фабрикой [9. Л. 22 об.].

Министерство внутренних дел рассмотрело прошение и пришло к выводу, что оно основано лишь на приблизительных расчетах и в них не были приняты во внимание данные, которые могли бы значительно снизить запрашиваемую издателем от государства сумму. Тем не менее, так как предполагалось, что кн. Ухтомский оставляет аренду газет по требованию Министерства внутренних дел, Плеве счел нужным выдать ему эту сумму и необходимые документы.

Однако министр народного просвещения Г.Э. Зенгер предложил созвать особое совещание, которое рассмотрело бы «вопрос об аренде кн. Ухтомским "С.-Петербургских ведомостей" в целом, и, в частности, оставилось бы на тех условиях, при которых за ним могло бы быть оставлено редактирование газеты до истечения срока контракта» [9. Л. 23 об.]. Таким образом, Г.Э. Зенгер выразил нежелание передать газету в другие руки, ссылаясь на «текст статьи 15-й контракта, в силу которой министерство народного просвещения выразило готовность содержать свято и ненарушимо контракт по всем его условиям» [9. Л. 23 об.].

24 июня 1903 г. накануне особого совещания на имя начальника Главного управления по делам печати поступило заявление от редактора-издателя «С.-Петербургских ведомостей» Э.Э. Ухтомского и А.А. Столыпина [9. Л. 25], которое было принято во внимание на совещании министров, состоявшемся 25 июня 1903 г.

В заявлении А.А. Столыпин сообщал о своей согласии принять на себя обязанности редактора газеты «С.-Петербургские ведомости».

Обсудив все документы, особое совещание постановило назначить Столыпина новым редактором, а Ухтомского оставить в качестве издателя. Дополнительный контракт с кн. Ухтомским был заключен 9 июля 1903 г., а 15 июля А.А. Столыпин был утвержден редактором «С.-Петербургских ведомостей». Разрешение на эти назначения были получены на всеподданнейшем докладе 26 июня 1903 г.

Через год, 15 июня 1904 г. дворянин Столыпин вследствие переутомления, подал прошение об увольнении его с должности редактора и с 1 сентября 1904 г. временное исполнение обязанностей редактора «С.-Петербургских ведомостей» по соглашению министров внутренних дел и народного просвещения было разрешено принять на себя коллежскому советнику Н.Н. Штиглицу.

Таким образом, изменить направление газеты в целом В.К. Плеве не удалось, так как Министерство народного просвещения не согласилось поддержать Министерство внутренних дел. Газета, высказывавшая антиправительственные суждения и финансируемая за счет государства, продолжала свое существование. Плеве не удалось отстранить Ухтомского от издания газеты. Он ушел с поста редактора, но остался издателем газеты.

Уже при новом министре внутренних дел П.Д. Святополк-Мирском произошла смена редакторов газеты, а 1 декабря 1904 г. состоявшему при Министерстве внутренних дел в звании камер-юнкера высочайшего двора Э.Э. Ухтомскому было разрешено издавать в Санкт-Петербурге, без предварительной цензуры, под его редакторством, ежедневную иллюстрированную газету под названием «Рассвет» [10. Л. 1]. Таким образом, к концу 1904 г. Э.Э. Ухтомский стал издателем уже двух газет.

Весной 1905 г. новый министр внутренних дел А.Г. Булыгин обратился к Николаю II с идеей создания консервативного органа печати на основе газеты «С.-Петербургские ведомости».

В докладе указывалось, что «охранительная партия, преданная идеям законности, порядка и разумного прогресса в путях, указываемых с высоты престола, лишена возможности проводить в обществе свои зрелые и отрезвляющие идеи, так как не располагает в центре политической жизни страны, в Петербурге, принадлежащим ей печатным органом. Причиной тому не недостаток публицистических или литературных дарований, которыми консервативная партия наша располагает в изобилии, а недостаток материальных средств для предприятия, требующего весьма значительных затрат» [11. Л. 1]. Новому изданию, по мнению А.Г. Булыгина, потребовалось бы несколько лет упорной и тяжелой работы, чтобы пробить себе дорогу и завоевать доверие и внимание публики. Поэтому А.Г. Булыгин предлагал купить газету, которая имеет уже определенный круг читателей и положение, и которая уже обеспечена материальными ресурсами.

Таким органом, по его мнению, была газета «Санкт-Петербургские ведомости», находящаяся «в бездарных руках князя Э. Ухтомского, который извлекает из нее лишь материальные выгоды, предоставив редакционную часть в распоряжение группы публицистов, крайне враждебных русской национальной идее и, ради популярности и успеха, отстаивающей интересы инородцев и иноверцев, преимущественно же евреев» [11. Л. 1].

Наиболее трудная сторона осуществления этого дела заключалась, по мнению А.Г. Булыгина, в том, что оно сопряжено с нарушением материальных интересов арендатора «С.-Петербургских ведомостей» Э.Э. Ухтомского. По мнению министра, правительство, сознавая всю государственную важность создания свободного органа печати, «не затруднилось бы поддержать такое полезное дело отпуском сравнительно незначительной суммы (тысяч сто), для возмещения князю Ухтомскому убытков от досрочного прекращения заключенного с ним контакта. Этим способом "С.-Петербургские ведомости" могли бы в ближайшем будущем перейти в руки вновь избранного правительством редактора, около которого сгруппировались бы вполне преданные русскому духу сотрудники по всем разнообразным отделам большой политической газеты» [11. Л. 4].

К докладу был приложен список сотрудников. На должность редактора А.Г. Булыгин предлагал приват-доцента Санкт-Петербургского университета Б.В. Никольского, «человека, до фанатизма преданного охранительным началам и глубоко убежденного в непоколебимости исторических основ русского государственного строя – православия, самодержавия и народности» [11. Л. 4]. Б.В. Никольский, по мнению Булыгина, «человек молодой, ученый, энергичный и весьма талантливый».

вый. В разговорах с ним, довольно продолжительных, я имел случай убедиться, что задачи большой политической газеты и техника этого хлопотливого и сложного дела ему не чужды, притом же он пользуется большими связями среди литераторов и публицистов, родственных ему по мысли и духу» [11. Л. 4].

Однако газета так и не была выкуплена, а в декабре 1905 г. на всеподданнейшем докладе управляющего Министерством внутренних дел П.Н. Дурново последовало высочайшее соизволение на утверждение Э.Э. Ухтомского «вновь редактором означенной газеты, вместо временно исполняющего обязанности редактора "С.-Петербургских ведомостей" ассистента императорского Клинического института великой княгини Елены Павловны, коллежского советника Николая Штиглица» [11. Л. 12].

В докладе сообщалось: «Принимая во внимание, что коллежский советник Штиглиц в действительности принимает лишь весьма незначительное участие в редактировании "С.-Петербургских ведомостей", лежащем всецело на ответственности князя Ухтомского, управляющий министерством внутренних дел, по соглашению с министерством народного просвещения, в настоящее время полагал бы более полезным и целесообразным вновь возложить исполнение редакторских обязанностей на князя Ухтомского» [11. Л. 12 об.].

Эспер Эсперович Ухтомский оставался издателем газеты «Санкт-Петербургские ведомости» до 1917 г., когда она была закрыта. В целом власть не видела необходимости открывать консервативный орган, не осознавала необходимости бороться за общественное мнение, проводить и доказывать свое мнение и точку зрения по основным государственным вопросам в печати, использовать те же приемы распространения идей, как и либеральная пресса.

Таким образом, формирование общественного мнения правительственной газетой «Санкт-Петербургские ведомости» было не в пользу власти. Главное управление по делам печати предпринимало неактивные попытки изменить направление газеты, но серьезных распоряжений в отношении газеты сделано не было. Публикация в газете статей дискредитирующих правительство и деятельность чиновников могла создавать только негативное общественное мнение. Складывалось впечатление, что власть сама со страниц финансируемой ей газеты указывала на свои промахи.

На примере «Санкт-Петербургских ведомостей» видна непоследовательность правительственной политики и отсутствие четкой и ясной позиции по отношению к прессе в начале XX в. со стороны правительства. С одной стороны, было осознание необходимости изменения взаимоотношений со средствами массовой информации, с другой стороны, неудачные попытки реорганизовать газету и сменить редактора свидетельствуют об отсутствии четкой и активной политики в этом направлении.

Список литературы

1. Гросул В.Я. Общественное мнение в России в XIX в. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 560 с.
2. Пронин Е.И. Печать и общественное мнение. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 132 с.
3. Комаровский В.С. Общественное мнение в управлении общественными отношениями. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 40 с.
4. Общественное мнение и политика / Е.Ю. Леонтьева, А.Н. Леонтьев, А.Е. Песков, Е.А. Кленина. – Волгоград: Волгогр. гос. архитект.-строит. ун-т, 2011. – 174 с.
5. Крылова Е.Н. Деятельность Главного управления по делам печати в области формирования позитивного общественного мнения о власти в начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов. – 2015. – № 4(56). – Ч. II. – С. 103–106.
6. Крылова Е.Н. Основные направления деятельности Главного управления по делам печати в 1901 г. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина: науч. журн. Т. 4. История. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – № 1. – С. 169–177.
7. Сониная Е.С. Петербургская универсальная газета конца XIX в. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 357 с.
8. Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток. Избранные отрывки из книги кн. Э.Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, 1890–1891». – СПб.: О-во рус. традиционной культуры видеостудия «Искона», 2013. – 284 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 776. Оп. 1. Д. 36.
10. РГИА Ф. 777. Оп. 5. Д. 222.
11. РГИА Ф. 776. Оп. 1. Д. 38.

References

1. *Grosul V.Ja.* Obshhestvennoe mnenie v Rossii v XIX v. [Public opinion in Russia in the XX century]. – Moscow: AIRO-XXI, 2013. – 560 p.
2. *Pronin E.I.* Pechat' i obshhestvennoe mnenie. [The media and public opinion]. – Moscow: Publishing of Moscow university, 1971. – 132 p.
3. *Komarovskij V.S.* Obshhestvennoe mnenie v upravlenii obshhestvennymi otnoshenijami [Public opinion in directing public relations] – Moscow: RAGS, 2009. – 40 p.
4. *Obshhestvennoe mnenie i politika.* [Public opinion and politics] / E.Ju. Leont'eva, A.N. Leont'ev, A.E. Peskov, E.A. Klenina. – Volgograd: Volgograd state agricultural university, 2011. – 174 p.
5. *Krylova E.N.* Dejatel'nost' Glavnogo upravlenija po delam pechaty v oblasti formirovanija pozitivnogo obshhestvennogo mnenija o vlasti v nachale XX v. [The activity of General Administration of Press in forming positive public opinion about authority at the beginning of the XX century] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and juridical sciences, cultural studies and art criticism. Theory and Practice]. – Tambov. 2015. – № 4 (56). – Part II. – P. 103–106.
6. *Krylova E.N.* Osnovnye napravlenija dejatel'nosti Glavnogo upravlenija po delam pechaty v 1901 g. [The activity of General Administration of Press in the Ministry of the Interior during 1901] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Nauchnyj zhurnal. [The bulletin of Pushkin Leningrad State University]. Т. 4. – St. Petersburg.: LSU A.S. Pushkin, 2014. – №1. – P. 169–177.

7. *Sonina E.S.* Peterburgskaja universal'naja gazeta konca XIX v. [St. Petersburg universal newspaper at the end of XIX century]. – St. Petersburg: Publishing of St. Petersburg university, 2004. – 357 p.

8. *Uhtomskij Je. Je.* Puteshestvie na Vostok. Izbrannye otryvki iz knigi kn. Je.Je. Uhtomskogo "Puteshestvie na Vostok Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarja Naslednika Cesarevicha, 1890–1891". [The journey to the East]. – St. Petersburg.: Iskona, 2013. – 284 p.

9. Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv (RGIA) [Russian state historical archive]. F. 776. Op. 1. D. 36.

10. RGIA. F. 777. Op. 5. D. 222.

11. RGIA. F. 776. Op. 1. D. 38.

ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47+57)«1905/1917»

А.Н. Егоров

Рецензия на сборник «Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность»: междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 дек. 2013 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева: в 2 ч. СПб.: ЭлекСис, 2014

В статье рецензируется материалы международной научной конференции «Таврические чтения 2013», освещающие различные аспекты российского и зарубежного парламентаризма. Особое внимание уделяется статьям о Государственных думах Российской империи, поскольку несмотря на разноплановость материалов «Таврических чтений», их объединяет сквозная тема – анализ того, как парламентские практики постепенно меняли общественно-политический климат позднеимперской России. Отмечаются новые подходы к изучению парламентской тематики, выделяются дискуссионные проблемы, поставленные докладчиками. Рецензент приходит к выводу, что историческая наука получила сборник трудов, который вместе с предшествующими выпусками «Таврических чтений» станет важнейшей опорой для всех исследователей российского парламентаризма и смежных тем.

The article features a peer-review of the collection of materials presented at the *Tauric Readings 2013* scholarly conference which was devoted to various aspects of Russian and foreign parliamentary systems. Special attention is paid to the articles about State Dumas of the Russian Empire. Despite being diversified, they all are united by one cross-cutting theme - the analysis of the way the parliamentary practices gradually changed the social and political climate in the late Russian Empire. Noted are new approaches to studying the parliamentary subject matter, and controversial problems posed by contributors are pointed out. The reviewer arrives to the conclusion that historical studies were enriched by a collection of works which, together with the previous issues of *Tauric Readings*, will become an important foothold for all researchers of the Russian parliamentarism as well as of related subjects.

Ключевые слова: парламентаризм, либерализм, консерватизм, предвыборная агитация, Государственная дума, Государственный совет.

Key words: parliamentarism, liberalism, conservatism, election campaign, the State Duma, the Council of state.

Изучение истории российского парламентаризма остается важным направлением исторической науки. С 2007 г. в стенах Таврического дворца проходит ежегодная международная научная конференция, касающаяся исследования различных проблем российского и зарубежного

парламентаризма. В изданный в двух частях под редакцией доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена А.Б. Николаева, вошли научные статьи по итогам конференции 2013 г. Многие авторы рецензируемого седьмого сборника «Таврических чтений» сборника являются известными специалистами в изучении парламентской тематики. В частности, А.Б. Николаев плодотворно занимается разработкой новаторских подходов к оценке роли Государственной думы в Февральской революции [1], а также исследует думское участие в решении вопроса об организации власти в центре и на местах в феврале-марте [2] и апреле 1917 г. [3], Д.В. Аронов изучает либеральное законотворчество [4], И.К. Кирьянов – правовой и общественный статус парламентариев, модели парламентского поведения [5], К.А. Соловьев – пути взаимодействия законодательной и исполнительной власти [6], В.А. Демин – механизмы функционирования народного представительства [7; 8] и т. п.

Первый раздел сборника включает три статьи по такой малоисследованной и дискуссионной теме, как Государственная дума и монархия. С.В. Куликов опровергает сложившиеся в советской историографии представления о реакционности династии Романовых, о неприятии ими народного представительства как института власти. На излете советской историографии данную позицию наиболее выразительно отстаивал А.Я. Аврех [9]. Опираясь на источники личного происхождения, Куликов показывает, что династия Романовых «сыграла активную роль в создании Государственной думы и сознательно способствовала сначала упрочению ее позиций в системе дуалистической монархии, а затем, особенно в годы Первой мировой войны, превращению Думы в институт парламентской монархии» [10, с. 36]. Д.В. Аронов полемизирует с исследователями, считающими, что либеральное думское законотворчество являлось лишь средством политической борьбы, лишенным собственно нормативного смысла. Проанализировав тексты либеральных проектов Основных государственных законов, он пришел к выводу, что «в них речь идет о конституционной монархии, где власть монарха ограничена участием общества в осуществлении законодательной власти» [10, с. 44]. В статье И.В. Омелянчука прослеживаются взгляды российских консерваторов на народное представительство – от полного неприятия до признания (с некоторыми оговорками) «целесообразности наличия в политической системе России представительного органа власти с законодательными полномочиями» при условии лояльности к самодержавию депутатского корпуса [10, с. 53].

Шесть статей следующего раздела касаются различных аспектов выборов в Государственную думу. Д.Д. Богоявленский и А.Д. Гронский показывают отражение предвыборной борьбы в прессе различных направлений; А.В. Костылев, А.Л. Глушковецкий, П.П. Запевалин анализируют механизм выборов на примере отдельных городов и регионов

страны; И.С. Томилов рассматривает административно-полицейские меры, применяемые властями Тобольской губернии против левых кандидатов в депутаты.

В самом большом разделе рецензируемого сборника (17 статей) исследуются непосредственно деятельность Государственной думы Российской империи, роли в ней разных партий, фракций и блоков, повседневные практики депутатов. Так, А.В. Новиков, анализируя отношение рабочих к Государственной думе, приходит к обоснованному выводу о неукорененности идеи народного представительства в сознании рабочих, непонимании ими смысла в дарованных Манифестом 17 октября гражданских свободах, недоверии к сложной избирательной системе. В такой системе ценностей идеи политических реформ отходили на второй план, давая простор развитию радикальных тенденций. Новаторский характер носит статья И.К. Кирьянова о политической истории пиджака в России. Отмечая принципиальное значение внешности публичного политика, его манере одеваться, автор показывает, что для традиционной бюрократии «появление во власти людей в пиджаках было одним из символов крушения старого порядка» [10, с. 122]. Широкое распространение пиджака у членов Государственной думы Кирьянов объясняет влиянием европейских парламентских традиций, растущим осознанием депутатами своей принадлежности к отдельной профессиональной корпорации.

Интересные наблюдения об организации думской экспертизы приводит К.А. Соловьев. Поскольку депутатам не хватало знаний и опыта, они нуждались в систематизированной информации, полученной от независимых от правительства экспертов. Данное обстоятельство превращало Думу в центр притяжения различных общественных групп: предпринимателей, земских деятелей и др., причем, как отмечает автор, «отличить эксперта от представителя "лобби" чаще всего не представлялось возможным» [10, с. 145]. В итоге с депутатами связывались большие общественные ожидания, с которыми, в свою очередь, должна была считаться исполнительная власть. Благодаря этому возрастала роль Думы в общественной жизни страны.

Не обошли стороной авторы сборника и обсуждение в Государственной думе национальных вопросов. Т.В. Котюкова показывает, что за все время своей работы Дума не инициировала «ни одной серьезной реформы, направленной на развитие или улучшение социально-экономической, политико-правовой, национально-культурной сферы жизни Туркестана» [10, с. 156]. Р.А. Цинцук полагает, что силовое решение Холмской проблемы «не сняло ни социального, ни конфессионального, ни национального конфликта» [10, с. 197]. Тем самым лишний раз подтверждается тезис о неспособности дореволюционного парламента решить самый сложный клубок национальных проблем.

Дискуссионный характер носит статья Ф.А. Селезнева, в которой на основании изучения торгово-промышленной политики кадетов поднимается вопрос: «насколько корректно кадетскую партию считать выразительницей интересов буржуазии?» [10, с. 203]. В данном случае автор развивает идеи своей монографии о том, что большинство кадетских установок «изначально не отвечало интересам предпринимательского сообщества», и «конституционные демократы не только не выражали общеклассовые интересы буржуазии, но и действовали вопреки им» [11, с. 165, 168]. Ничего принципиально нового в этом выводе нет, еще в начале XX в. сами либералы постоянно это подчеркивали. Так, кадетский публицист А.С. Изгоев писал: «Отождествлять русскую буржуазию в узком смысле слова с русским либерализмом, безусловно демократическим, невозможно» [12, с. 234]. В современной историографии В.В. Шелохаев показал, что теоретики нового либерализма весьма скептически относились к потенциальным возможностям российской буржуазии, которая характеризовалась ими как малокультурная и политически неразвитая. Социальный консерватизм большей части буржуазии, ее тесная связь с бюрократическим правительственным аппаратом исключали опору на нее в проведении кардинальных реформ. Поэтому в основу либерализма нового типа была положена концепция синтеза двух сил – «внеклассового» государства и «бессословной» интеллигенции, кровно заинтересованной в модернизации страны [13, с. 12]. С нашей точки зрения, кадетов не нужно ни отождествлять с буржуазией, ни противопоставлять ей, поскольку они, выражая общенациональные, надклассовые интересы в своем понимании, выступали за модернизацию России на основе компромисса между различными классами и социальными группами. Не выражая специфических интересов буржуазии, в чем Селезнев, безусловно, прав, они выступали за капиталистическое развитие страны в той мере, в какой это соответствовало их представлениям о построении гражданского общества и правового государства.

В отечественной историографии утвердилось мнение о том, что Дума ушла с политической арены одновременно с монархией [14, с. 337]. А.Б. Николаев существенно корректирует данную точку зрения. Проанализировав материалы частных совещаний членов Государственной думы в марте 1917 г., он пришел к обоснованному выводу о существенном влиянии этих совещаний на политическую ситуацию в стране. Частные совещания, действуя на революционном праве, принимали решения о командировании депутатов на фронт и в провинцию, о пополнении состава ВКГД и формировании новых думских органов и пр. В итоге, констатирует Николаев, «частные совещания являлись органом, не только формально заменяющим Государственную думу, но и вполне работоспособной структурой» [10, с. 264].

Семь статей последнего раздела первой части рецензируемого сборника касаются биографических аспектов жизни и деятельности де-

путатов Государственной думы: С.А. Муромцева, С.Д. Урсова, С.Н. Булгакова, П.А. Крушевана, А.А. Бубликова, Н.Н. Львова и др. В статье А.А. Иванова рассказывается о водевильной истории – дуэли между депутатами III Государственной думы Н.Е. Марковым 2-м и О.Я. Пергаментом. Нелепость ситуации, подчеркивает автор, «отчасти компенсировалась той широкой рекламой (а, значит, и популярностью) которую сделали газетчики всем участникам этого фарса» [10, с. 334]. По-видимому, уже тогда осознавалась роль скандала в увеличении рейтинга политика.

Государственный совет Российской империи оказался в тени Государственной думы, что и отражается в исследовательском поле – работ о нем существенно меньше. Не стал исключением и рецензируемый сборник. Раздел о Госсовете, открывающий его вторую часть, насчитывает всего две статьи: Р.Я. Юрковского – о знаменитом общественном деятеле Виленской губернии Ипполите Корвин-Маевском, и А.Н. Мичурина – о политических взглядах членов верхней палаты Российской империи.

Большое значение для исследователей российского парламентаризма имеет раздел, касающийся думского источниковедения. Н.Ю. Болотина дала обзор личных материалов членов Государственных дум в Российском государственном архиве древних актов, Е.А. Деревнина – судебных дел, связанных с депутатами, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. Д.И. Раскин, проанализировав письма, телеграммы и прошения, поступавшие в Думу, показал складывание практики взаимодействия депутатов с избирателями. Д.М. Усманова изучила роль фотографов во взаимосвязи парламентариев с медийным пространством и общественностью. Важнейшим направлением формирования современной информационной среды исторической науки и образования является создание в сети Интернет комплексных научных и образовательных ресурсов на основе информационных систем, содержащих исторические и историографические источники. В настоящее время ведутся работы под руководством И.Я. Кирьянова по созданию портала «Парламентская история поздней имперской России». Итоги этой работы, возможности и проблемы использования данного портала освещены в статье С.И. Корниенко. В какой-то мере к источниковедческому разделу примыкает опубликованная в приложении статья Н.И. Кореневой о баллотировочных ящиках, хранящихся в Тотемском музейном объединении.

Политическую актуальность сборнику придает третий раздел второй части, касающийся становления и развития парламентаризма в странах СНГ. Ф.В. Малхозова, анализируя трансформацию Верховного Совета РСФСР в 1989–1992 гг., приходит к выводу, что в основе конфронтации законодательной и исполнительной власти «лежало отсутствие четких процедур, которые регулировали бы взаимоотношения ветвей власти и неспособность противостоящих сторон найти консенсус» [15, с. 74].

Е.А. Тарасова приводит интересные данные о выборах депутатов Съезда народных депутатов РСФСР весной 1990 г. Она полагает, что в начале 1990-х гг. существовал и альтернативный путь развития страны, в основе которого была бы не президентская республика, а политическая система, опирающаяся на органы народного представительства [15, с. 83], в других статьях данного раздела речь идет о процессах парламентского развития Республики Беларусь и Кыргызской Республики, а также военно-политических аспектах современного межпарламентского сотрудничества.

Последний раздел рецензируемого сборника касается различных аспектов истории британского парламентаризма. Авторами статей выступают известные ученые-англоведы М.П. Айзенштат, Н.В. Дронова, С.Б. Семенов и др. Они рассматривают природу, механизм и значение развития британского конституционализма, его влияние на политические системы Нового и Новейшего времени, роль личности в истории парламентаризма. Материалы этого раздела помогут исследователям в выявлении степени влияния на российский парламент британских политических традиций.

В целом, несмотря на всю разноплановость материалов «Таврических чтений», их объединяет одна сквозная тема – анализ того, как парламентские практики постепенно меняли общественно-политический климат позднеимперской России. Государственная дума и Государственный совет становились неотъемлемой частью государственной системы, налаживалось взаимодействие парламентариев с властью и обществом, институциональные перемены, введенные Манифестом 17 октября 1905 г., приобретали характер необратимых. Важнейшая черта материалов рецензируемого сборника – опора на неопубликованные или малоизвестные источники, введение в научный оборот новых материалов. Нельзя не отметить и дискуссионность ряда статей, постановку новых проблем, что должно способствовать развитию научной мысли.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что историческая наука получила сборник трудов, который вместе с предшествующими выпусками «Таврических чтений» станет важнейшей опорой для всех исследователей российского парламентаризма и смежных тем. Думается, что приведенный в рецензируемом сборнике богатый фактический и аналитический материал подскажет новые направления научных исследований и поставит вопрос о необходимости пересмотра некоторых устоявшихся в историографии положений.

Список литературы

1. Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. – Рязань: Трибунский, 2002. – 301 с.
2. Николаев А.Б., Поливанов О.Л. К вопросу об организации власти в феврале – марте 1917 г. // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых

источников к новому осмыслению: сб. материалов междунар. науч. конф. – М.: Ин-т Рос. истории, 1997. – С. 131–144.

3. Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы в апреле 1917 г.: персональный состав // Из глубины времен. – СПб., 1997. – № 8. – С. 26–46.

4. Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). – М.: Юрист, 2005. – 408 с.

5. Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 2006. – 366 с.

6. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). – М.: РОССПЭН, 2011. – 511 с.

7. Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. – М.: РОССПЭН, 2006. – 371 с.

8. Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. – М.: РОССПЭН, 1996. – 214 с.

9. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. – М.: Наука, 1989. – 256 с.

10. Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность // Междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 дек. 2013 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева: в 2 ч. – СПб.: ЭликСис, 2014. – Ч. 1.

11. Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2006. – 227 с.

12. Изгоев А.С. Русское общество и революция. – М.: Русская мысль, 1910. – 273 с.

13. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. – М.: РОССПЭН, 1996. – 277 с.

14. Представительная власть в России: История и современность / под общ. ред. Л.К. Слиски. – М.: РОССПЭН, 2004.

15. Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность // Междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 дек. 2013 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева: в 2 ч. – СПб.: ЭликСис, 2014. – Ч. 2.

References

1. *Nikolaev A.B. Gosudarstvennaya дума v Fevral'skoj revolyucii: ocherki istorii* [The state Duma in the February revolution: essays on the history]. – Ryazan': Tribunskij, 2002. – 301 s.

2. *Nikolaev A.B., Polivanov O.L. K voprosu ob organizacii vlasti v fevrale – marte 1917 g.* [To the question of organization of power in February – March 1917] // 1917 g. v sud'bah Rossii i mira. Fevral'skaya revolyuciya: ot novyh istochnikov k novomu osmysleniyu. Sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. [1917 in destiny of Russia and the world. The February revolution: from new sources to new thinking. Sat. materials Intern. scientific. conf] – М.: Institut Ros. istorii, 1997. – S. 131–144.

3. *Nikolaev A.B. Komissary Vremennogo komiteta Gosudarstvennoj dumy v aprele 1917 g.: personal'nyj sostav* [The Commissars of the Provisional Committee of the State Duma in April, 1917: personal composition] // Iz glubiny vremen [From the depths of time]. – SPb., 1997. – № 8. – S. 26–46.

4. *Aronov D.V. Zakonotvorcheskaya deyatel'nost' rossijskih liberalov v Gosudarstvennoj dume (1906–1917 gg.)* [Legislative activity of the Russian liberals in the State Duma (1906–1917)]. – М.: YUrist, 2005. – 408 s.

5. *Kir'yanov I.K.* Rossijskie parlamentarii nachala HKH veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliamentarians of the early twentieth century: new politicians in the new political space]. – Perm': Permskoe knizh. izd-vo, 2006. – 366 s.
6. *Solov'ev K.A.* Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: mekhanizmy vzaimodejstviya (1906–1914) [Legislative and Executive power in Russia: mechanisms of interaction (1906–1914)]. – M.: ROSSPEHN, 2011. – 511 s.
7. *Demin V.A.* Verhnyaya palata Rossijskoj imperii. 1906–1917 [The upper chamber of the Russian Empire. 1906–1917]. – M.: ROSSPEHN, 2006. – 371 s.
8. *Demin V.A.* Gosudarstvennaya Duma Rossii (1906–1917): mekhanizm funkcionirovaniya [The Russian state Duma (1906–1917): the mechanism of functioning]. – M.: ROSSPEHN, 1996. – 214 s.
9. *Avrekh A.YA.* Carizm nakanune sverzheniya [Tsarism on the eve of the overthrow]. – M.: Nauka, 1989. – 256 s.
10. *Tavrisheskie chteniya 2013.* Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, S.-Peterburg, Tavrisheskij dvorec, 11-12 dekabrya 2013 g. Sbornik nauchnyh statej / Pod red. A.B. Nikolaeva: V 2-h chastyah [Tauric readings in 2013. Current problems of parliamentarism: history and modernity. International scientific conference, St. Petersburg, Tauride Palace, 11–12 December 2013 the Collection of scientific articles / edited by A. B. Nikolaev: In 2 parts]. – SPb.: EHlikSis, 2014. – CH. 1.
11. *Seleznev F.A.* Konstitucionnye demokrati i burzhuaziya (1905–1917 gg.) [Constitutional Democrats and bourgeoisie (1905–1917 gg.)]. – N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo uni-ta im. N.I. Lobachevskogo, 2006. – 227 s.
12. *Izgoev A.S.* Russkoe obshchestvo i revolyuciya [Russian society and revolution]. – M.: «Russkaya mysl'», 1910. – 273 s.
13. *SHelohaev V.V.* Liberal'naya model' pereustrojstva Rossii [The liberal model of rebuilding Russia]. – M.: ROSSPEHN, 1996. – 277 s.
14. *Predstavitel'naya vlast' v Rossii: Istoriya i sovremennost' / Pod obshch. red. L.K. Sliski* [The representative power in Russia: History and modernity / ed. by L. K. Sliski]. – M.: ROSSPEHN, 2004.
15. *Tavrisheskie chteniya 2013.* Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, S.-Peterburg, Tavrisheskij dvorec, 11-12 dekabrya 2013 g. Sbornik nauchnyh statej / Pod red. A.B. Nikolaeva: V 2-h chastyah [Tauric readings in 2013. Current problems of parliamentarism: history and modernity. International scientific conference, St. Petersburg, Tauride Palace, 11–12 December 2013 the Collection of scientific articles / edited by A. B. Nikolaev: In 2 parts]. – SPb.: EHlikSis, 2014. – CH. 2.

Сведения об авторах

Афанасьев Григорий Юрьевич – кандидат исторических наук, ведущий специалист, Российский государственный исторический архив; e-mail: greenia2006@rambler.ru

Белова Анна Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории, Тверской государственный университет; e-mail: belova_tver@rambler.ru

Бенда Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент межфакультетской кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: bvn.1962@mail.ru

Веремenco Валентина Александровна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Волошун Полина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова; e-mail: apollinaryav@yandex.ru

Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и философии, Череповецкий государственный университет; e-mail: anegorov65@mail.ru

Каминский Валерий Владимирович – PhD истории, независимый исследователь (г. Ашдод, Израиль); e-mail: kaminsckij.valera@yandex.com

Карпова Вероника Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: nika7676@mail.ru

Козлов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: koznik49@yandex.ru

Кротова Мария Владимировна – доктор исторических наук, доцент кафедры международных отношений, истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ); e-mail: mary_krot@mail.ru

Крылова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: hellennak@ya.ru

Михайлова Ирина Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: mikhailova.irina@inbox.ru

Северцева Ольга Валентиновна – аспирантка кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: oseverseva@mail.ru

Синова Ирина Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: s-irina@ya.ru

Тюрин Андрей Владимирович – аспирант кафедры международных отношений, истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: atyurin87@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «История повседневности» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

50. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.

51. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владиминова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.

52. Лобанов В. В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-voospitaniya-v-s-pirusskogo> (дата обращения: 01.12.2015).

53. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [перевод названия источника на английский язык]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.

2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. 2013. № 3(08). P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: valentina.veremenko@yandex.ru**

Для заметок

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 1

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 08.06.2016. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Arial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 11. Тираж 500 экз. Заказ № 1266

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10